

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Факультет удмуртской филологии
Кафедра общего и финно-угорского языкознания

Н. В. Кондратьева

**Категория падежа имени существительного
в удмуртском языке**

Монография

Издательство «Удмуртский университет»
Ижевск 2011

УДК 811.511.131'36

ББК 81.664.1–2

К 642

Рецензент:

Н. В. Ильина, кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков

Научный редактор:

В. К. Кельмаков, доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой общего и финно-угорского языкознания

Кондратьева Н. В.

К 642

Категория падежа имени существительного в удмуртском языке / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011. 255 с.

В монографии рассматривается система склонения имени существительного в современном литературном удмуртском языке. В работе представлена инвентаризация морфологических маркеров падежных форм простого и притяжательного склонений, определены семантические значения и функции каждого падежа, проведена их классификация. Предлагаемая вниманию читателей монография рассчитана на лингвистов разных специальностей, студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов.

УДК 811.511.131'36

ББК 81.664.1–2

© Н. В. Кондратьева, 2011
© Издательство «Удмуртский университет», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. Теория падежа в контексте развития мировой лингвистики	7
2. Система субстантивного словоизменения в современном удмуртском языке	16
2.1. Субъектно-объектные падежи	24
2.1.1. Именительный падеж	25
2.1.2. Винительный падеж	36
2.1.3. Родительный падеж	66
2.1.4. Разделительный падеж	83
2.1.5. Дательный падеж	103
2.1.6. Творительный падеж	120
2.1.7. Лишительный падеж	134
2.1.8. Соответственный падеж	139
2.2. Пространственные падежи	146
2.2.1. Местный падеж	152
2.2.2. Входный падеж	161
2.2.3. Предельный падеж	169
2.2.4. Исходный падеж	176

2.2.5. Отдалительный падеж.....	186
2.2.6. Переходный падеж	194
2.2.7. Направительный падеж	204
3. Явление двупадежности в современном удмуртском языке	210
4. К вопросу дистрибуции суффикса -гес в морфологической структуре имени существительного	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	232
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	235
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	237
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	242

ВВЕДЕНИЕ

Удмуртская морфология имеет более чем двухвековую историю развития. Формирование традиций описания грамматической структуры удмуртского языка, в том числе и системы субстантивного словоизменения, относится ко второй половине XVIII в. Предложенная авторами первых удмуртских грамматик систематизация падежно-числовых форм имени существительного представляет собой адаптацию научных результатов русской и греко-латинской грамматических школ применительно к описываемому языку. Однако, с развитием филологической мысли как в учение о грамматической структуре удмуртского языка в целом, так и в учение о грамматических категориях отдельных частей речи вносились изменения и уточнения, раскрывающие специфику исследуемого языка.

Важную роль в определении лингвистической сущности категории падежа в удмуртском языке сыграли зарубежные исследователи Х. Габеленц, Т. Г. Аминофф, Ф. Й. Видеманн, Ю. Вихманн, Д. Р. Фокош-Фукс и др. Характерной чертой лингвистических трудов этого периода стало сравнительное изучение фактов и явлений удмуртского языка с данными родственных финно-угорских, а также типологически сходных алтайских языков. В отличие от грамматик XVIII в., в работах зарубежных авторов XIX в. последовательно выделяется простое и притяжательное склонение имени существительного и разграничивается от 11 до 17 падежных форм. Особенностью научных трудов исследуемого периода является также выявление семантико-синтаксических функций удмуртских падежно-числовых форм в синхронно-типологическом и диахроническом аспектах.

В конце XIX – начале XX в. к исследованию теоретических вопросов удмуртского языкознания подключились и отечественные лингвисты: Г. Е. Верещагин, П. П. Глезденев, П. Д. Горохов, С. П. Жуйков, И. Я. Яковлев, А. И. Главатских, А. И. Емельянов и др. К сожалению, несмотря на то, что к концу XIX в. в трудах за-

рубежных ученых были уже заложены научные традиции изучения грамматических категорий имени существительного, исследователи удмуртского языка 1920-х гг. вновь вернулись на исходные позиции и во главу угла своих работ ставили проблемы установления количества членов падежной парадигмы, вопросы функционально-семантической характеристики падежных форм, а также проблемы терминологии, касающейся исследуемых грамматических категорий. Работы В. И. Алатырева (1937) положили конец дискуссиям о словоизменительной системе удмуртского языка.

С точки зрения изучения грамматических категорий имени существительного, современное языкознание характеризуется подходом к языку как системе, явлению структурном и подвижном. Здесь рассматриваются вопросы как диахронического (Б. А. Серебренников, К. Е. Майтинская, В. К. Кельмаков, Р. Бартенс, Ш. Чуч и др.), так и описательно-типологического (И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, Г. А. Ушаков, А. Ф. Шутов, Б. И. Каракулов, Л. Л. Карпова, Г. А. Некрасова и др.) характера. Новый этап в изучении удмуртского языка характеризуется усилением его теоретического составляющего.

В данном исследовании обратимся к изучению системы субстантивного словоизменения современного литературного удмуртского языка: здесь представлена инвентаризация морфологических маркеров падежных форм простого и притяжательного склонений, определены семантические значения и функции каждого члена парадигматического ряда, проведена их классификация. На основе всего этого производится попытка уяснить синтагматические и парадигматические отношения, т. е. любая грамматическая категория должна рассматриваться, во-первых, в ее единичных проявлениях; во-вторых, в ее системных связях и отношениях.

1. Теория падежа в контексте развития мировой лингвистики

В языках агглютинативного типа одной из базовых грамматических категорий имени существительного является категория падежа, направленная на реализацию основных синтаксических потенций соответствующей части речи. Определяя характер словоизменительной парадигмы слова, категория падежа также регулирует способы внутренней организации предложения или словосочетания – способы выражения субъектно-объектных отношений и речевого распределения актантов в многоместном предложении, способы выражения глагольно-объектных, глагольно-обстоятельственных и атрибутивных связей, тип порядка слов в предложении и многое другое.

Интерес ученых к выделению, описанию и осмыслению падежей как составных элементов целостной подсистемы языка столь же древен, как попытки человека структурировать окружающий мир и систематизировать наблюдаемые явления. Уже в V в. до н. э. можно найти достаточно законченную и системную падежную доктрину в древнеиндийском «Восьмикнижии» Димри Дж. П. Панини – первой дошедшей до нас грамматике санскрита. Почти в это же время Аристотель в своей «Поэтике» впервые вводит термин «падеж», который впоследствии прочно закрепится в европейской лингвистической традиции. Также он разграничивает семантические функции падежных форм, в частности, родительный падеж в функции обозначения владельца предмета и в функции обозначения целого, от которого берется часть; винительный падеж в функции объекта действия и в функции обозначения отрезка времени, в течение которого происходит действие и др. (см. подробнее: [Ольховников 1985: 56–62; Алпатов 1998: 12–13; Михалев 2005: 106–107]).

Видный представитель александрийской грамматической школы Дионисий Фракийский и его последователи Диомед и Присциан, с одной стороны, Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» (1587 г.) и «Общая и рациональная грамматика» Антуана

Арно и Клода Лансло (1660 г.) – с другой, намного приблизили нас к современному пониманию сущности падежа (см. подробнее: [Ольховников 1985: 71–77; Rieux, Rollin 1975: 79–85]).

В истории русской лингвистической традиции в становлении теории падежа (как с чисто терминологической, так и с содержательной точки зрения) значимое место занимает М. В. Ломоносов. Ломоносовская терминология прочно утвердилась в отечественной науке и практике преподавания русского языка, она была заимствована многими национальными лингвистиками (см. подробнее: [Ольховников 1985: 151–161]).

Разработка принципов выделения падежных форм и анализ их семантической структуры органично вписался в круг рассматриваемых проблем отечественного языкознания конца XIX – начала XX вв. и исследовался в трудах А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова и др. Их грамматические концепции на протяжении нескольких десятилетий оказывали определяющее влияние на развитие отечественной морфологической и синтаксической науки. Вместе с тем, подлинный интерес к исследованию категории падежа как целостной языковой подсистемы, к содержательной классификации падежей и выявлению их поверхностной и глубинной семантики появился лишь в 30-ые годы XX века. Начало целому ряду специальных исследований, посвященных теории падежа, положила работа датского лингвиста Л. Ельмслева «*La catégorie des cas. Etude de grammaire générale*» (1935). Практически одновременно появляются широко известные труды Р. Якобсона «К общему учению о падеже» (1936) и А. В. де Гроота «*Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas*» (1939 г.) (см. об этом: [Бондарко 1996: 5–18]).

Новый всплеск научного интереса к изучению категории падежа возникает в связи с появлением в середине 50-ых годов XX столетия работ Е. Куриловича по падежной семантике, а также исследований американского ученого Ч. Филлмора (см. ниже), и, в частности, его работа «*The Case for Case*» (1968) (см.: [Fillmore 1968: 3–88; Филлмор 1981a: 369–394; 1981b: 394–435]). Отказ от учета формальных способов выражения падежных значений и перенос анализа в плоскость «глубинных структур» и «семантических ролей аргумента» оказался весьма востребованным на этом этапе развития лингвистики, особенно американской, и породил

целый ряд самостоятельных моделей «падежной грамматики» (см. об этом: [Кацнельсон 1988: 110–131; Мосина 2009: 127–131; Finke 1974]): в частности, модель У. Чейфа [Чейф 1975], модель Р. Якендоффа и Дж. Грубера, основанная на тематических отношениях (см. об этом подробнее: [Jackendoff 2002: 267–332; Cook 1989: 121–150]), модель, разработанная в рамках тагмемики (см. об этом подробнее: [Cook 1989: 151–180]); «матричная» модель В. Кука [Cook 1989: 181–210] и др. В частности, в 1970-е гг. американский ученый У. Чейф выдвигает гипотезу о том, что глубинная структура предложения является семантической, а не синтаксической. В этом отношении, с точки зрения исследователя, «семантические структуры различных языков гораздо более сходны, чем их поверхностные структуры» [Чейф 1975: 98].

Другой лингвист Дж. Андерсон в своей работе «The Grammar of Case. Towards a localistic Theory» [Anderson 1971] при разработке теории падежа опирается на теорию «правил зависимости» (dependency rules), согласно которой каждая подчиненная синтагма включает две части: а) независимую и б) зависимую от предыдущей. С точки зрения ученого, независимый член представляет собой слой структуры высказывания высшего уровня. В этом отношении на уровне высказывания доминирующим элементом является глагол. От него, как подчеркивает Дж. Андерсон, имеют зависимость падежи, а от падежей – именные синтагмы. Таким образом, падежи, с точки зрения ученого, являются лишь структурными единицами высказывания, а понятие падежа как такового, в противоположность позиции Ч. Филлмора, не является абсолютным. В своей концепции Дж. Андерсон также максимально сокращает количество падежей и распределяет их в две группы: неместные (номинатив и эргатив) и местные (локатив и аблатив (см. об этом: [Anderson 1971: 35–150])).

Исследования зарубежных авторов в области теории падежа ввели в научный оборот российского языкознания ряд методологических принципов. В частности, в последние десятилетия при описании содержательной стороны падежных форм широко используется изучение семантической роли, под которой понимается «совокупность черт, общих для одинаково кодируемых партиципантов» (см. об этом подробнее: [Лыскова 2003: 26–35]). Семантические роли также называют семантическими падежами

или глубинными падежами, согласно терминологии Ч. Филлмора – основоположника концепции глубинных падежей (см. об этом: [Филлмор 1981a: 369–394]). Подвергнув анализу глубинную структуру английского языка, американский ученый пришел к выводу, что падеж представляет собой отношения глубинных структур между именными и глагольными сочетаниями. Для разграничения этих глубинных отношений (семантических ролей) от морфологических падежей, использующихся для описания поверхностной структуры предложения, Ч. Филлмор вводит понятие глубинный падеж.

Вопрос о количестве глубинных падежей автором падежной теории решался неоднозначно. В своих ранних работах Ч. Филлмор выделяет 6 падежей: Agentive (A), Benefactive (B), Dative (D), Factitive (F), Locative (L), Objective (O) [Fillmore 1968: 24–25; Филлмор 1981a: 369–394]. В более поздних работах ученого система глубинных падежей представлена 10 членами парадигматического ряда: *агентив* – активный участник ситуации, побуждающий к действию; *контрагентив* – сила, мешающая протеканию действия; *объектив* – предмет, затрагиваемый действием; *пациенс* – участник ситуации, на которое направлено действие; *фактитив* (*результатив*) – предмет, возникший в результате действия; *адресат* (*реципиент*) – участник ситуации, приобретающий что-либо в ходе реализации действия; *инструмент* – сила или объект, окказионально вовлеченный в действие или процесс; *локатив* – место действия, его пространственная ориентация; *начальная точка* – место, характеризующее начало отсчета движения; *время* – темпоральная характеристика действия (см. об этом: [Cook 1989: 31–60]).

Проблема разграничения семантических ролей стала объектом бурных научных дискуссий в лингвистике второй половины XX века, в частности, в этом отношении определенный интерес представляют труды В. Г. Гака, Ю. Д. Апресяна, Р. С. Амбарцумяна, В. В. Богданова, А. Вежбицкой и др. (см. об этом подробнее: [Лыскова 2003: 26–35; Плунгян 2000: 166]). Количество семантических ролей, представленных в трудах последователей теории глубинных падежей, варьируется от 6 до 25 и более (см. подробнее: [Лыскова 2003: 26–35]).

Каждый язык обладает определенным набором как морфологических, так и глубинных падежей. При этом каждый морфологический падеж может участвовать в выражении нескольких семантических ролей, соответственно, каждая семантическая роль может быть выражена посредством нескольких морфологических падежей. В частности, для выражения семантической роли «время» в системе современного удмуртского языка привлекается практически вся падежная парадигма удмуртского языка, например, для выражения итеративных значений с его многочисленными разновидностями (ситуация полностью повторяется с той или иной периодичностью: часто, редко, регулярно), а также для актуализации значений хабиитуалис, или регулярно повторяющихся ситуаций, «привычных» действий, в удмуртском языке используется входный падеж в форме множественного числа: *Мӧзмыса тынэсьтыд, жьытьёсы одйгнам поръясько шур кузя* (Тих., 138). 'Скучая по тебе, вечерами я одна брожу вдоль реки'; *Уйёсы лушкемак пушлулы выкышъя* (Тих., 65). 'По ночам моя душа беззвучно всхлипывает'.

Формы дательного падежа, наряду с другими функциональными значениями, содержат указание на конкретные временные координаты, которым предшествует осуществление действия: *Алгебраен йуказелы сётэм уравнениосыз лэсьтыса сётйз ке, соиз соку ик шунтоз* (СН, 77). 'Если он решит заданные к завтрашнему дню уравнения, [этот человек] его сразу пригреет'; *Эх, Вель арлы пельнянь кутыны парсь макес ваёно ук* (Хайд., 47). 'Эх, надо купить (букв. принести) свиной окорок, чтобы состряпать пельмени к Новому году'; *Вель арлы вель шыд пӧзьтыса вуттом* (Хайд., 48). 'К Новому году еще успеем сварить новый суп'.

С точки зрения выражения темпоральных отношений, дательный падеж может также указывать на временной отрезок, в течение которого совершается действие: *Иванэз куинь нуналлы Иже, семинаре, ӧтизы* (Перевощ., 700). 'Ивана пригласили в Ижевск на три дня на семинар'; *Одйг арлы академическое куриськоно-а, мар-а?* (Перевощ., 333). 'Может быть, попроситься на год в академический [отпуск]?'; *Собере со [Валя] быдэс толэзьлы кошкиз* (Матв., 54). 'Потом она [Валя] уехала на целый месяц'.

Для выражения лимитативных значений употребляются формы предельного падежа, указывающие на конечный момент про-

текания действия/события: – *Сйзыылозь кыдѣкын на, – малпаз со ас понназ* (Лям., 85). ‘– До осени еще далеко, – подумал он про себя’; *Ма собере жытѣсы но та площадказы ѓз мѓзмылы – тыл кыскемзы бере, оло, уйшорозь юргетылїз: хоккеен шудїсѣс сяна, ошоры нискыласѣс но уго тачак люкаскылызы* (Перевощ., 514). ‘Да и по вечерам эта площадка не скучала; после того, как сюда протянули свет, [здесь] до полуночи стало шумно: кроме хоккеистов, [сюда] приходили и те, кто хотел покататься на коньках’.

Лимитативное значение может выражать также суффикс *-тэк*, указывающий на временные границы перехода от одного действия к другому: *Роман но гужемтэк кызмысь ѓз дугды* (Перевощ., 117). ‘Пока не наступило лето, Роман не перестал кашлять’; *Атаез выль выжы скалѣслы Азвыр станцие мынїз, ѓуказетэк уз вуы* (ЧП, 269). ‘Его отец отправился на станцию Азвыр за племенными коровами, он вернется не раньше завтрашнего дня’.

При актуализации континуативных значений в удмуртском языке чаще всего используется падеж эгрессив: *Туннэ нуналысен Гаян но адыми* (Конов., 73). ‘С сегодняшнего дня Гаян тоже человек’; *Тани ми но ѓукнаысен [машинаез] витиськом* (СЕВ, 36). ‘Вот и мы уже с утра ждем [машину]’.

В данном разделе мы ограничимся приведением лишь некоторых значений реализации семантической роли «время», подчеркнув, что каждая падежная форма актуализирует свой компонент семантики времени – начало, конец или развитие события (временной отрезок) протекания действия. Как видно из приведенных примеров, в реализации падежных значений участвует не только грамматическая форма имени существительного (см. об этом подробнее: [ЭСЛТП 2008: 754]), но семантика падежей чаще всего определяется: а) формой и значением управляющего слова; б) формой и значением управляемого слова; в) синтаксической позицией лексемы. Таким образом, в значении падежей следует разграничивать морфологический и семантический план, рассматривая первый как план грамматического представления, а второй – как план грамматической семантики, который имеет дело с дифференциальными падежными признаками, с инвариантными значениями падежей.

Среди отечественных лингвистов исследованием теории падежа занимались и занимаются Е. В. Клобуков, В. А. Успенский,

А. В. Гладкий, И. А. Мельчук, А. А. Зализняк, С. Д. Кацнельсон, В. В. Мадоян, С. Е. Яхонтов, В. А. Плунгян, В. Г. Гак, Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик, Ю. С. Степанов, Г. П. Мельников, Е. В. Падучева, Г. А. Золотова, В. Е. Чешко, Н. Ю. Шведова, и многие другие, простое перечисление работ которых заняло бы несколько страниц (см., в частности: [Seidel 1988: 72; Десницкая 1988: 34–44; Гладкий 1999: 45–55; Плунгян 2000; Падучева 2005: 84–99; Золотова 1988: 52–58; 2006: 14–21]. Так или иначе, категория падежа и падежная парадигма в целом в каждом языке имеет свои особенности, определяемые грамматическим строем языка, совокупностью форм выражения соответствующих значений, а также общей тенденцией развития языковой системы. В этом контексте интересно отметить, что Е. В. Клобуков выявил определенные закономерности в развитии учения о падеже: «существует непосредственная, закономерная связь между прогрессом в области синтаксического анализа и оживлением к «вечной» проблеме падежа. Так, основополагающие работы 30–40-х гг. нашего столетия по проблемам семантики падежей хронологически следуют за итоговыми синтаксическими описаниями (для русского языка таковыми являются фундаментальные исследования А. М. Пешковского и А. А. Шахматова). Современный уровень изученности синтаксической семантики (см. труды Н. Д. Арутюновой, В. А. Белошапковой, Г. А. Золотовой, Е. В. Падучевой, Н. Ю. Шведовой, В. Г. Гака и др.) позволяет по-новому взглянуть на характер падежных значений» [Клобуков 1986: 4].

Таким образом, в истории развития теории падежа к сегодняшнему дню разработаны различные методы и приемы научного описания сущности и семантики падежей, различия между которыми проявляются прежде всего в понимании природы падежного значения. В этом контексте, как отмечает Г. А. Некрасова, можно выделить четыре основные концепции: (а) парадигматический – или морфологический – подход, характеризующийся анализом падежной семантики с точки зрения их структурных оппозиций; (б) синтагматический, – или синтаксический – подход, который основывается на первичности синтаксических функций по отношению к морфолого-семантическим; (в) логико-семантический подход, представляющий собой теорию чистого падежного значения в отрыве от формы; (г) системно-функциональный под-

ход, при котором анализируется взаимодействие и взаимообусловленность значений грамматической формы и контекста (подробнее об этих направлениях см.: [Некрасова 2002б: 25–27]).

В зависимости от концептуального подхода к исследуемой грамматической категории в научной литературе представлены различные дефиниции понятию падеж. Так, в традиционном понимании категория падежа определяется как «грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или высказыванию в целом¹» [БЭС 1998: 355].

При синтаксическом подходе под термином падеж понимается словоизменяемая категория имени, выражающаяся «в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношение имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения» [РГ 1982: 474–475].

С точки зрения функциональной грамматики, падеж имени существительного рассматривается как «словоизменяемая грамматическая категория, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм, с помощью которых оформляется представление говорящего (пишущего) о коммуникативно значимой роли каждого из участников описываемой ситуации» [Лутин 2008: 8]. В этом контексте для системы русского языка ученые, с одной стороны, дифференцируют падежи-генераторы (ИП и ТП) и падежи-локализаторы (ПП, ВП, ДП, частично РП); с другой – падежи реальные (ИП, ПП, РП) и потенциальные (ТП, ВП, ДП); внутри падежей-локализаторов предлагается также разграничивать падежи, указывающее на место фиксации (т. е. на непосредственный контакт с партиципантом) или зону фиксации (т. е. на

¹ Близкая трактовка в понимании сущности падежа представлена и в финской лингвистической традиции: «Sija – nominikategoriaan liittyvä sekundaarinen kategoria, jonka elementeillä ilmaistaan erilaisia syntaktisia suhteita; tavallisesti tehdään jako kahteen päätyyppiin: 1) ns. kielipilliset sijat eli abstraktiset sijat, jotka ilmaisevat seuraavia syntagmaattisia suhteita: subjektia (nominatiivi), objektia (akkusatiivi), epäsuoraa objektia (datiivi), adnominaalista omistusta (genetiivi), välikappaletta (instrumentaali), mukanaoloa (komitatiivi), 2) paikallissijat eli konkreettiset sijat, jotka ilmaisevat tapahtumisen paikkaa, suuntaa, aikaa ym.» [Hakulinen, Ojanen 1976: 131]

соположение с партиципантом при неважности непосредственного контакта) (см. об этом подробнее: [Лутин 2008: 40]).

Современная зарубежная лингвистика опирается прежде всего на прагматический подход, при котором падежная форма представляет собой единство морфологического выражения и релизуемого контекста: «Case is another grammatical category that may affect nouns (or whole noun phrases). In languages that employ the inflectional category of case, nouns are distinguished on the basis of how they are deployed in sentences, for example, whether they function as subject, direct object, indirect object, as a location, time, or instrument, or as the object of a preposition» [Lieber 2010: 92].

В данной работе, учитывая бинарную структуру категории падежа, мы будем исходить из того, что «если по своей структуре падеж является морфологической категорией, то по своей функции в речи он может быть определен как синтаксическая категория, т. е. такая, которая служит для выражения связи между словами в словосочетаниях (синтаксическая функция падежа) и, соответственно, отношений между понятиями, обозначаемыми этими словами (семантическая функция падежа)» (см. об этом подробнее: [Чешко 1970: 20–21]). Таким образом, каждая падежная форма: (1) имеет свое морфологическое выражение, (2) обладает определенным набором значений, реализуемых в контексте, (3) выражает определенные синтаксические отношения и (4) выступает в характерных для него синтаксических функциях.

2. Система субстантивного словоизменения в современном удмуртском языке

С точки зрения современной лингвистики, система склонения литературного удмуртского языка представлена 15 членами парадигматического ряда, которые традиционно подразделяются по основному значению на субъектно-объектные (именительный, винительный, родительный, разделительный, дательный, лишительный, соответственный, творительный) и пространственные² (местный, входный, исходный, отдалительный, переходный, предельный, направительный) падежи (см. об этом: [ГСУЯ 1962: 86]).

Количественный состав падежей в удмуртских диалектах различен и варьируется от 12 до 21 (см. подробнее: [Kel'makov, Saarinaen 1994: 97]). Минимальное количество падежей представлено во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах, где уменьшение количественного состава парадигматического ряда происходит за счет замещения адвербиальных и аппроксимативных форм послеложными конструкциями (см. об этом: [Кельмаков

² Следует заметить, что данное разделение в удмуртской лингвистике носит условный характер, поскольку все падежи по своей природе представляют формы грамматические, а их семантическая структура проявляется только в контексте. Кроме того, каждый падеж может выражать разнообразные логические отношения между словами. В частности, многие субъектно-объектные падежи могут участвовать в выражении пространственных отношений.

В современной лингвистике представлены и другие классификации членов падежной парадигмы. В частности, положив в основу классификации семантику падежных форм, Е. Курилович предлагает разграничивать грамматические и конкретные падежи. Так, с точки зрения ученого, первичной функцией грамматического падежа является синтаксическая функция, а вторичной – семантическая. В противовес этому у конкретного падежа первичная функция семантическая, а вторичная – синтаксическая (см. об этом подробнее: [Курилович 1962: 196]). Однако для удмуртского языка с его развитой системой словоизменения более удобным является использование традиционной классификации падежных форм.

1998б: 117]). В частности, одним из говоров с минимальной падежной парадигмой является красноуфимский говор, где помимо падежа аппроксиматив отсутствует и элативный падеж, функциональная нагрузка которого передается формами пролатива (см. об этом: [Насибуллин 1978: 96–97]).

В отдельных северных говорах и бесермянском наречии, напротив, количество падежей увеличилось до 21 за счет «возникновения новой серии приблизительно-местных падежей с приметой *-н'* (< *дин'* – ‘у, около, при, возле’), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (*-лань*)» [Кельмаков 1998б: 118]. В отличие от обычных пространственных падежей новая серия локальных форм на *-н'* указывает, как отмечает Т. И. Тепляшина, на нахождение или действие по отношению к конкретному месту, к конкретному лицу (см. об этом: [Тепляшина 1981: 287]). Уточняя высказывание Т. И. Тепляшиной, С. А. Максимов предлагает обозначать исследуемую серию падежей как жилищно-местные падежи, т. к. «они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д.» [Максимов 1999а: 194]. Как отмечает Л. Л. Карпова, новые падежные форманты в среднечепецком диалекте употребляются только с ограниченным количеством лексем: «в основном их используют применительно к одушевленным именам, выражающим человека, лицо: *нъльдн'э* ‘к твоей дочери’, *пийэзн'ьс'* ‘от его сына’ и др.» [Карпова 2005: 61]. Как подчеркивает В. А. Плунгян, в качестве основной причины увеличения пространственных падежей типологически следует считать то, что в данном случае «совместно с граммемами падежа (кумулятивно, как в финно-угорских, или агглютинативно, как в дагестанских) выражаются граммы другой категории – локализации» [Плунгян 2000: 171].

В парадигме склонения современного удмуртского языка следует разграничивать простое и притяжательное склонение. При притяжательном склонении в морфологической структуре слова наряду с падежными аффиксами присутствуют аффиксы принадлежности, которые содержат указание на число обладате-

ля(ей) и предмета(ов) обладания. Значение и синтаксические функции падежей при притяжательном склонении в основном остаются такими же, как и при простом склонении: *Танковой батальонъёс Идрица пала кошкизы, нош мотострелковой батальон – Сабезж но Опочка пала* (Байт., 77). ‘Танковые батальоны направились в сторону Идрицы, а мотострелковый батальон – в сторону Сабеза и Опочки’. Ср.: *Танковой бригадамь кема но секыт ожмаськиз* (Байт., 102). ‘Наша танковая бригада долго и упорно (букв. тяжело) сражалась’. Как видно из примеров, падежная связь слов в обоих типах склонения остается одинаковой.

Категория посессивности в удмуртском языке довольно подробно рассмотрена в монографии С. В. Едыгаровой [2010], где она выделяет девять морфосинтаксических конструкций, характерных для посессивных ситуаций в удмуртском языке: (а) конструкции *N-Pr* (*коркае* ‘мой дом’, *йырыд* ‘твоя голова’); (б) генитивные и аблативные атрибутивные конструкции *N_{pr}Gen N_{pm}Pr* и *N_{pr}Abl N_{pm}Pr-Acc* (*воргоронлэн коркаез* ‘дом мужчины’, *воргоронлэсь корказэ адзисько* ‘вижу дом мужчины’); (в) конструкции примыкания *N_{pr}Nom N_{pm}* (*корка липет* ‘крыша дома’); (г) элативные конструкции *N_{pr}Elat N_{pm}* (*Удмурт кун университетъсь дышетскись* ‘студент Удмуртского государственного университета’); (д) конструкции с инструментальными формами *N_{pm}Instr N_{pr}* (*галстукен воргорон* ‘мужчина в галстукe’); (е) конструкции с деривационными суффиксами *-ала/-ло N_{pr}-ала/-ло N_{pr}* (*мимала гужем* ‘прошлое лето’, *толло жук* ‘вчерашняя каша’); (ж) конструкции с деривационным суффиксом *-о/-ё N_{pm}-о/-ё N_{pr}* (*нылпиё кышномурт* ‘женщина, у которой есть дети’); (з) абессивные конструкции, указывающие на отсутствие конкретных дискурсивных элементов [*N_{pr}*]...[*N_{pm}Abes*] (*корка липеттэк кылем* ‘дом остался без крыши’); (и) конструкции с деривационным суффиксом *-тэм N_{pm}-тэм N_{pr}*, обозначающие или отсутствие ингерентного признака (*пыдтэм воргорон* ‘безногий мужчина’), или отсутствие перманентной физической посессивности (*нылпитэм кышномурт* ‘женщина, у которой нет детей’) (см. об этом подробнее: [Едыгарова 2010: 67–230]).

В системе современного удмуртского языка часть имен существительных имеет дефектную парадигму. Традиционно принято считать, что разные лексико-грамматические разряды существи-

тельных имеют разное количество словоизменительных форм: в частности, имена, относящиеся к разряду одушевленных, склоняются по субъектно-объектным падежам, тогда как неодушевленные существительные в своей парадигме имеют все 15 форм (см. подробнее: [ГСУЯ 1962: 86]). Однако, современные ученые подвергают сомнению данный принцип, с одной стороны, подчеркивая отсутствие полной парадигмы в склонении отдельных лексико-грамматических разрядов имен существительных с общим значением «неодушевленные имена»: «усеченная падежная парадигма является атрибутом не только одушевленности имен существительных. Способность приобретать формы локальных падежей лишены и многие неодушевленные имена существительные, обозначающие вещества (*вõй* ‘масло’, *кõй* ‘сало’, *йõл* ‘молоко’), мелкие предметы (*вень* ‘иголка’, *бирды* ‘пуговица’, *сйньыс* ‘нитки’, *зундэс* ‘кольцо’). Не склоняются по локальным падежам также отглагольные имена существительные (*яратон* ‘любовь’, *гажан* ‘уважение’, *вормон* ‘победа’) и имена существительные с отвлеченным значением (*тазалык* ‘здоровье’, *шуд* ‘счастье’). Часть неодушевленных имен существительных употребляется лишь в формах некоторых локальных падежей (*син* ‘глаз’, *йыр* ‘голова’, *пызь* ‘мука’, *омыр* ‘воздух’)) [Ушаков 1984: 9].

С другой стороны, отмечается возможность серии пространственных падежей присоединяться к лексемам с общим значением «одушевленные имена»: «Не все одушевленные существительные ограничены в возможности употребляться в местных падежных формах, к ним относятся имена, обозначающие звания, должность, профессии, степень и др. А в форме направительного падежа могут стоять все одушевленные существительные: *Эше сторожын ужа* ‘Мой друг работает сторожем (местн.); *Эше министрõзь вуиз*. ‘Мой друг стал министром (достиг.); *Эше дышетйсьлань вamyштйз* ‘Мой друг направился к учителю’ (направ.); *Эше дышетйсьысь коикиз*. ‘Мой друг сменил профессию учителя (исходн.)’; *Эше шофёре дышетске*. ‘Мой друг учится на шофера’. Среди перечисленных форм отсутствует только форма переходного падежа, ее можно легко дополнить послеложным сочетанием» [Каракулова, Каракулов 2001: 103–104].

Учитывая результаты научных исследований пермских лингвистов и опираясь на языковые примеры из художественной ли-

тературы, можно сделать вывод, что в парадигме склонения одушевленных имен существительных удмуртского языка отсутствуют формы пролатива. Кроме того, «различна структура парадигм отдельных лексем, а также групп лексем со значением «лицо» и «нелицо». В каждом из пермских языков больше пустых клеток в парадигмах склонения лексем со значением «нелицо». В удмуртском языке такие существительные не имеют форм инессива, иллатива, терминатива, эгрессива, приблизительноместных падежей, ограничены в употреблении с элативом, аппроксимативом. В коми языке дистрибуция лексем со значением «нелицо» значительно шире: они ограничены в употреблении только в инессиве, в сочетании с которым зафиксированы только названия некоторых домашних животных. Формы других местных падежей могут сочетаться со всеми одушевленными существительными, реализуя при этом разное количество семантико-синтаксических функций» [Некрасова 2006: 231].

Таким образом, отсутствие строгих критериев для разграничения имен существительных с дефектной парадигмой склонения еще раз доказывает обусловленность реализации падежных значений от контекста.

При изучении падежной парадигмы агглютинативных языков определенную проблему составляет терминология, связанная с выделением падежей прямого объекта. Так, по мнению одних исследователей, прямой объект в конкретных языках уральской языковой семьи может быть выражен с помощью оформленного (маркированного) и неопределенного (немаркированного) винительного падежа (см. в частности: [Дульзон 1970: 34; Прокушева 1996: 63; Некрасова 1998: 56; Лаврентьев 2005: 44–53; Wiedemann 1847: 21] и др.). С точки зрения других ученых, немаркированные формы прямого дополнения являются «номинативными» формами, а не «аккузативными» (см. об этом: [Беккер 1995: 135; Тужаров 1987а: 19–27; 1987б: 171–178; Володин 2000: 28–30; Alhoniemi 1993: 49–50] и др.).

В основе подобных дискуссий несомненно лежит тяготение авторов либо к семантико-синтаксическому, либо к морфологическому пониманию термина падеж. В частности, марийский исследователь Г. М. Тужаров подчеркивает, что «немаркированные имена, реализующие синтаксические функции разных падежей,

следует квалифицировать как номинативные словоформы, так как они по структурно-семантическому характеру и грамматической роли соответствуют падежной форме существительного» [Тужаров 1996: 56].

Опровергая гипотезу ученого, Г. И. Лаврентьев считает, что в марийском языке морфологическое оформление винительного падежа может быть «материально выраженным, эксплицитным (что бывает в подавляющем большинстве случаев), и нулевым» [Лаврентьев 2005: 52]. В пользу своей гипотезы Г. И. Лаврентьев приводит следующие доводы (см. подробнее: [Лаврентьев 2005: 47]): а) при решении проблемы падежа «следует обратить внимание прежде всего на содержание, значение. А это познается путем постановки вопроса», б) в некоторых случаях «может создаваться впечатление, что в словоформе нет флексии, но она устанавливается, как известно, путем сопоставления форм, находящихся в одной падежной системе. Нулевая флексия – это тоже форма слова». Подобные научные дискуссии характерны не только для финно-угорских языков, но и для других агглютинативных языков (в частности, о проблеме выражения падежа объекта в алтайских языках см.: [Черемисина 2004: 684–695]).

При выборе дефиниции для падежа прямого объекта в удмуртском языке автор данной работы прежде всего ориентируется на следующие положения:

а) категория падежа тесно связана с синтаксическим понятием управления, под которым понимается «грамматическое маркирование синтаксически зависимого статуса словоформы в синтагме (...) Управление ориентировано не на зависимость граммемы от граммемы (как согласование), а на зависимость граммемы от лексемы: выбор конкретной граммемы определяется лексическими (или семантическими) свойствами управляющей лексики, но не ее грамматическими характеристиками» [Плунгян 2000: 161]. Учитывая вышесказанное, с нашей точки зрения, при описании падежной парадигмы удмуртского языка в синхронном аспекте релевантно употребление термина оформленный/неоформленный винительный падеж (маркированный / немаркированный аккузатив), где формальным показателем последнего является нулевая морфема. Следует подчеркнуть, что в падежной парадигме удмуртского языка нулевая морфема может

быть представлена и в морфологической структуре некоторых других падежных форм, в частности в словоформах инессива и иллатива: *Гужем куала(ø)зы сисько Ванёкъёс* (СН, 67). ‘Летом Ваня и его семья ужинают в куала’; *Небось, Лизокед вань дырьья корка(ø)д уд пуркетйськы вал!* (Нян., 8). ‘Когда Лиза была жива, ты, конечно же, не курил в доме’; *Валентин вуэм бере, кызьы но озьы корка(ø) пыртйзы* (СН, 188). ‘Когда пришел Валентин, [Оберьяна] кое-как затащили в дом’;

б) понятия маркированности/немаркированности, введенные Р. О. Jakobsonом в грамматику по аналогии с признаковыми (маркированными) и беспризнаковыми (немаркированными) членами привативных фонологических оппозиций у Н. С. Трубецкого [Трубецкой 2000: 79–82], связаны с выражением общего значения: «Рассматривая две противопоставленные друг другу морфологические категории, исследователь часто исходит из предположки, что обе эти категории равноправны и каждая из них обладает свойственным ей положительным значением: категория I означает А, категория II означает В, или по крайней мере категория I означает А, категория II означает отсутствие, отрицание А. В действительности же общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I указывает на наличие А, то категория II не указывает на наличие А, иными словами, она не свидетельствует, присутствует А или нет. Общее значение категории II сравнительно с категорией I ограничивается, таким образом, отсутствием “сигнализации А”» [Jakobson 1985: 210]. В свою очередь, отсутствие “сигнализации А” в общем значении немаркированного члена оппозиции складывается из “сигнализации не-А” и “сигнализации А” в качестве его частных значений (см. об этом подробнее: [Jakobson 1985: 144]).

В связи с вышесказанным можно отметить, что немаркированный член оппозиции на уровне общих значений чаще всего не имеет никакой семантической характеристики и, соответственно, не имеет формальных показателей, а значение “сигнализации не-А” выявляется главным образом из языкового окружения, см. например: *Отын Дуналак Низьёг сйлен жэук(ø) пöзътэ ни* (ВИ, 63). ‘Там [в куале] Дуналак Низьёг уже варит кашу с мясом’. Ср.: *Жук дась. Вöсьсь куинь тэркыосы тыре жэукез* (ВИ, 63). ‘Каша готова. Жрец раскладывает кашу по трем тарелкам’. В первом

случае прямой объект на уровне общих значений не обладает особыми семантическими характеристиками, тогда как во втором случае прямой объект, маркированный аккузативными показателями, выражает значение определенности.

Учитывая вышеизложенное, считаем целесообразным при исследовании падежа прямого объекта в удмуртском языке использовать дефиницию винительный падеж (аккузатив) в его оформленном (маркированном) и неоформленном (немаркированном) вариантах. Далее рассмотрим морфологическое выражение и семантическую структуру падежных форм, представленных в современном литературном удмуртском языке. Учитывая, что система словоизменения различных диалектных групп исследуемого языка может стать объектом специальных научных изысканий, еще раз подчеркнем, что в рамках данного исследования привлекаются лишь ограниченные сведения из области удмуртской диалектологии.

2.1. Субъектно-объектные падежи

Прежде чем приступить к изложению темы, еще раз сделаем оговорку, что разграничение падежных форм на субъектно-объектные и пространственные в удмуртской лингвистике носит условный характер. В этом отношении в коми лингвистической традиции на основе общности падежных значений принято выделять пять групп падежей: (а) субъектный падеж (именительный), (б) объектные падежи, или падежи, показывающие различные отношения субъекта действия к объекту (винительный, творительный, соединительный, лишительный, достигательный); (в) принадлежностные падежи, или падежи, выражающие различные принадлежностные отношения (родительный, притяжательный, дательный); (г) внутриместные падежи, или падежи, обозначающие различные внутриместные отношения (местный, исходный, вступительный); (д) внешнеместные падежи, или падежи, выражающие различные внешнеместные значения (приблизительный, отдалительный, переходный, предельный) (см. подробнее: [КЯ 1998: 336]).

Подобное дробление для системы склонения удмуртского языка кажется не совсем целесообразным, т. к. один и тот же падеж может выражать как объектные, так и посессивные и субъектные значения (в частности, творительный падеж); или же посессивные и пространственные значения (например, исходный падеж) и др. Таким образом, взяв за основу классификации центральные значения падежей, в данной работе оставим традиционное распределение падежных форм на субъектно-объектные и пространственные.

2.1.1. Именительный падеж

І. Морфологическая структура имени существительного в форме именительного падежа

Именительный падеж (номинатив, *ниман каб*) в удмуртском языке имеет нулевой морфологический показатель и совпадает с основной формой имени существительного: *Нош поезд⁰ дыртэ, кытчы ке нуэ асьмемыз* (МС, 74). ‘А поезд спешит, везет нас куда-то’; *Собере спектакль⁰ кутскиз* (Лям., 298). ‘Затем начался спектакль’; *Егит пи⁰ выль солдат брюки, гимнастёрка дйсьз* (Байт., 81). ‘Молодой человек надел новые солдатские брюки, гимнастёрку’; *Укно съёрын адямиос⁰ ветло* (МС, 19). ‘За окном ходят люди’; *Нош луд жазегъёс⁰ ялан лобо* (Хайд., 186). ‘А дикие гуси все летят’; *Бадъым подвиг лэсьтйз Максим⁰* (Лом., 87). ‘Великий подвиг совершил Максим’.

Лично притяжательные суффиксы и маркеры множественного числа в структуре слова номинативной формы имеют следующее расположение:

а) в случае единичного коррелята: *N+PxS*: *Оломар йылолы вань мынам* (Хайд., 133). ‘У меня есть некая привычка’; *Туннэ жьыт дыры вань на* (МС, 99). ‘Сегодня вечером у меня еще есть время’; *Одйг жукна Онся сузэре пыре но шуэ: Максим, пе, бертэм* (АС, 124). ‘Однажды утром заходит моя младшая сестра Онся и сообщает: возвратился, мол, Максим’; *Егит сюлэмъёслэн яратонзы усьтйське гинэ вал ай* (Нян., 41). ‘[Тогда] любовь [двух] молодых сердец только еще разгоралась’;

б) в случае множественного коррелята: *N+PIS+PxS*: *Вынъёс^ы, пе, оломар но куро* (ЧП, 43). ‘Мои младшие братья, мол, чего только [у меня] не просят’; *Эшъёс^ыз ваньмыз сямен ик колхозэ кылемын* (Нян., 6). ‘Почти все его друзья остались в колхозе’; *Малпанъёс^ыз огдырлы тёлзизы кадь бордысьтыз* (Гряз., 147). ‘Его мысли развеялись на время’; *Кызпулэн гурыос^ыз пилиськыло ни ке, нянь кизён дыр вуиз* (РГ, 45). ‘Если сережки у березы

распускаются полностью – пора сеять хлеб’; *Вагонлэн поглянь-ёсыз уен-нуналэн дыбырто* (Лом., 13). ‘Днем и ночью стучат вагонные колеса’.

Рассматривая морфологическую структуру именительного падежа в агглютинативных языках, невозможно оставить без внимания проблему терминологии, связанную с данной падежной формой. В частности, как отмечает М. И. Черемисина, в алтаистике также существуют различные точки зрения в понимании дефиниции именительного падежа: «“Первый падеж” в алтаистике связан с целой серией наименований: термин “прямой падеж” противопоставляет его косвенным; этот термин характеризует его, но не может быть признан его собственным названием. На эту роль претендуют термины “именительный”, “основной” и “неопределенный”. Мне представляется, что термин “именительный” неудобен тем, что слишком сближает этот алтайский падеж с именительным падежом русского языка. В грамматическом описании его следует как раз противопоставлять, привлекая внимание к отличительным особенностям. Термин “основной” неудобен тем, что он ассоциируется с представлением об основе слова, в то время как падежная форма, даже если она характеризуется нулевым показателем падежа, есть словоформа, а не основа, не часть слова, поэтому самым удачным я считаю термин “неопределенный падеж”³, следуя в этом предпочтении за В. М. Не-

³ Данное определение представляется наиболее корректным с точки зрения большинства тюркологов: «Особого внимания заслуживает первый падеж тюркского склонения, который обычно переводят по-русски термином «именительный». На самом же деле функция у этого падежа гораздо шире, чем у русского именительного. Если русский именительный падеж принципиально есть только падеж подлежащего, то тюркский первый падеж не только выражает подлежащее, но и употребляется параллельно ряду других падежей (винительному, родительному, а иногда даже местному, исходному и дательному-направительному). Такое параллельное употребление связано с наличием особой категории неопределенности или специальных стилистических условий (...) В научной литературе начиная со времен Бётлингга и Радлова первый падеж склонения тюркских языков носит название неопределенного (*casus indefinitus*). Это название оправдывалось ими и с внешней и с внутренней стороны. С внешней стороны неопределенный падеж характеризуется

деляевым и Е. И. Убрятовой» (см. подробнее: [Черемисина 2004: 686–687]).

Проблема, которую поднимают тюркологи, несомненно актуальна и для финно-угорских языков. Однако в данном исследовании, учитывая устоявшиеся традиции, за первым падежом удмуртского склонения оставим термин именительный падеж, позволив согласиться с доводами чувашского исследователя М. Р. Федотова: «Чувашская безаффиксная форма имени, которую теперь называют основным падежом, по своей функции гораздо шире русского именительного падежа. На этом основании упомянутый падеж было бы целесообразнее назвать не именительным, который сам по себе является греко-латинской калькой, а каким-то другим словом, но коль скоро именительный падеж как первый, начальный падеж (ср. тат., башк. *баш килеш* ~ чув. *пуш падеж*) в школьной жизни получил широкое распространение и глубокое внедрение, нет тревожной необходимости выбросить его (...). Термины именительный, основной, главный, неопределенный, безаффиксный не улучшают и не ухудшают сущности чувашского языка, его природы. Тут главное значение приобретает, пожалуй, стремление сохранить устои, избежать ненужных «перестроек», порядком надоевших и вызванных прозрачной научной необходимостью» [Федотов 1996: 188].

При выборе типологически корректного названия для падежных форм, совмещающих несколько семантических функций, в лингвистике имеется несколько вариантов решений данной проблемы: (а) использование двойной номенклатуры типа «генитив-датив», (б) введение особых терминов (к примеру, использование термина «обликус» для старофранцузской падежной системы); (в) использование термина, указывающего «центральную» функцию падежа, при этом «периферийные» функции остаются за пределами падежной дефиниции (см. об этом подробнее: [Плун-

тем, что он не «определяется» какими-либо специальными аффиксами, как другие падежи, а совпадает с формой имени. С внутренней стороны, или со стороны содержания, неопределенный падеж указывает на категорию неопределенности имен, которая в русском языке отсутствует, а в западных языках реализуется при помощи неопределенного члена (артикля)» [Дмитриев 1962: 154]).

гян 2000: 171–172]). В случае с именительным падежом удмуртского языка, как нам кажется, наиболее удачным является последний способ решения проблемы.

II. Семантическая структура⁴ именительного падежа

Как уже отмечалось выше, особенностью реализации любой падежной формы является ее двусторонний характер: с одной стороны, падежные значения выполняют семантико-синтаксические функции, с другой стороны, они конкретизируют их в соответствии со своими морфологическими значениями. В этом отношении можно отметить, что функционирование именительного падежа максимально свободно от лексических ограничений: с данным падежом сочетаются в качестве сказуемого почти все глаголы (исключение составляют только собственно безличные глаголы, способные сочетаться с косвенными падежами в рамках безличных предложений, а также конструкции с генитивным и дативным субъектом); форма именительного падежа может быть образована от любого имени существительного.

Следует однако заметить, что дистрибуция именительного падежа по сравнению с другими падежными формами наиболее

⁴ Описание категории падежа в синхронном аспекте предполагает прежде всего решение вопроса о характере соотношения падежных значений внутри одного падежа, а также о роли того или иного значения в контексте всей семантической структуры исследуемого падежа и в системе противопоставленных значений в падежной парадигме. В лингвистической литературе не существует однозначной трактовки семантической организации значений категории падежа. В нашей работе под семантическими функциями падежной формы понимаются контекстные значения падежей, которые мы принимаем в качестве единиц плана грамматической семантики. Выделение таких единиц «опирается на формальные синтаксические связи, т. е. производится в рамках синтаксических функций падежей, и представляет собой дальнейшую конкретизацию выражаемых ими отношений. Значение синтаксической функции ограничивается отношением между определяемым и определяющим словом данного словосочетания, например, между глаголом и именем. Значение семантической функции состоит в определении отношений между предметом и действием, обозначаемыми данными словами» [Чешко 1970: 20].

зависима от используемого контекста и выполняемой роли/функции. Так, в зависимости от выполняемых функций, можно выделить следующие случаи употребления именительного падежа: 1) функционирование именительного падежа в присубстантивной позиции; 2) функционирование именительного падежа в двусоставных предложениях 3) функционирование именительного падежа в биноминативных предложениях; 4) функционирование именительного падежа в односоставных номинативных предложениях: именительный падеж представления/темы (С. А. Лутин) или изолированные номинативы (Н. Валгина); 5) функционирование именительного падежа при вербальных единицах с пассивным значением; 6) функционирование именительного падежа в послеложной конструкции; 7) функционирование именительного падежа в функции обращения. Рассмотрим каждый из указанных функций подробнее.

1. Функционирование именительного падежа в присубстантивной позиции

В случае употребления именительного падежа в присубстантивной позиции могут актуализироваться следующие типы отношений:

а) выражение **атрибутивных отношений**: *Бен, соос жоген кошкозы, **выжсыкыл** дунне сылмоз, тулысэд сйзбылскоз, толмоз но, вань улонэд шим-шим тырттэм кылёз* (Перевощ., 62). ‘Да, они скоро уедут, сказочная страна развеется, весна перейдет в осень, наступит зима, и вся твоя жизнь опустошится’; *Собере пыдын гинэ вамыштймы **чугун** сюрес вокзал доры* (Гряз., 18). ‘Потом [мы] пешком направились в сторону железнодорожного вокзала’; *Фаина чапак **чорыг** нянь лэсьтэ вал* (Крас., 123). ‘Фаина как раз стряпала рыбный пирог’.

Следует заметить, что в качестве атрибута могут использоваться как имена нарицательные, так и собственные: *Толалтэ со [Владислав] школае **лудкеч** изьыен но куфайкаен ветлылйз* (АС, 9). ‘Зимой он [Владислав] в школу ходил в заячьей ушанке и фуфайке’. Ср.: *Вераськытэк пукуны өз чида **Сидор** Коля* (Гряз., 202). ‘Не остался в стороне от разговора и Сидор Коля (Коля Сидоров)’; *Нылъёс веразы, **Пурты** гуртысь пиос жугиськыны ма-*

шинаен лыкто шуыса (Гряз., 202). ‘Девушки предупредили, что на машине едут юноши из деревни Пурты драться с местными’; *Лариса кышноеныз Санко туннэ быдэс нунал сямен корка пушкын выре ни* (Гряз., 212). ‘Со своей супругой Ларисой Санко сегодня уже целый день занимается хозяйством’;

б) выражение **атрибутивных посессивных отношений**. Данное значение в удмуртском языке связано с наличием особой синтаксической конструкции и особого вида синтаксической связи, имеющей название *изафет*⁵. Эта конструкция по типу отношений между компонентами является определительной, связь же между компонентами – двусторонней, и обусловлена особыми формами определения и определяемого: *Вашкала дыръёсы муш семьяос писпу гыркъёсын улъызы* (Загр., 317). ‘Раньше пчелиные семьи жили в дупле деревьев’; *Школа коридоръёс сыъеесь луо; ма, институт, университет коридоръёс но* (Матв., 190). ‘Таки-ми бывают школьные коридоры, не отличаются от них университетские и институтские коридоры’; *Кема вераськиз на колхоз кузё* (Хайд., 65). ‘Глава колхоза еще долго произносил речь’; *Солэн бур палаз – куашкам куйы бугро* (Байт., 6). ‘Справа от него [тополя] находится разрушенный колодезный сруб (букв. сруб колодца)’. Как верно подчеркивает В. А. Плунгян, *изафет* по сравнению с косвенными падежными формами, выражающими атрибутивные посессивные отношения, «является категорией гораздо бедной в отношении семантической нагрузки: употребление *изафетного* показателя чувствительно только к синтаксической позиции имени» [Плунгян 2000: 187].

2. Функционирование именительного падежа в двусоставных предложениях

В структуре двусоставных предложений именительный падеж участвует в выражении ряда **субъектных** значений:

а) выражение значения субъекта предложения как сфокусированного в выражаемой ситуации производителя действия: *Комнатае пиосмурт пыриз* (Нян., 69). ‘В комнату вошёл мужчина’;

⁵ Определяемое слово в *изафетной* конструкции помимо основной формы существительного (именительного падежа) может быть выражено формами родительного или разделительного падежей.

Вайбыж лоба корка йылтй (Нян., 11). ‘Ласточка летает над домом’; *Анют фермаын ик ужас* (Нян., 9); ‘Анюта по-прежнему работала на ферме’; *Улон ас сюрестйз птыраз* (Хайд., 159). ‘Жизнь покатила по своей колее’; *Идегейка йыромиз* (Лен., 117). ‘Идегейка заблудился’;

б) указание на субъект предложения как производителя и одновременно объекта действия. Как правило, данное значение реализуется при рефлексивных глаголах: *Инмар понна, оскод-а, уд-а но – Дмитрий Кузьмичед син азын воштйськыны кутскиз* (Вал., 123). ‘Ей-богу, поверишь или нет, Дмитрий Кузьмич-то стал меняться на глазах’; *Пияш султйз, дйсяськыны одъяз* (Пер., 83). ‘Мальчик встал, начал одеваться’; *Контораын ужасьёс чук-на мычйськыны оз вунэтылэ ни* (Пер., 64). ‘[После этого] конторские работники уже не забывали бриться по утрам’;

в) указание на субъектов предложения, находящихся в отношении равноправной совместности: *Нинаен Филипп сюрес вылэ дасяськыны кутскизы* (Вал., 12). ‘Нина с Филиппом начали готовиться к поездке’; *Маня но Оля Ижевскын медрабфакын чош дышетскизы* (Сад., 40). ‘Маня и Оля вместе учились в Ижевском медрабфаке’.

3. Функционирование именительного падежа в биноминативных предложениях

В структуре двусоставных биноминативных предложений именительный падеж помимо субъектных функций употребляется еще в синтаксической функции сказуемого. Как отмечает С. А. Лутин, в этом случае дистрибуция именительного падежа характерна для высказываний, в которых полностью отсутствует событийность (см. об этом подробнее: [Лутин 2008: 13–14]).

Основным значением исследуемого падежа в предикативной функции является выражения значения **идентификации** (равенства, отождествления и др.) субъекта предложения: *Мон понна шуд – вай вылын пукись пурись зольгыри* (Хайд., 8). ‘Для меня счастье – воробышек, который сидит на ветке’; *Улон – со выжыкыл өвөл* (МС, 65). ‘Жизнь – это не сказка’; *Нош куараед тынад – азвесь ошмес* (Нян., 149). ‘Твой голос – серебряный родник’; *Тулыс – со яратон но уж, ортчемзэ тодэ вайн но шумпотон*,

арлэн самой шулдыр **вакытэз** (Загр., 293). ‘Весна – это любовь и труд, память о прошлом и радость, самая веселая пора года’.

4. *Функционирование именительного падежа в односоставных номинативных предложениях: именительный падеж представления/темы* (С. А. Лутин) *или изолированные номинативы* (Н. Валгина)

Функционирование именительного падежа в односоставных номинативных предложениях напрямую связано с употреблением форм именительного падежа в качестве именительного представления/темы, когда исследуемые формы используются «для обозначения предмета мысли, вспоминаемого, того, о чем пойдет речь, на чем сосредоточивается внимание» [Лутин 2008: 12].

Существительное в именительном падеже в конструкциях с именительным представлением и именительным темой произносится с интонацией незавершенности и не сопровождается предикативной характеристикой. При таком употреблении адресант с помощью именительного падежа указывает адресату, что далее должна последовать информация, связанная с их обоюдным узуально закрепленным представлением о названном референте. А понятие об этом представлении отражается не в чем ином, как в лексических значениях этого слова (см. об этом подробнее: [Лутин 2008: 12]). К подобного рода предложениям можно отнести следующие примеры: **Библиотекарь**. *Ма, мон шораз учкыса ик валай, нош кёня ке вераськеммы бере, чылкак одйг малтанэ вуи: яке дышетйсь, яке библиотекарь* (Нян., 111). ‘Библиотекарь. Да я ее сразу раскусила, стоило только посмотреть на нее; а после того, как с ней недолго побеседовала, стало понятно: она или учитель, или библиотекарь’; **Южтолэзь**. *Нуназе шорын шунтэ, вуж окопъёсы но снаряд воронкаосы ву люкаське, лымы улысь мозмем музъем дэрилы пörме* (Байт., 121). ‘Апрель. К обеду становится теплее, в старые окопы и воронки от разорвавшихся снарядов набирается талая вода, освободившаяся из-под снега земля превращается в слякоть’; **Кужен сюрес**. *Со кузя мон гыж-ж гинэ кыскисько аслэсьтым ыльыс пүчъёсме* (Матв, 90). ‘Окольная дорога. По ней я с трудом волоку свои сырые жерди’.

Следует заметить, что с именительный представления/темы может употребляться как в препозиции, так и постпозиции по отношению к смыслообразующему компоненту: *Улмопуос! Кыёе соос мусо будйллям. Вож куаръёссы ик уг адско, быдэс шобырскиллям тӧдды мамык кадь сяькаен* (СЕВ, 13). ‘Яблони! Как мило они выросли. Даже не заметно зеленых листочков, [они] полностью покрыты похожими на белый пух цветами’. Ср.: [Валя] *котырак эскериськиз – ваньмыз валамон луиз. Больница*. (Сер., 65). ‘[Валя] огляделась вокруг – ей стало все понятно. Больница’.

Как видно из примеров, формы, выполняющие функцию именительного представления/темы, чаще всего существуют только в составе синтаксических целых, т. е. всегда стоят при другом предложении, связываясь с ним логически и интонационно.

Как отмечает С. А. Лутин, «функцией именительного падежа при маркировании существительного, употребленного в качестве именительного представления/темы, является указание на генератор того события, которое потенциально может последовать. При этом под генератором следует понимать «того участника ситуации (= партиципанта), который с помощью языковых средств *изображается* говорящим как источник события» [Лутин 2008: 12]. При таком взгляде на ИП становится понятным, почему существительные хранятся в памяти и в словаре именно в этой форме: только эта форма имени может указывать на то, что референт ещё не включен говорящим ни в какое событие, т. е. потенциально готов генерировать его/их в рамках одного из лексических значений соответствующего слова. И, наоборот: поскольку референт имени в косвенном падеже в обязательном порядке включен в какое-то событие, значит, называющее его слово употреблено в каком-то одном конкретном своем лексическом значении, а следовательно, никак не может указывать на весь круг лексических значений этого слова. И лишь та форма слова, которая указывает на существительное как на генератор потенциальных событий в рамках совокупности его лексических значений, может быть записана в качестве исходной в словарь, предполагающий описание всего круга его лексических значений. Данное явление

характерно не только для имени существительного, ср. например, случаи использования в данной функции имен прилагательных: *Горд. Тодды лымы шорын вამэнес тылынызы былъырась шунуд емышьёс* (МС, 138). ‘Красный (цвет). На белом снегу яркими огнями просочившиеся ягоды калины’; *Чагыр. Ю пёлын тылгизы выллем пиштйсь зангарисяська* (МС, 138). ‘Голубой (цвет). Словно светящиеся искорки на хлебном поле васильки’.

5. Функционирование именительного падежа при вербальных единицах с пассивным значением

Выражение **объектных** значений посредством форм имени-тельного падежа характерно для вербальных единиц с пассивным значением: *Садикъёсын но школаосын азьвыл аръёсы удмурт кыллы ёз дышетэ, дышетскон книгаос но жуч-удмурт словарьёс ёз поттылйське* (Хр., 201). ‘В прежние годы в садиках и школах не обучали удмуртскому языку, учебники и русско-удмуртские словари не издавались’; *Та улысын табере колхозъёслы бадъым эрик сётйське* (Пер., 75). ‘В этом отношении в последние годы колхозам дается полная свобода’; *Азьвыл госу-дарстволы нянь, йёл, сйлъ вузан планъёс колхозъёслы арлы быдэ сётъясько вал* (Пер., 75). ‘Раньше план на государственные заготовки хлеба, молока, мяса колхозам определяли ежегодно’.

Следует заметить, что авторы «Грамматики современного удмуртского языка: Фонетика. Морфология» (1962) подобные конструкции определяют как страдательные, а в качестве основного критерия к их разграничению выделяют синтаксический принцип, характерный для русского и других флективных языков: «При употреблении глаголов страдательного залога объект действия выражается именительным падежом, а субъект действия – формой творительного падежа, т. е. в предложении объект действия обозначается подлежащим, а субъект действия – дополнением: *Автономной республикалэн Верховной Советэз... граждандъёсын ньыль арлы бырийсько*. ‘Верховный Совет автономной республики... избирается гражданами на четыре года’» [ГСУЯ 1962: 227–228]. Однако, с нашей точки зрения, указанные глагольные формы следует рассматривать как вербальные единицы с пассивным значением (см. об этом: [Кондратьева 2010: 195–197]).

6. Функционирование именительного падежа в послеложных конструкциях

В структуре современного удмуртского языка имена существительные в начальной форме широко представлены в послеложных конструкциях: *Жӧк вылын – тӧдӧы кагаз* (МС, 133). ‘На столе – белая бумага’; *Ӗс дорысь кровать вылын Маиса гинэ одйг-ог викишъя* (КА, 50). ‘Только Маиса изредка всхлипывает на кровати, [расположенной] у двери’; *Ӗй, Катерина сярэсь мон ӧй малпаськылы* (Нян., 120). ‘Нет, о Катерине я особо не думал’; *Тон нюк ултй вамышъяськод* (МС, 118). ‘Вот ты шагаешь по оврагу’.

7. Функционирование именительного падежа в функции обращения

С функцией называния предмета и с отсутствием синтаксической зависимости имени существительного от других слов в пределах предложения также связано использование именительного падежа в роли обращения, призыва: *Адями луыны тыришсько мон, анай!* (Хайд., 197). ‘Я стараюсь быть человеком, мама!’; *Атай, туннэ мон базарысь тани таӛе портрет басӛтй!* (Нян., 122). ‘Отец, сегодня на базаре я купил вот такой портрет’; – *Санко, васькы ни! – кылӛськиз улӛысь кышномуртлэн куараез* (Гряз., 213). ‘– Санко, спускайся! – послышался снизу женский голос’; *Э-э, пие, пие, со кылыд ке ӧй луысал, кемалась куӛо коӛоос кокчасалзы ни* (Хайд., 8). ‘Э-э, сынок, сынок, если бы ты не обладал острым языком (букв. не был языкастым), тебя давно бы уже заклевали пестрые сороки’.

Кроме указанных значений именительный падеж широко используется вне текстового окружения как форма, несущая чисто *назывную* функцию, например, в словарях, в номенклатурных перечнях (списках) предметов, в подписях должностных лиц (под документами) и авторов произведений, в подписях под произведениями изобразительного искусства, фотографиями, в заглавиях произведений и др. (см. об этом подробнее: [СРЯ 2003: 403].

Таким образом, семантическая структура именительного падежа в удмуртском языке, как и в большинстве других языков мира, определяется его функциональной нагрузкой, обусловленной характеристиками контекста окружения.

2.1.2. Винительный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме винительного падежа

В системе современного литературного удмуртского языка винительный падеж (аккузатив, *адӟон каб*) может оформляться разными суффиксами, в частности, для единственного числа характерно функционирование следующих морфологических маркеров:

1) *-эз/-ез*, присоединяющийся к именам существительным: *Удмурт батырез солдатэ басьтӱллям* (Кузн., 9). ‘Удмуртского богатыря взяли в солдаты’; *Капитанэз мозмытӱллям, нош немец разведчикъёсыз асьсэдыз пленэ басьтӱллям* (Байт., 72). ‘Капитана освободили, а немецких разведчиков самих взяли в плен’; *Кузь но секыт сюресэз ортчиз караван* (Леон., 14). ‘Долгий и трудный путь прошел караван’; *Пумита Булгар вӱль нуналэз* (Леон., 19). ‘Встречает Булгар (название города) новый день’; *Озьы яратыны луэ вордскем шаерез гинэ* (Байт., 115). ‘Так можно любить только родную землю’;

2) *-э/-е⁶*, функционирование которых характерно в следующих случаях:

а) при склонении имен существительных в притяжательном склонении в случае одного обладателя и одного/множества обладаемых: *Жыны ар ортчыса, Сосновез нокыӝе музэ но вератэк, дораз бертыны лэзизы* (Крас., 45). ‘Через полгода Соснову разрешили вернуться домой, даже не объяснив причины’; *Натальялэс картсэ война кутскон нуналэ ик солдатэ басьтӱзы, бадӟымзэ, дас сизьым аресъем нылзэ, торф поттонэ келязы* (Байт.,

⁶ Следует заметить, что данный морфологический маркер может присоединяться как к формам единственного, так и множественного числа, именно поэтому в нашей работе в случае отсутствия альтернативных вариантов уточняются условия дистрибуции указанного суффикса по отношению к числовым характеристикам.

140). ‘В первый день начала войны мужа Натальи отправили на фронт старшую дочь, которой исполнилось 17 лет, направили на торфозаготовки’; *Адыми улонын интызэ шедьтэ ке, зарнилэсь но чылкыт чия, шуо* (Серг., 25). ‘Говорят, что если человек находит свое место в жизни, он начинает сверкать ярче золота’; *Адыми шудэз туж юн возьма ке – шудэз одно ик лыктэ, палэнтйз уг кошкы* (Крас., 29). ‘Если человек очень ждет своего счастья – счастье непременно к нему придет, не пройдет стороной’; *Буш стаканме жёкк вылэ пуктй* (Матв., 31). ‘Я поставил свой пустой стакан на стол’; *Четкеров синъёссэ выльысь кыниз* (Черн., 55). ‘Четкеров снова закрыл глаза’;

б) при склонении имени существительного *мурт* ‘человек’ (или сложных слов, содержащих в своей структуре данный компонент) в форме единственного числа: *Анай муртэ серекьясьлэн улонэз жечкын уг быры* (Крас., 185). ‘Кто смеётся над матерью, его жизнь не заканчивается хорошо’; *Тон кадь муртэ дунне вылын улытозям ой адъылы* (Чер., 231). ‘Такого человека, как ты, я в жизни не встречала’; *Нылмуртэ улычае огназэ кельтыны умой ёвёл* (Пер., 169). ‘Нехорошо оставлять девушку одну на улице’; *Аня урно пыр адъиз огшоры но чылкыт дйсьяськем кышномуртэ* (Роман., 28). ‘Аня увидела в окно просто, но чисто одетую женщину’.

Необходимо подчеркнуть, что данная лексема в форме винительного падежа простого склонения может принимать и морфологический маркер *-эз*: *Кышномурт нылпи вае шуыса, пиосмуртэз таре кин тон но ум каре ни-а?* (Чер., 22). ‘Из-за того, что женщина продолжает человеческий род, разве мужчину уже не будем брать в расчет?’; *Соос адъизы пересь кышномуртэз* (Байт., 132). ‘Они заметили пожилую женщину’.

Дистрибуция показателя *-е/-э* характерна не только для субстантивных основ, но она может быть представлена в морфологической структуре некоторых других частей речи в форме единственного и множественного числа при наличии указательно-выделительных и притяжательных суффиксов. В частности, данный маркер может присоединяться:

- к местоименным основам, заменяющим имена существительные в форме единственного числа: *Фаиночка, мусое, мон тонэ яратйсько* (Крас., 88). ‘Фаиночка, милая моя, я люблю тебя’;

Фаина сое куспетий кариз (Крас., 82). ‘Фаина его прервала’; *Нош Соснов нокинэ уг адžы, уг шодды кадь* (Крас., 95). ‘А Соснов словно никого не видит, не замечает’; *Соку ик одно тодэме потииз, мар возьма монэ, асьмемыз азьпалан* (Чер., 232). ‘Тогда же мне захотелось узнать, что ожидает меня, нас впереди’;

- к именам прилагательным и субстантивированным прилагательными: *Войнаез со пумитаз нырысь нуналаз ик, шомъяны вуиз секытсэ но, капчизэ но* (Байт., 131). ‘Войну он встретил в первый же день, за время войны успел повидать всякое (букв.: прочувствовал и лёгкое, и тяжелое)’; *Мыным номыр уродзэ вераны со сярэсь* (Леон., 50). ‘Мне нечего сказать о нем плохого’; *Аля самой бадžымзэ [улмоез] бырје но мыче* (Матв., 157). ‘Аля выбирает самое большое [яблоко] и протягивает его [мне]’; *žечсэ со вунэтэ, нош уродзэ уг* (Чер., 91). ‘Сделанное добро он забывает, а о плохом [поступке] помнит’;

- к именам числительным: *Нбыльзэ боецъёссэ Бадяров тэль дуре кельтиз* (Лям., 146). ‘Четверых бойцов Бадяров оставил на опушке леса’; *Виёд тон одйгзэ, кыксэ выт бичасьёсты* (Леон., 134) ‘Убьешь ты одного, второго сборщика налогов’; – *Нырысетий камераысь куиньзэ поттэ, – приказ сётйиз поручик* (Лям., 109). ‘– Выведите троих [заключенных] из первой камеры, – приказал поручик’; *Озьыен, асьмелэнъёс сизьымзэ [танкъёсты] быдтйллям* (ЧП, 103). ‘Итак, наши подбили семь [танков]’; *Туэ гинэ статьяе понна университетъёсын но институтъёсын дышетйсьёслэн ужъёссылы сйзем конкурсын куинь зарни медаль пöлысь одйгзэ мыным сётйизы* (Черн., 119). ‘Только в этом году моя статья, участвовавшая в конкурсе работ вузовских и институтских преподавателей, была удостоена одной из трех золотых медалей’;

- к причастным формам и субстантивированным причастиям: *Оло собере гозы но пыкмемзэ ваиллям, лэся* (КМ, 39). ‘И веревку, кажется, принесли прогнившую’; *Со [Филипп], оло, милемлы адžиськонтэмзэ адžиз, соин, лэся, шып мыниз* (Чер., 127). ‘Возможно, он [Филипп] предвидел то, чего не предвидели мы, и поэтому шел молча’; *Нош пумитъяськисьсэ воксё но акинакенызы коралтыса кушто* (ВИ, 110). ‘А тех, кто сопротивляется, [они] рубят мечами’; *Туннэ вань корпусъестий ветлоно, выписать карыны луонооссэ доразы лэзёно* (Крас., 117). ‘Сегодня необходимо пройти по всем корпусам и отпустить домой тех, кого уже можно вы-

писывать'; *Вань вуэм но вуись гожъямъёсыз Иосиф Алексеевич ачиз лыдзылӱз, ярамонооссэ собере удмурт редакторлы сётъялляз* (Черн., 79). 'Все поступившие и поступающие рукописи Иосиф Алексеевич вычитывал сам, пригодные для публикации [рукописи] он затем передавал редактору удмуртского отдела';

- к местоименным основам, выражающим атрибутивные отношения: *Тазэ [мотоциклэз] кытчы ке куное я Вылгала потаны шуыса гинэ возисько* (Черн., 57). 'Этот [мотоцикл я] держу только для того, тобы выезжать в гости или в Вылгу'; *Мынэсьтымзэ [кышетме] кертты, нэнэй* (ЧП, 86). 'Надень на голову мой [платок], мама'; *Мон но аслэсьтыдзэ [телефон номердэ] больницаысен тодй* (Черн., 222). 'Я тоже твой [номер телефона] узнала в больнице';

3) -эс/-ес. Функционирование данного суффикса, представляющего собой плеонастическое сращение аккузативного форманта -э/-е и показателя множественного обладателя -с, характерно для имен существительных в притяжательном склонении в случае множественного обладателя: *Муртлэн дасезлы ымдэс усьтэмды потӱз-а?* (ЧП, 334). 'На чужое добро решили позариться (букв.: разинуть свои рты)?'; *Оже пырим гинэ, тушмон снаряд танкмес шедьтӱз, кутскиз со жуаны* (Байт., 79). 'Как только мы вступили в бой, вражеский снаряд задел наш танк, он начал гореть'; *Жыт пал политрукмес штабе отизы* (Байт., 105). 'Ближе к вечеру нашего политрука вызвали в штаб'; *Альбомъестэс, пинальёс, съорады басътэлэ* (Черн., 19). 'Свои альбомы, дети, возьмите с собой'; *Соку лыктэмъёс вальёссэс амбулаторилэн корказь бордаз но думыло* (Крас., 24). 'В таких случаях приезжие привязывают своих лошадей поближе к крыльцу амбулатории'; *Студентъёс экзаменъёссэс кӧня ке вазьгес ортчытыны куро* (Панф., 25) 'Студенты просят провести экзамены досрочно'.

Следует отметить, что подобное плеонастическое сращение лично-притяжательного суффикса, аккузативного форманта -э/-е и показателя множественности -с характерно и для некоторых местоименных и др. основ (например, *вань-м-ес / вань-д-эс / вань-з-эс* 'всех нас / вас / их'; *ог-ог-м-ес / ог-ог-д-эс / ог-ог-з-эс* 'мы друг-друга (вин. п.) / вы друг-друга (вин. п.) / они друг-друга (вин. п)'; *куд-м-ес / куд-д-эс / куд-з-эс* 'которого из нас / вас / их'; *кытын-м-ес, кытын-д-эс, кытын-з-эс* 'букв.: о том, где мы / вы

/они', *куи́ньна-м-ес* / *куи́ньна-д-эс* / *куи́ньна-з-эс* 'нас троих / вас троих / их троих' и др.: *Мон асьме висисьёсыз ваньзэс тодмасько* (Черн., 8). 'Я всех наших больных узнаю'; *Миллион, миллиард сы-че киос пöлысь кыкез утчалляло огзэс огзы* (Мат., 67). 'Из миллиона, миллиарда таких рук двое ищут друг-друга'; *Ог-огмес ми соку ик шöдöйм, Щорс нимо остановкаысен нырысетй адзиськонамы ик* (Матв., 70). 'Друг-друга мы почувствовали сразу, уже при первой встрече на остановке Щорса'; *Огез сярысь бен рос-прос кенешизы: кудзылэн ке мукетсэ гажан мылкыдыз кысйз ке, керетытэк, ог-огзэс ултйятэк бöлиськыны* (Чер., 212). 'Об одном [они] договорились: если кто-то из них перестанет уважать другого, без ссор и унижений они разойдутся'; *Куи́ньназэс но пиосмес анай Вылгала нуиз* (ЧП, 332). 'Всех троих наших юношей мать увезла в Вылгу'; *Артысь комнатаысь кышномурт-парихмахер бызьыса потйз но ньыльназэс ик сйсьяны-порьяны шöтаз* (Черн., 77). 'Из соседней комнаты выбежала женщина-парихмахер и всех четверых окинула пронизывающим взглядом'; – *Нимысьтыз садике содэс [нылдэс] сётоно öвöl-а меда?* (Черн., 104). '– Не следует ли ее [вашу дочь] направить в специализированный садик?'.

Данный показатель *-ес/-эс* может употребляться также в морфологической структуре имени существительного в случае дупадежности: *гурт-ын-м-ес* / *гуртын-д-эс* / *гуртын-з-эс* *тодыны* 'знать о том, что мы / вы / они дома'.

В ряде случаев показатель *-эс/-ес* является участником другого контаминационного процесса (*-эс/-ес+/-ты* или *-эс/-ес+/-ыз*): *вань-м-ес-ты* / *вань-д-эс-ты* / *вань-з-эс-ты* 'всех нас / вас / их'; *куд-м-ес-ты* / *куд-д-эс-ты* / *куд-з-эс-ты* 'которого из нас / вас / их'; *ог-ог-м-ес-ты* / *ог-ог-д-эс-ты* / *ог-ог-з-эс-ты* 'мы друг-друга (вин. п.) / вы друг-друга (вин. п.) / они друг-друга (вин. п.)'; *куи́ньна-м-ес-ты* / *куи́ньна-д-эс-ты* / *куи́ньна-з-эс-ты* 'нас троих / вас троих / их троих'; *куи́ньна-м-ес-ыз* / *куи́ньна-д-эс-ыз* / *куи́ньна-з-эс-ыз* 'нас троих / вас троих / их троих' и др.: *Секытэсь малпаньёс, йырвизьмез сюписьёс, медло вал тыл пушкы куяны ваньдэсты* (Мат., 6). 'Тяжелые мысли, пронизывающие сознание, была бы возможность бросить вас всех в огонь'; *Аллах мед утёз тйледыз ваньдэсты сюрес вылын* (Леон., 83). 'Пусть Аллах сохранит вас всех в пути'; *Ог ужпумъя огместы* *огмы öм валалэ,*

огъя кыл ѓм шедьтэ (ПГ, 88). ‘По одному делу мы не поняли друг друга, не нашли общего языка’;

4) нулевой маркер: *Шундыё нуналэ гудыртэм кадь, витъым-тэ юан(θ) сѣтйз эмир* (Леон., 24). ‘Как гром среди ясного неба прозвучал неожиданный вопрос эмира’; *Пичи ныл нырысь ик гур(θ) эстэ* (Байт., 141). ‘Девочка вначале топит печь’; *Урванцева эшишо ма(θ)ке вераны турттэ на вал но, Фаина сое куспетий кариз* (Крас., 82). ‘Урванцева хотела еще что-то добавить, но Фаина ее перебила’; *Азьвыл эшелэн ужан тйрлыкез ик ѓз адзисъкы, нош мукет юртэ выжыса, со ваньбурзэ быдэс комнатае поттам – возъет(θ) но ошем, штатив(θ) но пуктэм, нимысьтыз кужмо лампаос(θ) но тупатэм* (ЧП, 460). ‘Раньше его аппаратура не была на виду, но когда он переехал в новый дом, под фотоаппаратуру выделил целую комнату: повесил занавески (ед. ч.), поставил штатив, установил специальное яркое освещение’.

Выбор маркированных/немаркированных аккузативных форм в системе современного удмуртского языка имеет зависимость от различных языковых факторов (см. об этом подробнее: [Кондратьева 2010]). В этом отношении можно отметить следующие тенденции морфологической маркировки аккузативных форм:

а) на семантическом уровне⁷ дистрибуция аккузативных маркеров имеет зависимость от определенности/неопределенности прямого объекта: имена, включающиеся в группу детерминированных объектов, имеют тенденцию к морфологическому оформлению, тогда как имена, характеризующиеся отсутствием дифференциальных признаков, чаще имеют нулевой маркер.

Определенное влияние на функционирование показателей винительного падежа оказывает также лексическо-грамматический разряд одушевленности/неодушевленности имени. В этом плане к морфологической маркировке тяготеют следующие лексико-грамматические разряды существительных: имена собственные; имена, выражающие термины родства и свойства; имена, указывающие на сферу деятельности, род, объект деятельности, профессию; зооназвания.

⁷ О влиянии семантики объекта на его морфологическую маркировку в удмуртском языке см. также: [Титова 2006: 180–183].

Незначительное влияние на морфологическую маркировку удмуртского аккумулятива оказывает семантический признак результативности/нерезультативности действия или процесса, и, как его следствие, признак тотальности/парциальности объекта. Данные факторы более или менее последовательно находят поддержку со стороны внутренней семантики глагола и/или объекта: маркированную форму имеют прямые объекты, выступающие в синтагме с вербальными единицами, выражающими результативное действие;

б) на морфологическом уровне на употребление формантов винительного падежа оказывают влияние аспектуальные и субъектно-объектные характеристики вербальных единиц. При этом первые воздействуют не столько на альтернативу выбора аккумулятивных маркеров, сколько на формирование оппозиционной пары множественность – единичность в структуре прямого объекта, поскольку вид, как и категория залога, является морфологическим обеспечением структурно-семантических модификаций всего предложения; вторые, напротив – напрямую воздействуют на наличие/отсутствие актанта прямого дополнения в структуре предложения. При этом, как правило, возвратность способствует уменьшению валентности глагола, а понудительные отношения ведут к его расширению посредством увеличения количества актантных мест прямого дополнения;

в) на синтаксическом уровне дистрибуция морфологических маркеров винительного падежа может получать поддержку со стороны «движения мысли в тексте», где дейктические и анафорические компоненты текста, а также актуализация прямого объекта в функции смысловой темы предложения способствуют дистрибуции маркированных аккумулятивных форм.

В парадигме простого склонения аккумулятивные формы множественного числа в рамках литературной нормы представлены двумя синонимичными показателями:

1) *-ты/-ды*: *Кöня ке луд кечпиосты но адзыйлм* (Клаб., 17). '[Мы] видели и нескольких зайчат'; *Пастух, скальёсты, ыжсьёсты уллёе люкаса, ураметй орточоз* (Серг., 23). 'По улице пройдет пастух, собирая коров и овец в одно стадо'; *Оскон вал экзаменьёсты жеч сётонлы гинэ* (АС, 64). 'Оставалась только одна

надежда: хорошо сдать экзамены'. Аккузативная форма на *-ды*, как правило, используется в структуре местоименных основ, оканчивающихся на гласный или же звонкий согласный: *асьмеды* 'нас', *милемды* 'нас', *тйледды* 'вас', ср.: *соосты* 'их' и др.: *Кызы мон тйледды вунэтом, Варвара Степановна!* (Ворон., 58). 'Как же я вас забуду, Варвара Степановна!'; – *Асьмеды шофёр жокатыны турттэ, лэся, ини, – вьль пассажиръёс пала учкылыса, жазырес куараен жуыртйз тодды дэремен дйясыкем воргорон* (Роман., 6). '– Кажется, шофер намерен нас задушить, – обращаясь к новым пассажирам, промолвил скрипучим голосом мужчина в белой рубашке'; – *Тй нош кин кожаськоды асьтэды?* (Черн., 77). '– А вы кем возомнили себя';

2) *-ыз*: *О-о, сюлэм висёнъёсыз мон уг валаськы, Георгий Ильич* (Крас., 74). 'Да, Георгий Ильич, в сердечных муках я не разбираюсь'; *Кырзалыз со вайкала кырзанъёсыз* (Байт., 38). 'Он пел старинные песни'; *Куд-ог дыръя сержантъёсыз но партиен йош фронтэ ыстылйз* (Байт., 17). 'Иногда вместе с группой [новобранцев] на фронт отправляли и сержантов'; *Коньыосыз учкыса улыкуз, пияш огвакытлы вунэтиз, нюлэскын огназ шуыса* (Леон., 98). 'Пока наблюдал за белками, мальчик на некоторое время забыл, что он в лесу один'; *Мон али но тйледыз гажасько* (АС, 31). 'Я и сейчас вас уважаю'.

Как отмечают авторы «Грамматики современного удмуртского языка: Фонетика. Морфология» (1962), «формы *-ыз* и *-ты* используются на равноправных началах. Это удобно стилистически и для выражения существительными двух прямых [неоднородных – *Н. К.*] дополнений в одном предложении: *Пёртэм предметъёсыз нимась кылъёсты существительной шуо*» [ГСУЯ 1963: 93]. Ср.: *Лэсьтылйз со [Константин Савельевич] удмурт гурт котырысь калыкен герзаськем суредъёс: бусы ужъёсыз, сюанэз, куиськисьёсыз, пужыятйськисьёсыз, керттйськисьёсыз* (Черн., 104). 'Рисовал он [Константин Савельевич] картины деревенской тематики (букв.: связанные с деревенскими жителями): полевые работы, свадьбы, ткачих, вышивальщиц, вязальщиц'.

В современной художественной литературе широко представлены оба показателя множественного числа как в структуре именных форм, так и в структуре местоименных основ, например: *Арня жытьёсы со отын егитъёсты крезен шудыны дыше-*

тэ (Байт., 147). ‘Воскресными вечерами он обучает молодежь игре на гуслях’; *Нылпиосыз, ужам интые, ко́чо-куака каръёсыз тарказы, отысь ыль пузьёсты юо яке часэн-часэн чорыгаса пуко* (Пукр., 7). ‘Ее дети, вместо того, чтобы работать, разорив птичьи гнезда, пьют сырые яйца или часами рыбачат’; *Четкеров дыръя кунгожсьёр кылъёсыз факультетазы кык ар гинэ дышетто вал* (Черн., 85). ‘При Четкере иностранные языки на их факультете изучали только два года’. Ср.: *Соосты [милиционеръёсты] адъыса, Иван нёрк потііз* (Пер., 162). ‘Увидев их [милиционеров], Иван опешил’; *Нош туннэ нуналэ соосыз, секыт вакытэз орчем пересьёсыз, улонысь куштізы* (Байт., 66). ‘А сегодня этих стариков, выстоявших тяготы войны, списали из жизни’.

Отдельного внимания требуют морфологические маркеры винительного падежа, функционирующие в современных удмуртских диалектах. Так, помимо рассмотренных выше морфологических показателей, представленных в зависимости от диалектной зоны в различных фонетических огласовках⁸, аккузативные маркеры характеризуются еще рядом плеонастических образований, не принятых в качестве нормы литературного удмуртского языка:

⁸ В данном случае речь идет прежде всего о диалектных разнообразиях показателей множественного числа, обусловленных произносительными нормами фонемы *ы(2)*: *ы(2)* – *ь(t)*. Так, Т. И. Тепляшина [1975: 179–185] в статье «Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах» отмечает, что «формант *-t2* (*-tθ*) встречается в якшур-бодьинском говоре, вариант *-tθ* – в глазовском и бесермянском. Он функционирует также в переходных (т. е. промежуточных между северными и южными наречиями) говорах на территории средних (центральных) районов Удмуртии (средневосточных, верхне-ижско-нылгинских, средне-западных, т. е. кильмезских, увинских, средневалинских). Показатель *-2z* распространен в южном (камско-вятском) наречии (а именно – среднеижских, кырымасских, тойминских, верхневалинских, умякских, люгинско-пажманских, а также в закамских, буйско-таныпских или средне-таныпских говорах). С огласовкой на *-θz* этот суффикс встречается в нижеижских (варзинском), завятских (кукморском, шошминском), закамских (татышлинском) и приискском (бавлинском) говорах» (см. подробнее: [Тепляшина 1975: 180–181]).

а) $-d2s$ ($< -d2 + -2z$)/ $-d2z$: встречается в местоименных основах: например, сев. *мил'эмдыс* 'нас', *тил'эддыс* 'вас' [Кельмаков 1998б: 134], прикильм. *mil'emd2z*, *til'edd2z* [Загуляева 1980: 107]: *мон тил'эддыс кунэз ѓт'ис'ко*. 'Я вас в гости приглашаю' [Кельмаков 1981: 132];

б) $-d2$: встречается в местоименных основах: например, сев. *ульчайэ но мил'эмды со ѓз лэ з'ъл*. 'Даже на улицу нас он не пускал' [Карпова 2005: 142]; *мил'эмды быдэс д'эрэвн'ээн адамэ нулли зы*. 'Нас всей деревней в Адам отправляли' [Карпова 2005: 167];

в) $-es/-ez$, функционирующий в качестве форманта винительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в нижнечепецких и среднечепецких диалектах: *mil'emes* 'нас', *til'edes* 'вас' [Kel'makov, Saarinen 1994: 115; Карпова 2005: 71]. Развитие суффикса $-эс$ в качестве аккузативного маркера личных местоимений, с точки зрения Л. Л. Карповой, в среднечепецких говорах могло происходить следующим образом: «в силу ассимилятивных процессов гласный $ь$ показателя $-ьз$ уподобляется предшествующему гласному $э$, в результате чего имеем $-эс$: *мил'эмэс* $<$ *мил'эмьз* 'нас', *тил'эдэс* $<$ *тил'эдьз* 'вас'» [Карпова 2005: 71], например: *мумы огн'азгэс гинэ вордиз мил'эмэз*. 'Мама в основном одна растила нас' [Карпова 2005: 455]; *мил'эмэз вит'о н'и, дьр*. 'Нас ждут уже, наверное' [Карпова 2005: 292]. Ср.: *мил'эмьз будэти зь чужайь*. 'Нас воспитывал (букв.: 'растили') дедушка по материнской линии [Карпова 2005: 388];

г) $-est2$ ($< -es + -t2$) в разных фонетических огласовках (помимо рассмотренных выше местоименных основ типа *ваньместы*, соответствующих нормам литературного языка) встречается в аккузативных формах личных местоимений в отдельных говорах северного ареала, напр., глаз.: *мил'эмьсть* 'нас', *тил'эдьсть* 'вас' (см. подробнее: [Лыткин, Тепляшина 1959: 224; Вахрушев 1959: 237; Кельмаков 1998б: 134, 2003: 124; Карпова 2005: 71]).

С точки зрения Л. Л. Карповой, данный маркер в среднечепецких говорах представляет собой «контаминацию показателей аккузатива южных говоров $-ыз$ (в описываемом диалекте в этих местоимениях, как было отмечено выше, он преобразовался в $-эс$) и северных говоров $-ты$: *мил'эмэсть* $<$ *мил'эмэс+ть* 'нас', *тил'эдэсть* $<$ *тил'эдэс+ть* 'вас' [Карпова 2005: 71], например: *мил'эмэсть йэгит'т'ос вэд' воз'мал'л'а зь*. 'Нас ведь парни подкара-

уливали' [Карпова 2005: 323]. *и вот тин' мил'эмэсть школайэ но да жэ зуччос пёлыгэс донгыли зы дышэтскыкумы но.* 'И вот нас, [удмуртов,] и в школе даже в русские классы определяли ('пропихивали') во время учёбы' [Карпова 2005: 431–432]; ср.: *тин'и йэгит калъкэз мил'эмйостъ с'о чяйчээ чорйал'л'а зъ.* 'Вот молодых людей, нас, всё в лес отправляли' [Карпова 2005: 373];

д) отдельно следует указать морфологические маркеры аккумулятива в структуре усилительно-личных местоимений в бесермянском наречии удмуртского языка. Как отмечают диалектологи, в аккумулятиве единственного числа местоимения *ачим, ачид, ачиз* в бесермянском наречии имеют две параллельные формы [Тепляшина 1970: 187–188]: 1) *asOme* 'меня самого', *asOde* 'тебя самого', *asOze* 'его самого, ее саму'; 2) *aslOme* 'меня самого', *aslOde* 'тебя самого', *aslOze* 'его самого, ее саму'. Последние формы, с точки зрения В. К. Кельмакова, по всей вероятности, «включают следующие морфемы: корень *as-*, формант датива *-lO*; притяжательные суффиксы *-m*, *-d*, *-z* и суффикс аккумулятива *-e*» [Кельмаков 2003: 126].

Таким образом, наличие широкого спектра аккумулятивных формантов в структуре современного удмуртского языка позволяет говорить о богатом историческом контексте развития пермского аккумулятива (см. об этом подробнее: [Кондратьева 2010: 67–71; 95–100]).

II. Семантическая структура винительного падежа

Как уже отмечалось выше, каждый морфологический падеж может участвовать в выражении различных семантических ролей, значений и отношений. Для удмуртского аккумулятива в этом отношении помимо выражения основной семантической роли пациенса релевантными оказываются актуализация темпоральных и пространственных значений; выражение субъектных, количественных и транслативных отношений, а также указание на источник/материал, из которого изготовлен объект. Рассмотрим каждое из вышеуказанных значений подробнее.

1. Основной семантической ролью падежа прямого объекта в современном удмуртском языке является **роль пациенса**, или «пассивного участника ситуации, претерпевающего изменения в

ходе не контролируемых им внешних воздействий» [Плунгян 2000: 165]: *Уг яра висисьёсыз дырызлэсь вазь доразы лэзьяны* (Крас., 54). ‘Нельзя больных отпускать домой раньше времени’; *Трактор шудыса кадь поттйз нёдэм машинаез, кыскыса вырйылозь ик тубытйз но дугдйз* (Крас., 93). ‘Трактор словно играючи вытянул из грязи машину, протащил на буксире до холма и остановился’; *Кирло очкизэ пал кыыныз тупатйз* (Роман., 44). ‘Кирло поправил свои очки одной рукой’.

Как отмечают ученые, семантическая роль пациенса в предложении в значительной степени определяется семантикой соответствующего предиката (см. об этом: [БЭС 1998: 369]), в связи с чем указанная роль может быть выражена различными морфологическими падежами, в частности, номинативом: *Тани тодмо бусы(ø) но адзиськиз* (Роман., 46). ‘Вот на горизонте показалось знакомое поле’; *Кырзан(ø) но шуак чалмиз* (Роман., 7). ‘Песня вдруг прервалась’; дативом: *Кирло Иванэз дышетйз воргорон ужьёслы но* (Роман., 46). ‘Кирло научил Ивана мужским ремеслам’ и др.

При транзитивных глаголах семантическая роль пациенса чаще всего указывает на объект воздействия: «Patientteja ovat rooliltaan myös objektit, joiden tilanmuutos estetään; ne eivät siis koe muutosta, mutta niihin kohdistuu vaikutus» [ISK 2005: 885], например: *Дан – со сюлэмез шунтэ, но сюлэм сяна мугор вань на* (Крас., 29). ‘Слава – она согревает сердце, но кроме сердца есть еще и тело’; *Осэз усьтй* (Роман., 56). ‘Я открыла дверь’; *Толя одйг визнан куриказ чыж-чыж горд низили(ø) бырттйз* (Клаб., 27). ‘Толя на крючок своей удочки нацепил красного червяка’; *Фермаез липисько вал, уже жыныё кылиз* (Крас., 63). ‘Я крыл крышу фермы, [но теперь] работа осталась незавершенной’.

Также аккумулятивные формы могут указывать на предмет/лицо или явление, на которое направлено действие: *Улытозям ой адзылы ни сыёе синьёсты* (Серг., 47). ‘За всю свою жизнь я не видел больше таких глаз’; *Пичи ныл нырысь ик гур(ø) эстэ, кык бадзымесь горшокъёсын пудолы ву(ø) шунтыны пунктэ* (Байт., 141). ‘Маленькая девочка вначале топит печь, потом ставит в двух больших котлах греть воду для скота’; *Котькудйз ар адями борды кыёе ке но пытызэ кельтэ* (Крас., 120). ‘Каждый прожитый год оставляет свой след на человеке’; *Бератаз мырдэм рай-*

онной клубе кассире кариськыны быгатйіз, киное билет(θ) вузаса улйіз (Крас., 59). ‘Позднее [она] с трудом устроилась кассиром в районный клуб, зарабатывала себе на жизнь продажей билетов (букв.: жила, продавая билеты)’.

В этом контексте отдельного внимания требуют рамочные конструкции с отглагольными именами в форме винительного падежа. Так, в соответствии с системой коммуникативных регистров в современном удмуртском языке можно выделить две модусные рамки, в диктуме которых используются конструкции с отглагольным прямым объектом:

1) в **перцептивных** модусных рамках функционируют глаголы восприятия (*адзыны* ‘увидеть’, *кылыны* ‘услышать’, *шодыны* ‘почувствовать’ и др.): *Соснов солэсь верамзэ пеляз оз поны* (Крас., 73). ‘Соснов не обратил внимания на то, что он сказал’; *Жёк съёрын пукись Лели лушкем учке Петырлэсь Оляен вераськемзэ* (Лям., 65). ‘Сидящая за столом Лели украдкой смотрит, как Петя и Оля разговаривают’; *Умой-умой сыскыны турттйсько вал но, нбылэмме ик ой шоды* (ЧП, 80). ‘Я [Настя] хотела хорошо прожевать [хлеб], но даже не заметила, как случайно проглотила’. Содержание диктума подобных конструкций можно трансформировать в зависимое предложение с союзными словами *кызы* ‘как’, *мар* ‘что’ и др., либо с союзом *шуыса* ‘что’, например: *Жёк съёрын пукись Лели лушкем учке Петырлэсь Оляен вераськемзэ* (Лям., 65). ‘Сидящая за столом Лели украдкой смотрит, как Петя и Оля разговаривают’ (> *Жёк съёрын пукись Лели лушкем учке, кызы Петыр но Оля верасько*); *Кылзйз Яуш нылызлэсь мадемзэ* (Леон., 132). ‘Слушал Яуш рассказ своей дочери’ (> *Кылзйз Яуш, мар мадиз нылыз*); *Мон адзи тйлесьтыд бертэмдэс* (Леон., 159). ‘Я заметил, как вы возвращались’. (> *Мон адзи, тй бертйськоды шуыса*).

Чаше всего вышеуказанные конструкции политемпоральны, т. е. действие в диктуме предшествует или совпадает положению действия или процесса в модусной рамке: *Табере гинэ Фаина жадемзэ шодйз* (Крас., 174). ‘Только теперь Фаина ощутила свою усталость’ (> Когда Фаина почувствовала свою усталость, она была уже уставшей’); *Атаеныз Василий Васильевичлэсь гидкуазе пыремзэс Мати соку ик адзиз* (ЧП, 280). ‘Мати сразу заметил, как во двор вошли его отец и Василий Васильевич (действие происхо-

дит одновременно)'; *Пуке Идегейка, кылзэ кенешемзэс* (Леон., 90). 'Сидит Идегейка, слушает их беседу (действие происходит одновременно)';

2) в **речевых** модусных рамках предикативную функцию выполняют глаголы речи (*вераны* 'сказать', *кесъкыны* 'крикнуть', *шыпыртыны* 'прошептать' и др.) либо глаголы интерпретации речевой деятельности (*ивортыны* 'информировать', *валэктыны* 'разъяснить, пояснить', *юаны* 'спросить, расспросить' и др.): *Василий Николаевичлэсь вань улэм-вылэмзэ юасъкиз, пластинка но кузьмаз* (ЧП, 8). 'Он расспросил Василия Николаевича о житье-бытье, и даже подарил грампластинку'. Содержание диктума подобных конструкций можно трансформировать в послеложную конструкцию с послелогом *сярысь* 'о, обо, об', либо в зависимое предложение с союзными словами *кызьы* 'как', *мар* 'что' или союзом *шуыса* 'что': *Со но тыныд али мынэсьтым верамме ик верасал* (Крас., 185). 'И он бы на моем месте сказал тебе то же самое, что я говорю'. (> *Со но тыныд али сое ик верасал, мар мон тыныд верасъко*); *[Озат] вераз пыр-поч вань кылэмзэ, адземзэ* (Леон., 105). '[Озат] подробно рассказал об услышанном и увиденном' (> *[Озат] пыр-поч вераз ваньзэ, мар сярисъ кылйз, мае ад-жиз*); *Аслэсьтым мур куректонэ усемме верасъко* (Леон., 172). 'Я выражаю свое соболезнование (букв.: я говорю о своей глубокой печали)' (> *Мон [Алып] верасъко, мур куректонэ уси шуыса*).

В качестве морфологических маркеров диктума в вышеуказанных конструкциях функционируют форманты винительного падежа притяжательного склонения (-ме, -дэ/-тэ, -зэ/-сэ, -мес, -дэс/-тэс, -зэс/-сэс), внося в предложение полипредикативность, полисубъектность: субъект главного предложения (S₁), выступающий в функции подлежащего, имеет грамматическую форму именительного падежа, субъект диктума (S₂), являясь определением, чаще всего принимает форму разделительного падежа: *Кион Олелэсь* (S₂) *верамзэ Мики* (S₁) *пöсектыса кылзэ* (Лям., 72). 'Мики нервничая слушает, что говорит Кион Оле'. Предикативная форма диктума в подобных конструкциях чаще всего соответствует отглагольным именам на -эм/-ем, -м, -н, -он: *Соослэсь* (S₂) *выж вамен ортчэмзэс ас пал ярдураз учкыса сълйз* (ЧП, 341). '[Он] стоял на своем берегу, наблюдая за тем, как они проходили по мосту'; *Солэсь* (S₂) *малпасъконзэ Леким агай* (S₁) *куспетй ка-*

риз (ЧП, 175). ‘Его раздумья прервал дядя Леким’. Как правило, функционирующая в диктуме вербальная единица в этом случае требует облигаторного морфологического оформления: *Соос* (S₁) *Настйльсь* (S₂) *шелеп бичамзэ учкыса пукизы* (ЧП, 161). ‘Они наблюдали, как Настя собирала щепки’.

Среди пациентивных значений особое внимание также следует обратить на предложения, в которых имена существительные в форме винительного падежа (маркированного или немаркированного), указывают на изменения, которым подвергся объект действия в результате протекания этого действия (объект-результатив): «*Patientti, tilan muutoksen läpikävijä, on myös TULOS-objekti, jonka tarkoite tulee verbin tarkoittaman toiminnan ansiosta olemaan*» [ISK 2005: 885]. Как правило, в подобных предложениях присутствует два логических объекта, где O₁ – это объект, на который направлено действие, а O₂ – объект-результатив.

Функционирование двух логических объектов в структуре одного предложения ведет к распределению маркированных и немаркированных форм винительного падежа между семантическими группами: так с точки зрения морфологической маркировки объект (O₁) всегда имеет форманты винительного падежа, тогда как объект (O₂) чаще характеризуется отсутствием морфологических показателей: *Нош тодйськод-а бен, малы та Вало шурмес* (O₁) *Вало(θ)* (O₂) *шуилям?* (Клаб., 20). ‘А знаешь ли ты, почему эту нашу речку Вало называли Вало?’; *Модель(θ)* (O₂) *шуо, лэся, сое* (O₁) (Крас., 44). ‘букв.: Кажется, это называют моделью’; *Ужан нуналзэ* (O₁) *но праздник(θ)* (O₂) *каремез потэ* (Самс., 127). ‘И рабочий день ему хочется превратить в праздник’.

Вышеперечисленные конструкции чаще всего используются с глаголами: (а) указывающими на интеллектуальную деятельность человека, которая «включает, в частности, подтипы: обработка и получение информации, передача информации, выступление, получение/добывание информации» [Мустайоки 2006: 213]; (б) относящимися к группе «идентификация» [Мустайоки 2006: 241]. В качестве предикативных единиц в этом случае выступают глаголы типа *ниманы* ‘называть’, *шуыны* ‘обозвать, нарекать’, *кожаны* ‘подумать, принять за кого(что)-либо’, *малпаны* ‘принять за кого(что)-либо’, *карыны* ‘делать, использовать в качестве чего-либо’ и др., соответствующие логической конструк-

ции $O_1 \rightarrow O_2$, *Алексей Петрович Сосновез* (O_1) *котькин умый першал(θ)* (O_2) *шуэ* (Крас., 61). ‘Алексея Петровича Соснова (O_1) все считают хорошим врачом (O_2)’; *Мики яке апа, яке кенак* (O_2) *шуэ Лелиез* (O_1) (Лям., 138). ‘Мики называет Лели или «апа», или «кенак»’; *Тйрез* (O_1) «*балта*»($θ$) (O_2) *шуо, бигерьёс кадь ик* (ЧП, 252). ‘Как и татары, топор они называют «балта»’; *Пёртэм уч-ырьёсы, ог-огзылы кузьмаськон дыръя, чемгес ёушконэз* (O_1) *кузьым(θ)* (O_2) *каро вал* (Хр., 131). ‘На разные праздники, когда дарили друг-другу подарки, очень часто в качестве подарка (O_2) использовали полотенце (O_2)’; *Кызьы ке колхозысь, сіль(θ)* (O_2) *карыны шуыса* [эрвалэз (O_1) – Н.К.], *со зызы эрвал басътйіз* (ЧП, 301). ‘Как то раз он купил из колхоза хилую кобылу, чтобы пустить ее на мясо’; *Няньзэ* (O_1) *сукари(θ)* (O_2) *куасьтй* (ЧП, 133). ‘Из хлеба я высушила сухари’.

Сопоставив письменные источники XIX в. и современные тексты, становится ясным, что дистрибуция винительного падежа в функции объекта-результатива постепенно снижается, что, с нашей точки зрения, можно объяснить стремлением падежа прямого объекта к «семантико-синтаксической чистоте», т. е. его стремлением к разграничению прямых и косвенных дополнений. Перенос данной функциональной нагрузки производится, с одной стороны, на послеложные конструкции: *Урамын сое* (O_1) *эшьёсыз Урбо шуыса* (O_2) *исаллязы* (Крас., 57). ‘На улице друзья обзывали его Урбо’; с другой – на морфологические показатели творительного падежа: *Ож кутскон арёсы тямыс ар дышетскем адыми уно тодйсь муртэн* (O_2) *чотаськиз* (Байт., 16). ‘В годы войны человек, окончивший восемь классов, считался знающим человеком’; *Дангырез* (O_1) *котькин етйіз нюлэскасен* (O_2) *лыдьа* (КМ, 65). ‘Дангыра все считают хорошим охотником’.

Наличие двух логических объектов характерно также для предложений, в которых один из объектов содержит указание на материал/источник, из которого изготовлен объект. Как показывают языковые примеры, в связи с потребностью четкого разграничения семантических функций, объект, указывающий на материал изготовления объекта (O_1), требует облигаторного морфологического оформления, тогда как объект с пациентивным значением (O_2) принимает немаркированные формы винительного падежа.

Употребление винительного падежа в указанном значении в системе современного удмуртского языка отличается низкой дистрибутивной нагрузкой и постепенно замещается аблативными формами, что, по-видимому, объясняется стремлением системы языка к более четкому разграничению объектных и аблативных функций. В частности, в письменных источниках конца XIX – начала XX вв. можно встретить параллельное функционирование аккузативных, элативных и аблативных форм в указанном значении:

а) аккузативные формы: *Сын сюрэз* (O₁) *лэсьтэмын* (Ислент., 114). ‘Гребень сделан из кости’; *Дуришь кортэз* (O₁) *дуризь тыр(θ)* (O₂) *но кусо(θ)* (O₂) (Исл.,: 77). ‘Из железа кузнец наковал топор и косу’;

б) элативные формы: *Лыз буям шар но, духи но, автобусъёслэн шинэоссы но, со сянэ трос мукет дуно веществоос но – ваньмыз нефтьысь лэсьтэмын* (Скатк., 80). ‘И мяч синего цвета, и духи, и шины автобусов, а также много других дорогих предметов сделано из нефти’;

в) аблативные формы: *Асьмеос адзиськомы, кыче уно кулэ арбериос металлэсь лэсьтэмын* (Скатк., 81). ‘Мы видим, как много нужных вещей сделано из металла’.

Подобное параллельное функционирование аккузативных, элативных и аблативных форм при выражении источника/средства изготовления предмета/вещи⁹ характерно и для устной речи удмуртов: напр.: сев. *н’ыл’ сэрго кошэл(θ)* (O₂) *вурис’ком дэралэс’* (МДЭ 2002: 84). ‘Из холста шьем четырехугольные кошельки’ ~ *суэс* (O₁) *чэрн’ило(θ)* (O₂) *лэс’тис’ком, горт кушманэз* (O₁) (МДЭ 2002: 84). ‘Из сажи делаем чернила, из свеклы’ ~ *носки(θ)* (O₂), *чулки(θ)* (O₂) *керттис’ком, дэраыс’ ик кэрттис’ком* (МДЭ 2002: 86). ‘Носки, чулки, вяжем, из холщевых ниток вяжем’. Ср.: *Валатэк ке пöрад, куды кеньырысь но эжук(θ)* (O₂) *уд пöзты* (Инг., 316). ‘Если не умеешь готовить, даже из лукошка крупы не сва-

⁹ Дистрибутивно ограниченное синонимичное варьирование элативных и аблативных форм характерно также для коми-пермяцкого языка при глаголе *повны* ‘бояться, испугаться’. Как отмечает Г. А. Некрасова, «в коми-зырянском языке и в северных коми-пермяцких диалектах [с глаголом *бояться*] употребляется элатив, в удмуртском – аблатив, в южных коми-пермяцких диалектах – элатив и аблатив с дистрибутивным ограничением» [Некрасова 2002в: 145].

ришь каши'. По-видимому, функционирование элативных форм для обозначения материала, из которого сделан (или производят) предмет в большей степени характерно для северной диалектной зоны, а также бесермянского наречия (см. об этом: [Максимов 1999б: 128–129]).

При указании на источник изготовления предмета в рамках литературного языка доминирует употребление разделительного падежа: *Ѕыгыртымон корьёслэсь пуктэмын та корка* (СН, 225). 'Из здоровенных бревен выстроен этот дом'; *Со котырын кы́че ке лапегесь юртъерьёс сыло, горд кирпичлэсь ёсутэмын соос* (МС, 63). 'Вокруг него стоят какие-то низкие дома, они выстроены из красного кирпича'; *Улон – со пичильтык кесэгёслэсь куэм турлы арбери* (МС, 65). 'Жизнь – удивительная штука, сотканная из маленьких кусочков'; *Кияз кролик мамыклэсь пёзьёс* (Гряз., 270). 'На ее руках варежки из кроличьей шерсти'; *Кунян сйльлэсь шашлык яратйсько, шуэ* (Хайд., 104). 'Люблю, говорит, шашлык из телятины'; *Бадзым тусе горд скойлэсь но луолэсь суралтэт дасямы* (Хайд., 50). 'В большом корыте приготовили раствор из глины и песка'.

По-видимому, взаимозаменяемость нескольких падежных форм – первый симптом разрушения их семантических противопоставлений. Она уже содержит возможность закрепления за глаголом единственной формы объекта. И, как показывает анализ частотности употребления указанных форм, а также функционирование разделительного падежа в качестве литературной нормы, скорее всего, при указании на источник изготовления предмета впоследствии закрепятся формы аблатива.

2. Помимо своей основной функции – маркирования роли пациенса – аккузатив во многих языках мира может употребляться для оформления **периферийных значений**. Как отмечает Д. А. Эршлер [2009: 32–39], в типологическом отношении к последним можно отнести выражение темпоральных и пространственных ролей¹⁰. Более экзотичными ролями в этом отношении

¹⁰ Как подчеркивает Д. А. Эршлер, существует определенная взаимосвязь между выражением пространственных и временных значений аккузативными формами: «Если аккузативом может маркироваться про-

являются выражение значений образа действия и значения accusativus graecus [Эршлер 2009: 38].

В данном контексте следует также заметить, что для формы винительного падежа типично ее употребление при переходном глаголе. Однако, как и в других агглютинативных языках, в удмуртском языке прямое дополнение в форме винительного падежа можно встретить при глаголах, не являющихся собственно переходными¹¹. К числу таких глаголов относятся некоторые глаголы движения, а также глаголы, обозначающие действие или состояние, мыслимое в известном отношении к понятию пространства, времени и количества. Однако, как отмечает Л. А. Петухова, «на основании употребления непереходных глаголов в сочетании с существительными в форме винительного падежа нельзя утверждать, что они становятся переходными. Они лишь временно приобретают переходное значение, функционально замещают переходный глагол. При определении переходности – непереходности (...) нужно учитывать как лексико-семантические особенности их, так и природу зависимого компонента» [Петухова 1980: 29].

Лексико-семантическую основу группы объектов, указывающих на **темпоральные отношения**, в удмуртском языке состав-

странственная протяженность, то так же может маркироваться и длительность ситуаций» [Эршлер 2009: 41], ср. удм.: *гуртэз ортчыны* ‘пройти деревню’ ~ *нуналэз ортчтыны* ‘провести день’.

¹¹ Аналогичное явление представлено, в частности, в бурятском языке: бурят. *Ыраах сири бардыбыт*. ‘Мы прошли большое пространство’ (*бар-* ‘уходить, ходить, проходить’); бурят. *Ус километры тохтообокко суурдум*. ‘Три километра я пробежал безостановочно’ (*суур* – ‘бежать’); бурят. *Ыальданб икки ыйы сытым*. ‘По болезни я пролежал два месяца’ (*сыт-* – ‘лежать’) и др. (примеры по: [ГСЯЛЯ 1982: 133]).

Авторы «Татарской грамматики» также отмечают о функционировании аккузативных форм при выражении пространственно-временных отношений: «Винительный падеж иногда встречается и в значении места и времени, т. е. в функции обстоятельств: *Партия оешмасының секретаре Айсылу Нафисегә һәр көнне яңа газеталар, кечкенә китапчыклар китерә торган иде*. ‘Секретарь партийной организации Айсылу каждый день приносила Нафисе свежие газеты, маленькие книжечки’; *Алар һәр елны авылга кайталар*. ‘Они каждый день приезжают в деревню’ [ТГ 1993: 51].

ляют слова, выражающие названия временных промежутков (*секунд* ‘секунда’, *час* ‘час’, *чукна* ‘утро’, *нунал* ‘день’, *жыт* ‘вечер’, *уй* ‘ночь’, *арня* ‘неделя’, *толэзь* ‘месяц’, *ар* ‘год’, *даур* ‘век’ и др.), дней недели (*вордйськон* ‘понедельник’, *пуксён* ‘вторник’ и др.), языческих, религиозных и современных праздников (*акашка* ‘пасха’, *Выль ар* ‘Новый год’, *вордйськем нунал* ‘день рождения’ и др.): *Эшишо одйг уез пырпотыса, Юрий Сергеевич Машаезлы вераз*: «Тон, нылы, таре гуртын кёла ни!» (ПГ, 308). Проведя еще одну ночь [в больнице], Юрий Сергеевич сказал Маше: «Ты, дочка, давай возвращайся домой!»; *Табере тй бертыса сиське ни, нош ик быдэс нуналзэ ужано ук* (Крас., 28). ‘А теперь вы идите домой и покушайте: завтра снова придется поработать целый день’; *Куинетй нуналзэ ужа ни татын* (Сам., 59). ‘Она здесь работает уже третий день’; *Ог ар(θ) военной училищезын дышетскыса, лейтенант Соснов Дмитрий фронтэ кошкез* (Крас., 37). ‘Проучившись один год в военном училище, лейтенант Соснов Дмитрий отправился на фронт’; *Фёдор бен уно арня нуналъёссэ соослэн общежитиязы ортчытъяз* (Чер., 166). ‘А Фёдор многие выходные провёл в их общежитии’; *Отын [тюрьмаын] одйг ар(θ) но вить толэзь(θ) пукиз* (Лям., 55–56). ‘Он просидел там [в тюрьме] год и пять месяцев’.

Частотность дистрибуции винительного падежа для выражения темпоральных отношений невысока. Небольшая функциональная нагрузка удмуртского аккумулятива в рассматриваемой функции объясняется наличием эквивалентных и эквиолентных оппозиций. Рассмотрим пример: *Куать толэзь ёжже Сосновлэсь лулзэ но сюлэмзэ кызы мылыз потйз, озьы посйз следователь Матвеев* (Крас., 45). ‘На протяжении шести месяцев следователь Матвеев по своему усмотрению терзал душу и сердце Соснова’. В данном примере перевод остался бы эквивалентным и в случае замены послеложной конструкции *куать толэзь ёжже* ‘на протяжении шести месяцев’ формой винительного падежа (*куать толэзьёзэ* ~ *куать толэзь(θ)*). Преимущество выбора аналитических форм над морфологическими при выражении временных координат в современном удмуртском языке, по-видимому, объясняется наличием в системе послелогов разных семантических вариантов: *ар ёжже* ‘в течение/продолжение года’, *ар мында* ‘приблизительно/около года’, *ар пала* ‘приблизительно/до года’, *ар ко-*

тыр/ёрос ‘приблизительно/около года’, *ар куспын* ‘за год’ и др., например: *Ог кык час пала ортчыса, ачиз райкоме вуиз* (Пер., 172). ‘Примерно через два часа он сам пришёл в райком’; *Озьы оз вить минут мында сыйлм, луоз* (РГ, 24). ‘Так мы простояли, наверное, минут пять’; *Агай куиньмой ёожэ дорын улйз на, паспорт басътйз* (Крас., 171). ‘Старший брат пробыл дома еще три дня, [а потом] получил паспорт’; *Тодмантэм воштйськем со ар куспын* (ЧП, 274). ‘До неузнаваемости изменился он за год’; *Шпальёс вылын Гриша кык час ёрос пуке ни* (ПВ, 55). ‘На шпалах Гриша сидит уже около двух часов’.

Имеется ряд примеров, когда в предложении присутствуют обе модели темпоральных конструкций. В этом случае более долгий по своему протяжению отрезок времени выражается через послеложные конструкции, а его сегментные единицы – через формы маркированного/немаркированного винительного падежа: *Куать толзэ ёожэ со одйг уйзэ но ёз кёлы* (Крас., 41). ‘В течение шести месяцев он не спал ни в одну из ночей’; *Куать нунал ёожэ Владимир Галактионович одйг уез но умой-умой ёз кёлы на* (Петр., 327). ‘В течении шести суток Владимир Галактионович не мог спокойно спать ни в одну из ночей’.

В структуре темпоральной роли, кодируемой аккумулятивом, Д. А. Эршлер выделяет две разновидности: а) указание на длительность немаркированной по завершенности ситуации (или «продолжительность»); б) указание на длительность ситуации, при условии полного охвата некоторого периода (или «продолжительность + полный охват» [Эршлер 2009: 35–36]. Как показывают примеры из художественной литературы, именно эти характеристики чаще всего определяют наличие/отсутствие аккумулятивных маркеров в структуре прямого объекта в системе современного удмуртского языка.

Так, немаркированная форма винительного падежа в удмуртском языке чаще всего акцентирует внимание на длительности немаркированной по завершенности ситуации, тогда как маркированные формы винительного падежа указывают на охват определенного периода протекания действия: *Озьы ке но, Юрий Сергеевич та уй(θ) чырым но ёз изь* (ПГ, 296). ‘Этой ночью Юрий Сергеевич совсем не спал’. Ср.: *Угось куинь уйзэ йёнала ёз изь ни* (ПГ, 294). ‘Уже три ночи [он] не спит’. В последнем случае пря-

мой объект, указывающий на темпоральные отношения, чаще всего имеет количественные характеристики: *Кыкетий арзэ уни вал соку Паля армиын* (Чер., 128). ‘Уже второй год служил тогда Паля в армии’; *Кыкетий уйзэ чырым но ой кёлы на куректэменым* (Леон., 171). ‘Уже вторую ночь из-за своего тревожного состояния я не смыкаю глаз’; *Воштий уго юртъер интымес, Васи, витетий арзэ уни татын* (Чер., 17). ‘Мы переехали, Вася, пятый год уже [проживаем] здесь’; *Нюраез табере нылпи садэ ветлэ, арняысь вить уй-нуналзэ отын улэ но шутэтскон нуналъёсы бертылэ* (ПГ, 51). ‘Нюра теперь посещает детский сад, там проводит пятеро суток в неделю, а на выходные приходит домой’; *Пичи пинальёс ёвёл ойдо, одйг-кык арзэ йёл-вййтэк но чидалом* (Петр., 227). ‘Маленьких детей у нас нет, год-два проживем без молока и масла’; *Кыкетий уйзэ ёз кёлы ни, мискинъ, туж жадемын со* (СЕВ, 31). ‘Бедняжка, [она] вторую ночь уже не спит, она очень устала’.

Длительность завершённой предельной ситуации, с точки зрения Д. А. Эршлера, не может быть выражена аккумулятивными маркерами: для ее актуализации в языках мира чаще всего используются адвербиальные формы (см. подробнее: [Эршлер 2009: 39–41]). Указанные типологические фреквенталии характерны и для удмуртского языка: если аккумулятивными формами чаще всего маркируется длительность незавершённой или немаркированной по отношению к завершённости/незавершённости ситуации (*imperfective and neutral viewpoints*), то для актуализации завершённых предельных ситуаций (*perfective viewpoint*) употребляются наречные и послеложные формы: *Озыы соос чош улыны кутскизы. Нылетий толэзьэ ни артэ* (ПГ, 247). ‘Так они начали жить втроем. Уже четвертый месяц [проживают] вместе’ ~ *Нош куинь толэзь(о) огазын но куинь толэзь(о) нимаз улыса, Саша кышноеныз люкиськиз* (Матв., 272). ‘Прожив три месяца вместе и три месяца отдельно, Саша развёлся со своей супругой’; *Ныльдон одйгетий арзэ уни со [картэ] та ужын* (СЕВ, 40). ‘Уже сорок первый год он [мой муж] на этой работе’. Ср.: *Нюралэн муниз эмъяськонтийысь куиньмой улыса вуиз* (ПГ, 27). ‘Мать Нюры возвратилась из больницы через три дня’; *Ар кумын Ваню, ортчымтэ предметъёсы гинэ экзамен сётыса, кыкетий курсэ потйз* (Чер., 5). ‘В течение года, досдав экзамены по недостающим

предметам, Вано перешел на второй курс'; *Тйледлы гожтоно вал докладлэсь оглюкетсэ – удмурт культуралэн но искусстволэн 60 ар ёоже азинскемзы сярысь* (Емел., 42). 'Вам необходимо было написать часть доклада – о том, как развивались удмуртская культура и искусство на протяжении 60 лет'; *Нылпиос куиньмой ёоже мерттйськызы* (ЧП, 305). 'Дети в течение трех дней занимались посадкой [капусты]'. Как видно из примеров, в случае выражения *perfective viewpoint* временные рамки приобретают целостный характер.

Адвербиальные формы могут быть образованы посредством различных словообразовательных суффиксов, в частности суффикса **-скын**: *Одйг нуналскын сое уд быдты* (ЧП, 9). 'За один день ее [работу] не осилишь'; *Кык арскын мае но ёз кыл, кыёезэ но ёз адзы со* (ПГ, 91). 'Чего только он не выстрадал (букв.: не услышал, не повидал) за эти два года'; суффикса **-ой/-ёй**: *Анаез озьы алэмысь, пияш кыктой-а, куиньмой-а больницае ёз лёгаськы ни* (ЧП, 384). 'Из-за того, что мать его отговорила, мальчик не приходил в больницу два или три дня'; суффикса **-быт**: *Дышетскон арез йылпумъяса но мон гужембыт куректыса ветлй, быгато на-а кайтаяз но озьы ик умой дышетскыны* (Пукр., 98). 'Даже после завершения учебного года я целое лето переживал о том, смогу ли в следующем году так же хорошо учиться'; *Уйбыт мынйзы* (Лям., 108). '[Они] шли всю ночь'.

Основным критерием для разграничения прямых объектов, выражающих временные отношения, от наречий времени, по-видимому, следует считать способность немаркированных аккумулятивных форм выступать в морфологически оформленных позициях: *Со нунал Ёрги председатель съёрын жёыны нунал(о) (> жёыны нуналэ) бызьылйз* (Байт., 12). 'В этот день Ёрги бегал за председателем полдня'. Или: *Театрын мон вить ар(о) (> витетй арзэ) ужасько уни* (Сад., 14). 'В театре я работаю уже пять лет'. При этом следует учитывать, что прямое замещение немаркированных форм маркированными возможно лишь тогда, когда предикативные единицы предложения представлены синтетически или аналитическими формами прошедшего времени. В случае, если глаголы выражены формой настоящего/будущего времени, при трансформации предложения добавляются компоненты, указывающие на незавершенность действия: *Куинь нунал(о) но куинь*

уй(θ) дугдылытэк чилекъя но вореkjя вань котыр дунне (Пукр., 40). ‘Три дня и три ночи не смолкая сверкают молнии, освещая все вокруг’. > Куинетий нуналзэ но куинетий уйзэ дугдылытэк чилекъя но вореkjя **ни**, что, по-видимому, еще раз доказывает зависимость морфологической маркировки винительного падежа при выражении темпоральных отношений от характера протекания действия. Ср. Мати сое [атайзэ] ньылетий арзэ уг адзъ ни (ЧП, 41). ‘Мати уже четвертый год не видит его [своего отца]’; Арня нуналъёсы городэ машинаос чик öз шедьылэ ни, Фёдор уйзэ кузь сюресэз мертаса ортчытъяз (Чер., 165). ‘По воскресеньям машин в сторону города уже не было, поэтому Фёдору всю ночь приходилось идти пешком (букв.: измерять длинную дорогу)’.

3. Среди непациентивных значений аккузатива наряду с темпоральными ролями отдельное место занимают **пространственные** роли, которые типологически могут указывать на меру пройденного пространства, цель и динамический локатив (см. подробнее: [Эршлер 2009: 37–38]). Использование аккузативных маркеров для выражения пространственных отношений является одной из типологических фреквенталий языковой системы: «Если аккузативом может маркироваться пространственная протяженность, то так же может маркироваться и длительность ситуаций» [Эршлер 2009: 41].

Для системы удмуртского языка основным значением пространственной роли, кодируемой аккузативом, является выражение значения меры пройденного пространства: Кöня иськемез ортчизы? (Байт., 19). ‘Сколько километров прошли?’; Ог иськем(θ) ортчыса, канава съöры лопата лобиз (Байт., 19). ‘Когда мы прошагали примерно километр, за канаву полетела лопата’; Мон гуртэз ортчытозь, тй татын ни (ЧП, 83). ‘Пока я проходила деревню, вы уже успели добраться до поля’; Гирыш быдэс сюресэз югдытыса-югдытыса бертйз (ЧП, 343). ‘Триша весь путь прошёл, освещая дорогу [фонариком]’; Орточоно луоз уно бадзъм но пичи шуръёсты, нюр интыюсты, мур нюкъяёсты (Леон., 49). ‘Придет-

ся преодолеть множество больших и малых рек, болот, глубоких оврагов»; *Алёшаез [Галя] станциозь келяз, собере, ньыльдон иськемез пыдын бертоно луэм* (СЕВ, 18). 'Алешу [Галя] проводила до станции, потом [ей] пришлось сорок километров пройти (букв. возвращаться) пешком'.

Как отмечают исследователи, использование аккузативных форм для выражения пространственно-временных значений возникает в связи с метафорическим переосмыслением роли пациента: пациент в подобных структурах начинает восприниматься как «расходуемое в течение ситуации время или проходимое пространство» (см. об этом: [Эршлер 2009: 42]).

Употребление винительного падежа в функции выражения пространственных отношений также составляет небольшую долю от общей функциональной нагрузки удмуртского аккузатива. Как правило, в этом случае прямой объект относится к вербальным единицам, содержащим в своей семантике указание на прохождение определенных (конкретных) пространственных координат: *ортчыны* 'пройти', *выжыны* 'перейти', *потыны* 'пройти', *тубыны* 'подняться' и др.: *Нюркан нюк бамалэз васькыса, Николай Алексеевич Туймы шур кузя кыстйськись паськыт возь вылэ потйз* (Сад., 8). 'Пройдя через лог Нюркан нюк, Николай Алексеевич вышел на широкий луг, простирающийся вдоль реки Туймы'; *Центрез ортчемзы бере бадзым сюрес вылысь кожизы* (ПГ, 133). 'Проехав центр, [они] свернули с большой дороги'; *Выжыло [соос] пичи но бадзым шурьёсты* (Леон., 87). 'Переправляются [они] через маленькие и широкие реки'.

Ограниченная дистрибуция винительного падежа в рассматриваемой функции в системе современного языка объясняется употреблением, с одной стороны, пролатива как основного падежа, выражающего «обстоятельство, обозначающее место, по которому или сквозь которое происходит движение, действие» [ГСUY 1962: 110]: *Олокытысь кужым потйз солы, корказетй дыбыр-йыг васькиз но ури-бери вуиз ураме* (СС, 161). 'Откуда-то у него появились силы, с грохотом [он] прошёл через крыльцо и быстро очутился на улице'; *Мотоциклэз школа капка азе дугдытйз, бызьыса кадь тубиз школа тубатэмй* (СН, 63). 'Мотоцикл [он] оставил перед школьной калиткой, [а сам] словно взлетел по школьным лестницам'; *Фаина корказь пагзамй тубиз но ёсэз усъ-*

тій (Крас., 49). ‘Фаина поднялась по сходням крыльца и открыла дверь’.

С другой стороны, ограниченная дистрибуция винительного падежа при выражении пространственных отношений обусловлена употреблением послеложных конструкций, выражающих частные значения топологизации, например: *нюлэс дуртій* ‘по опушке’, *нюлэс пушкытій* ‘по лесу’, *нюлэс кузя* ‘вдоль леса’, *шур вамен* ‘через реку’, *нюлэс пыр* ‘через лес’ и др.: *Корепанов тубат кузя васькыку, кин ке но пыдзэ пуктійсь луиз: өжыт гинэ өз салыськы* (СН, 83). ‘Когда Корепанов спускался по сходням, кто-то поставил подножку – он еле удержался на ногах’; *Геннадий капчи мылкыдын улыча кузя вamyшъя* (Байм., 49). ‘Геннадий в хорошем расположении духа шагает по улице’; *Сюрес дуртій дыртыса немецкой пехота вamyшъя* (Байт., 55). ‘По обочине дороги спешно продвигается немецкая пехота’; *Альт-Одер вамен ми ноқыче куара-лангатэк потіймы* (ЧП, 259). ‘Альт-Одер мы форсировали без лишнего шума’.

Как показывают примеры, разграничение семантической нагрузки между членами данных эквиполентных либо эквивалентных оппозиций состоит в том, что в случае дистрибуции винительного падежа внимание читателя или слушающего актуализируется на конечном результате действия: *Садовой урамез пумозяз ортчыса, Фаина кожиз* (Крас., 16). ‘Пройдя до конца Садовую улицу, Фаина свернула’; или: *Мултан дорысь ог жыны иськем пасьта нюлэсзз Олёшъёс жюген выжизы* (Петр., 273). ‘Вскоре Олёш и его товарищи прошли находящийся недалеко от Мултана лес протяженностью около 500 метров’; *Сизьым иськемез [Геннадий] оло одйг шокчемен ортчиз* (Байм., 48). ‘Семь километров [Геннадий] прошел словно на одном дыхании’. В отличие от этого постпозитивные конструкции (или пролативный суффикс *-этий/-тій*) актуализируют внимание скорее на уточнении места протекания действия, чем на его результате: *Пырак Кызошур вамен потій, йё вылэ пульёс вёлдыса* (ЧП, 357). ‘[Я] проехал через речку Кызошур, разостлав доски на лёд’; *Азьвыре ветлыкузы, Мати анаеныз со [нюлэс] пыр потійз вал* (ЧП, 143–144). ‘Когда они ходили в д. Азьвыр, Мати со своей матерью прошли через этот [лес]’. Ср.: *Нош та сюрестій уг яра мыныны* (Байт., 129). ‘А по этой дороге идти нельзя’; *Вылгаен Омга кустысь ню-*

лэскытй [Мати] огназ вamyшъя (ЧП, 263). ‘Он [Мати] один шагает через лес, находящийся между деревнями Вылга и Омга’.

При выражении пространственных отношений винительный падеж, как правило, имеет морфологическую маркировку. Факультативное использование аккузативных формантов характерно лишь в том случае, если в структуре прямого объекта имеется количественное имя числительное. Следует заметить, что в последнем случае показатель множественного числа *-ос(-)/-ёс(-)* вносит в предложение или высказывание оттенок приблизительности. Рассмотрим примеры: (а) *Мон вить иськем ортчи / вить иськемез ортчи*; (б) *Мон вить иськемъёс ортчи*. В первом случае (а) выражается прохождение ровно пяти километров, тогда как во втором случае (б) показатель множественного числа добавляет значение приблизительности.

4. В контексте с вербальными единицами, выражающими психо-физиологическое состояние человека и имеющими в своей морфологической структуре словообразовательный или формообразующий показатель *-т(ы)*, аккузативные формы могут указывать также на **субъектное значение**: *Артистъёс укыр синмаськытйзы Фёдорез* (Чер., 171). ‘Федору понравилось выступление артистов’; *Учкисьёслэн умой пумитамзы но эшъёсылэн шуныт кыльёссы Нина Кузьминичнаез шумпоттйзы* (Вал., 62). ‘Тёплый приём зрителей и ободряющие слова друзей обрадовали Нину Кузьминичну’; *Нылэз, вордскем юртэныз люкиськытыса, азбар котыртй котырскыто, кеносэ, гид азбаре пырыса ортчо* (Хр., 85). ‘Чтобы девушка попрощалась с отчим домом, ее ведут по двору, заводят в амбар, хлев’; *Малы Одотез куректыйськод?* (Петр., 41). ‘Почему Одоть заставляешь страдать?’; *Онтонлэн бубиз нош тодьыосты нэнэме виытйз* (Лям., 304). ‘А отец Онтон приказал белогвардейцам (вин. п.) расстрелять мою мать’.

Имена существительные, употребляющиеся в указанном значении, чаще всего относятся к лексико-грамматическому разряду одушевленных существительных: *Иське, байёсты но ёшуитыса вузытыны луэ* (Серг., 217). ‘Значит, и богатых людей можно заставить плакать’; *Кышноез кулэм бере, пересез каре чортыса-чортыса акыльтытйзы ни, нош со таки ёз вырзы* (ЧП, 21). ‘После того, как умерла супруга, старику докучали с переездом в город,

но он не собрался-таки»; *Секыт улон Марпа кенакез жсыкытлы дышетйз* (Лям., 24). 'Жизнь в постоянной нужде приучила Марфу жить экономно'; *Дартов дорысьтыз палэнскем ни, вагончик-столовой вёзын пиосты горекъятэ* (Четк., 92). 'Дартов уже успел отойти от него, [он] стоит около столовой и веселит молодых людей'.

Следует заметить, что при субъектной интерпретации в предложении может быть эксплицитно или имплицитно выражен некий третий элемент, являющийся «каузатором» или «источником» атрибуции. Чаще всего он также относится к лексико-грамматическому разряду одушевленных имен: *Пиосты кин ке интысьтызы тэтчытйз кадь* (ЧП, 65). 'Мальчиков словно кто-то заставил подняться с места'; *Экзаменьёсын но пияшез сокем өз курадзытэ* (Чер., 165). 'И экзаменами парня особо не мучали'; однако может быть выражен и иначе: *Та кыльёс ик малпасканэ уськытйзы Гришаез но Родионэз* (Сам., 13). 'Именно эти слова озадачили Гришу и Родиона'.

Частотная дистрибуция винительного падежа в указанном значении также относительно невысока, что обусловлено жесткими критериями, оказывающими влияние на функционирование данного семантического значения.

5. Семантическая структура удмуртского аккумулятива может содержать также **указание на количественные отношения**, выражая при этом меры веса, объема, площади, стоимости и др.: *Отысь ми билетъя куинь сю кубометр(о) корам* (Самс., 48). 'Там мы согласно документу нарубили триста кубометров [дров]'; *Саша толэяз витьтон манет(о) тырыса, ар быдза улйз та квартираын* (Матв., 270). 'Около года Саша снимал эту квартиру за 50 рублей в месяц'; *Тауз бадзым өвёл. Ог тямыстон кило(о) сяна уг кыскы* (Загр., 324). 'Этот [сом] невелик. Весит не более восьмидесяти килограммов'; *Филипповлэсь будэтэм кукурузэзэ нокин өз мерта, обязательствовезъя гектарысь 600 центнер(о) люканы кулэ вал бере, ватсаса гожтйзы на: 620 центнер(о)* (Самс., 169). 'Сколько кукурузы вырастил Филиппов, никто и не проверял; раз, согласно принятым обязательствам, требовалось собрать 600 центнеров, в документах написали: собрано 620

центнеров'; *Мон дас одйг сажень(θ) вандыны косй* (ЧП, 83). 'Я попросила выделить 11 саженей'.

При выражении количественных отношений прямые объекты чаще всего имеют немаркированную форму, однако, в случае наличия формальных показателей, последние присоединяются к нумеративам, где под нумеративами, или нумеративными словами, принято рассматривать слова, обозначающие «не конкретный предмет, являющийся объектом исчисления, а ту счетную категорию, к которой этот предмет относится» [Стрелкова 2009: 150], в частности, меры измерения: *грамм* 'грамм', *кило/килограмм* 'килограмм', *литр* 'литр', *гектар* 'гектар' и др.; меры стоимости: *манет* 'рубль', *копейка* 'копейка' и др.; временные отношения: *ар* 'год', *толэзь* 'месяц', *арня* 'неделя' и др. При выражении данных явлений некоторые ученые используют также термин мезуратив (см. в частности: [Категория 1990: 20; Гаврилова 2005: 65–66]): *Собере кисыысь витьтон манетэз таксиын пукон ньылйз* (Матв., 270). 'Затем пятьдесят рублей были потрачены на проезд в такси'; *Васнецовлэн картинаосыз понна гинэ американецъёс 80 миллион доллар(θ) чекто вылэм* (Сам., 69). 'Только за картины Васнецова американцы, оказывается, предлагали заплатить 80 миллионов долларов'; *Мон, пе, косйсько солэн скальёсызлы 4000 литр(θ) гожтыны* (Самс., 146). 'Я, дескать, заставляю записывать по 4000 литров удоя для ее коров'; *Усто защитник шедьто, шуэ. 500 манет(θ), пе, дасялэ* (Петр., 228). 'Говорит, что найдет хорошего защитника. Приготовьте, дескать, 500 рублей'.

В качестве нумеративных слов могут выступать и такие дискретные имена существительные, которые в семантическом отношении могут выражать определенный вес, объем, размер и т. д.: *Петыр Очан кык бадъым мешокез картошкаен тырмытйз но кабинае интыяз* (ЧП, 343). 'Петров Саша наполнил два мешка картошкой, затем мешки закинул в кабину'; *Нош аслэстыд куинь-ньиль пачказэ но син куспын ёвёлтэм карозы* (Самс., 188). 'А у тебя из-под носа унесут две-три пачки [сигарет]; *Сюз но уг куасьмы вал, куинь кобы(θ) [ву] юи* (ЧП, 25). 'Хотя мне и не хотелось пить, я выпил три ковши [воды]'.

По своей морфолого-синтаксической структуре к данным конструкциям близки предложения/словосочетания, указываю-

щие на протяженность пути (*сизьым километр ортыны* ‘пройти семь километров’) и времени (*куать ар улыны* ‘прожить шесть лет’), однако, учитывая лексико-семантические критерии, они отнесены к пространственным и темпоральным конструкциям соответственно (ср.: *нюлэсэз ортыны* ‘пройти лес’; *арнязэ улыны* ‘прожить неделю’ и др.).

Как показывают примеры из художественной литературы, при выражении количественных отношений нумеративные слова чаще всего не имеют морфологической маркировки: *Араз кык сю манет(ø) басьтылйзы соку котькуд адямилэсь тямьсэтй-дасэтй классёсын* (Чер., 101). ‘Каждый ученик в те годы платил двести рублей за обучение в страших классах (букв.: В год по двести рублей брали в те годы от каждого ученика в восьмьх-десятих классах)’; *Яке тани Кун думайсь депутатёс, пе, отпуске кошкыкузы, ог куатьтон сюрс манет(ø) басьто* (ПГ, 159). ‘Говорят, что депутаты Государственной думы получают отпускные в размере около шестидесяти тысяч рублей’; *Олексей солэсь куать пуд(ø) курем ньылъ пуд интые* (Дяд., 39). ‘Алексей потребовал у него шесть пудов [зерна] вместо четырех’.

Следует также заметить, что в случае, если нумеративные слова в своей морфологической структуре имеют показатели множественного числа, то они указывают на приблизительное значение, ограниченное пределом количества, выраженного именем числительным: *Кöня со [кран], куинь тоннаос ёжутэ, дыр* (Архип., 16). ‘Этот кран, наверное, может поднять около трех тонн’; *Ма, кызы, пе, йöскадь улод – Прокор, колхозын азытэм ужаменыз, витьтон манетьёс гинэ басьяллыз бере* (Сер., 118). ‘Как же будешь жить в достатке (букв. как и другие), если Прокор получал зарплату только рублей пятьдесят, т. к. плохо трудился в колхозе’. Ср.: *Бен кызь манет(ø) сётй ке, поди, ачид шедьтод* (Перев., 146). ‘Если я дам тебе двадцать рублей, может ты сам найдешь [спиртное]’.

Подводя итоги к данному разделу, следует отметить, что среди семантических значений удмуртского аккумулятива доминирующим является пациентивное значение. Небольшая функциональная нагрузка винительного падежа при выражении остальных значений объясняется стремлением падежа к “семантической чистоте”, вследствие которого возникают эквивалентные и эквиполентные оппозиции.

2.1.3. Родительный падеж

Прежде чем приступить к синхронному описанию данной падежной формы, рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся терминологии, связанной с генитивом пермских языков.

По своему происхождению удмуртский генитив относится к так называемым вторичным *l*-овым падежам (см. подробнее: [Некрасова 2002б]). Как в удмуртском, так и коми языках он «образовался из прапермского адессива, первоначальное пространственное значение которого в настоящее время ни в одном из языков уже не прослеживается, однако оно может быть восстановлено гипотетически, исходя из семантики компонентов суффикса: к.-з. *-len* и удм. *-len* возникли из *-l* словообразовательного суффикса с внешнеместным значением и финно-угорского *-na/-nä* локатива» [Некрасова 1995а: 375]. В связи с этим в научной литературе XIX – начала XX вв. исследуемая форма определяется как падеж адессив¹² (см.: [Gabelentz 1846: 113–115, Wiedemann 1851: 19–20, Aminoff 1896: 25, Wichmann 1954: 142, Емельянов 1927: 123] и др.).

В удмуртском языкознании 1920–30-х гг. в качестве дефиниций для исследуемой падежной формы помимо *родительного падежа* представлены такие определения как *прикомбывательный падеж* (А. И. Емельянов) и *притяжательный падеж* (П. П. Глезденев, П. Д. Горохов). Однако, по-видимому, не без влияния традиций русской грамматики за генитивными формами удмуртского языка закрепилось название родительный падеж (*возьматон каб*). В родственном коми языке данная падежная форма рассмат-

¹² Функционирование данного термина венгерский исследователь Ш. Чуч объясняет семантической близостью и общностью происхождения пермского генитива с финским адессивом: «Dieser Kasus wurde in der früheren Literatur Adessiv genannt, einerseits wegen der Herkunft des Suffixes und andererseits wegen seiner grossen formalen und funktionalen Ähnlichkeit mit dem finnischen Adessiv» [Csúcs 2005: 177].

ривается как родительный (к. *асалан*) падеж (см. подробнее: [КЯ 1998: 408]).

Учитывая, что семантическая структура родительного падежа в русском языке существенно отличается от значений, выражаемых удмуртским генитивом, кажется целесообразным исследуемую падежную форму обозначить как притяжательный падеж¹³. Корректировки требует и удмуртский вариант названия исследуемого падежа, который мог бы звучать по аналогии с коми языком как *асъян каб* ‘притяжательный падеж’.

Термин притяжательный падеж не является нововведением для лингвистической науки. Данная падежная форма с близкими к удмуртскому генитиву значениями представлена и в тюркологии: «притяжательный падеж, в основном, выражает притяжательные и определительные отношения. Он оформляется с помощью аффикса *-ның / -нең*: *урманның, кешенең, язның* и т. д. Притяжательным падежом обозначается предмет (лицо) – обладатель, т. е. выражается конкретная принадлежность» [ТГ 1993: 49].

Учитывая, что данное предложение пока носит рекомендательный характер, в структуре нашей работы мы используем общепринятые термины *родительный падеж* и *возьматон каб*.

I. Морфологическая структура имени существительного в форме родительного (притяжательного) падежа

Морфологическим показателем родительного (притяжательного) падежа (генитив, *возьматон / асъян каб*) в современном удмуртском языке является суффикс *-лэн*, который присоединяется как к именным формам, так и к большинству местоименных основ: *Петырлэн ымныр тусыз воштйськиз, кыче ке восьтэт адскыны кутскиз кадь* (Лям., 241). ‘У Петра сменилось выражение лица: он стал выглядеть истощенным’; *Нылашгёслэн куара-*

¹³ Аналогичная проблема в использовании дефиниции родительный падеж по отношению к генитивным формам поднималась и в ряде тюркских языков в 1960-е гг.: «Второй падеж тувинского языка называется *хамаарыштыларының падежи* ‘притяжательный падеж’. Этот падеж, как и родительный других тюркских языков, который более правильно было бы называть притяжательным, отвечает на вопросы *кымның?* ‘чей? у кого’ и *чүнүң?* ‘чего? у чего?’» [Исхаков, Пальмбах 1961: 119].

оссы сярись вунэти (МС, 139). ‘Я позабыл о девичьих голосах’;
Кызлэн лысэз уссьыса быре ке, кыз куасьме (Инг., 307). ‘Если у
 ели выпадает вся хвоя, ель сохнет’; – *Нош тон Дима ведь?*
Сандра апайлэн Зина нимо нылызлэн пиез (Загр., 356). ‘А ты
 Дима, не так ли? Внук тёти Сандры (букв. сын дочери Зины у
 тёти Сандры)’; *Котькинлэн аслаз шудэз, Васи* (Серг., 29).
 ‘Счастье укаждого свое, Вася’; *Кинлы бен вералод со [ыштон]*
сярысь, котькудйэлэн аслаз бадзым кайуэз вань бере (СЕВ, 39).
 ‘Кому же расскажешь об этой [потере], когда у каждого есть свое
 большое горе’.

Генитивные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица с
 точки зрения морфологической структуры характеризуются отсут-
 ствием суффикса -лэн: *мынам* ‘мой / моя / моё / мои’, *тынад*
 ‘твой / твоя / твоё / твои’, *милям* ‘наш / наша / наше / наши’,
тйляд ‘ваш / ваша / ваше / ваши’: *Нош мынам йыры кур өвöl*
 (Серг., 62). ‘Я [Иван] не сержусь’; *Али тани клубе мыномы. Ми-*
лям классмы концерт сётэ (СЕВ, 25). ‘Сейчас [мы] пойдем в
 клуб. Наш класс ставит концерт’; *Тани тйляд мукет интыосы но*
вуылэмды вань (СЕВ, 8). ‘Вот вы бывали и в других местах’.

В отличие от формальных показателей первичных падежей,
 генитивные маркеры чаще принимают постпозитивное положение
 как по отношению к лично-притяжательным суффиксам: *Пу-*
мыз-йылыз өвöl та васьконэлэн (МС, 154). ‘Нет конца и края
 этому спуску (букв. моему спуску)’; *Пизэ адзыса, мумизлэн шум-*
потонэлэн пумыз ой вал (Хайд., 48). ‘Завидев сына, радости ма-
 тери не было конца’, так и по отношению к суффиксам мно-жест-
 венного числа: *Шуо, футболистъёслэн улон майбыр* (Архип.,
 123). ‘Говорят, футболистам живется хорошо’; *Йыр вадьсаз ик*
кылыськиз луд жазегъёслэн куаразы (Архип., 244). ‘Над его [Рома-
 нова] головой слышались крики диких гусей’; *Гондырлэн ур-*
дэм азь пыдъёсылэн гижыосазы Львовский кокрес кузь гумыё
чильымъёссэ, дары возён сюръёссэ но мукет пййшуран тйрлыкъ-
ёссэ ошылыса возиз (Петр., 204). ‘На когти вытянутых передних
 лап медвежьего чучела Львовский вешал трубки с длинными
 чубуками, рога с порохом и другие охотничьи принадлежности’.

Следует заметить, что при выражении атрибутивных посес-
 сивных отношений в удмуртском языке возможно употребление
 двойного или тройного генитива: *Со вал атаезлэн вынызлэн ны-*

лыз (Смир., 54). ‘Это была дочь младшего брата его отца’; *Эх, кы-
йе кельше мыным Блиновлэн романэзлэн нимыз!* (МС, 162). ‘Эх,
как мне нравится название романа Блинова’. Как правило, для по-
добных конструкций характерны регрессивные линейные отно-
шения, где генитивные определения предшествуют определяе-
мому слову: *Песятаелэн бöлякёсызлэн пуртызы городын но
яралоз вылэм* (Хайд., 51). ‘Котел соседей моего дедушки приго-
дился даже в городе’; *Миколлэн атаезлэн молотэз тушмонёс-
лэн йыр вылазы усьылйз кадь* (Загр., 308). ‘Казалось, что молот
отца Микола разбивал головы врагов’; *Со мынам апаелэн айы-
муртэзлэн сузэрызлэн нылыз* (Лям., 335). ‘Она дочь младшей сес-
тры свекора моей старшей сестры’; *Групппалэн старостаезлэн
Маши Ивановалэн кичёлтэмезъя, туннэ эктонёс но шудонёс
ортчытыны малпазы* (Гряз., 227). ‘По инициативе старосты группы
Маши Ивановой сегодня решено было провести танцы и игры’.

В абсолютном большинстве современных диалектов морфо-
логическим маркером родительного падежа является суффикс
-лэн, однако в отдельных диалектах он может быть представлен
его фонетическими вариантами -лэн ~ -ўэн или -лэн ~ -лэн. В от-
дельных шошминских говорах, а также в буйско-таныпском гово-
ре в формантах аблатива, генитива и датива сонорный элемент *л*
после субстантивных основ на согласный, а также в отдельных
косвенных формах местоимений, замещается сонорным *н*, напр.:
б.-тан. *киннен?* // удм. лит. *кинлэн?* (см. подробнее: [Кельмаков
1998б: 121]).

II. Семантическая структура родительного падежа

Описание семантической структуры генитива в пермских
языках по принципу от первичных значений к вторичным пред-
ставлено в монографии коми исследователя Г. А. Некрасовой
«Система *L*-овых падежей в пермских языках: происхождение и
семантика» (2002). В нашем исследовании, посвященном, в пер-
вую очередь, изучению синхронного аспекта функционирования
генитивных форм в литературном удмуртском языке, попытаем-
ся отразить систему значений исследуемого падежа от централь-
ных значений к периферийным (о разграничении центральных и
периферийных падежных значений см.: [РГ 1982: 479–483]).

Как показывают примеры из художественной литературы, в системе современного удмуртского языка родительный падеж участвует в выражении посессивных, агентивных и пространственно-временных (в сочетании с послеложными формами) значений. Среди них наиболее распространенным является актуализация посессивных значений, в основе которых лежат отношения обладания и принадлежности. В этой связи целесообразно разграничивать атрибутивную и предикативную посессивность¹⁴, которые, с точки зрения исследователей категории посессивности, имеют семантические особенности. В частности, по утверждению Б. Хайне, указанные типы посессивности дифференцируются характером информационной структуры: атрибутивные сочетания выражают пресуппозиционную посессивность (*presupposition*), а

¹⁴ С точки зрения Э. Кангасмаа-Минн, в зависимости от выражения предикативных и атрибутивных посессивных отношений финно-угорские языки можно разделить на четыре группы (см. об этом подробнее: [Kangasmaa-Minn 1993: 53]): к первой группе следует отнести прибалтийско-финские и саамские языки, где атрибутивные отношения выражаются посредством генитивных форм, а предикативная посессивность оформляется с участием местных падежей; ко второй группе относятся мордовские и марийский языки, выражающие оба типа посессивных отношений посредством генитивных форм; третью группу составляют пермские и венгерский языки; четвертую группу образуют обско-угорские языки:

	Предикативная посессивность	Атрибутивная посессивность
прибалтийско-финские	<i>l</i> -овые падежи (генитив)	генитив
саамские	местные падежи	генитив
мордовские	генитив	генитив
марийский	генитив	генитив (номинатив)
пермские	<i>l</i> -овые падежи (номинатив)	<i>l</i> -овые падежи (номинатив)
венгерский	датив	датив / номинатив
обско-угорские	<i>habeo</i> -глагол (номинатив)	номинатив

предикативные – устанавливаемую посессивность (*assertion*) (см. об этом подробнее: [Heine 1997: 26]). Рассмотрим каждый из семантических значений удмуртского генитива подробнее.

1. Атрибутивная посессивность

Под атрибутивной посессивностью в современной лингвистике принято понимать «выражение посессивных отношений с помощью именной фразы (...) Существенная особенность рассматриваемого лингвистического типа посессивности заключается в том, что: (а) информация, выражаемая атрибутивной конструкцией, скорее является исходным положением, нежели утверждением; (б) конструкция выражает скорее объективные, устойчивые во времени отношения, нежели событийные, (в) реализуется скорее во фразовом, нежели клаузальном синтаксисе» [Едыгарова 2010: 24]. Вступая в атрибутивные отношения с именами существительными, генитивные формы в литературном удмуртском языке участвуют в выражении следующих отношений принадлежности:

А. Принадлежность части к целому или неотчуждаемая (неотторжимая) принадлежность.

В данном случае речь идет о стабильных, семантически однозначных взаимоотношениях таких объектов, которые имеют максимально тесную, нерасторжимую связь друг с другом, реализующую как:

- отношение между человеком (лицом) / другими живыми существами и их физическими составляющими: *Бековлэн сюлмыз жсамдэлы небзиз кадь* (Лям., 9). ‘Сердце Бекова, кажется, на время смягчилось’; *Олялэн бамъёсыз уката жсуаны кутскизы* (Лям., 63). ‘Олины щеки начали гореть еще сильнее’; *Осьыллэн пожмаськем синъёсыз усьтйськизы* (Нян., 13). ‘Тусклые глаза Осипа широко раскрылись’; *Кызьы гинэ оз турскы Лариса – Костялэн сюлмыз оз небзы* (Перевощ., 387). ‘Как ни старалась Лариса, но Костино сердце не смягчилось’; *Гондырлэн ымыз маке быдза усьтэмын* (КА, 48). ‘Пасть медведя широко раскрыта’; *Нырысь ик монэ паймытйзы егит ныллэн синъёсыз* (СЕВ, 8). ‘Прежде всего меня поразили глаза молодой девушки’;

- отношения между человеком (лицом) и:

а) его психологическими составляющими (характером, мыслями, убеждениями, настроением и др.), например: *Шадринлэн мылкыдыз капчияз* (Архип., 54). 'Настроение Шадрина улучшилось'; *Та пумиськем бере Романовлэн мылкыдыз уродмиз* (Архип., 67). 'После этой встречи настроение Романова испортилось'; *Учкисьёслэн умой пумитамзы но эшъясьылэн шуныт кыльёссы Нина Кузьминичнаез шумпоттйзы* (Вал., 62). 'Тёплый прием зрителей и ободряющие слова друзей обрадовали Нину Кузьминичну';

б) константами, характеризующими тело человека и его части с точки зрения физических и физиологических показателей (размером, весом, внешним видом, возрастом и др.), а также константами, относящимися к деятельности частей тела и внутренних органов, интеллектуальной деятельности человека (голосом, походкой, зрением, слухом, обонянием; аппетитом, способом мышления и др.): *Христослэн аресозяз вуыса, Макся ялан утчаз егитсэ, сяртчы кадьзэ* (Нян., 47). 'Дожив до возраста Христа, Макся все еще искал молодую, красивую (букв. как репа) [девушку]'; – *Вот озьы... Вот и умой, – кылйськиз Захарычлэн куараез* (Сер., 52). '– Вот так... Вот и хорошо, – донёлся голос Захарыча'; *Муртлэн визьтэмез серекъятэ, асладэз – бөрзытэ* (Инг., 318). 'Чужая глупость вызывает смех, своя – слёзы'; *Та кышномуртлэн выростьёсыз, ветлон манерез кытысь ке но тодмо кадь мыным, – шуак чилектйз солэн йыраз* (Сер., 57). 'Манеры и походка этой женщины кажутся мне знакомыми, – вдруг пронеслось в его голове';

в) абстрактными категориями и др.: *Иськанлэн улон колёсаез огсыр берганы өдяз* (Хайд., 18). 'Жизнь Иськана понеслась своим чередом'; *О-о, со нунал Борислэн улоназ ноку вунонтэм луоз* (Вас., 7). 'О-о, этот день останется в памяти Бориса (букв. в жизни Бориса) навсегда'; *Нёжто атаедлэн улон сюресэз кельшиз?* (Сер., 60). 'Неужели тебе понравилась судьба (букв. жизненный путь) твоего отца?'; *Озьы кутскиз Ладилэн но пичи Василэн эшъяськонзы* (Сер., 101). 'Так началась дружба Лади и маленького Васи'; *Ышиз Сьпиралэн улонысьтыз Насьтй* (АС, 156). 'Исчезла Настя из жизни Сьпиры';

- указание на составные части предмета/вещи, а также его внутреннее содержание или внешние характеристики: *Вамыш-тійськом часлэн стрелкаосызлы пумит: бур паласен паллян пала* (МС, 64). ‘Мы идем против часовой стрелки: справа налево’; *Мон машиналэн кузоваз туби* (МС, 71). ‘Я взобрался на кузов машины’; *Пичи картузэзлэн нырыз ултй бабля йырси чукез потэмын* (КА, 52). ‘Из-под козырька его кепки спадает прядь волос’; *Кудылэн пыдэсаз кёня ке суй кылле* (МС, 119). ‘На дне лукошка лежит немного земли’; *Вёлдэтлэн тёдъы буёлэз нылашлэсь ымнырзэ уката но кёсыт но мёзмыт каре* (Нян., 64). ‘Белый цвет потолка делает лицо девушки еще бледнее и печальнее’; *Лайнерлэн пропеллерез кален-кален берганы кутскиз* (СЕ, 98). ‘Пропеллер лайнера постепенно начал приходить в движение (букв. крутиться)’;

- указание на сегментные единицы процесса, явления: *Вагон питрангёслэн огсыр туккетэмзы гинэ сюлме йыга кадь* (МС, 163). ‘И только монотонный стук вагонных колёс словно стучит в сердце’; *Люкиськон – со пумиськонлэн кутсконэз* (МС, 80). ‘Расставание – это начало встречи’; *Со – дуннелэн кутсконэз но дуннелэн быронэз* (МС, 102). ‘Это – сотворение мира (букв. начало мира) и светопредставление (букв. конец мира)’; *Тёдъы буёл – пёртэм буёло тылгёслэн ваче вуэмзы* (МС, 181). ‘Белый цвет – это слияние различных цветов’;

- указание на лицо, предмет, часть как на единицу составной совокупности: *Кортлэн зырдам пырыосыз пазясько* (Конов., 59). ‘Раскалённые куски металла разлетаются по сторонам’; *Льольшурлэн ярдурьёстйз кыстйськись возь выльёс туры-куарен шобыртйсько* (СЕ, 79). ‘Простирающиеся вдоль берега реки Льольшур луга покрываются травой’. Данное значение может строиться на различных основаниях, в частности, на основе топологических отношений: *Частъысь потыса, Барнауллэн урамъёстйз поръяй* (МС, 147). ‘Выйдя из части, я бродил по улицам Барнаула’; *Общежитилэн улй этажаз интыяськем медпунктэ пырем бераз ик ни, Саша валатскиз: куиньметйез мултэс* (Сер., 72). ‘Как только Саша вошёл в медпункт, расположенный на нижнем этаже общежития, он понял: здесь третий лишний’;

Б. Выражение отчуждаемой принадлежности

К отчуждаемым объектам обладания следует отнести «такие предметные, одушевленные и абстрактные сущности, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или весьма вероятными для человека вообще» [Категория 1989: 61]. В системе современного удмуртского языка отношения отчуждаемой принадлежности включают в себя следующие разновидности взаимоотношений:

- указание на лицо, с которым коррелят находится в родственных отношениях: *Ильялэн кышноез кылем гужем кулйз* (СН, 125). ‘Жена Ильи умерла прошлым летом’; *Микилэн мумиз Марпа ньыль нылпиен палкышно кылиз* (Лям., 8). ‘Марпа, мать Мики, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках’; *Леналэн атаез но концертын вылэм* (Вас., 8). ‘Оказывается, на концерте присутствовал и отец Лены’; *Шадринлэн кышноез, ачиз сярысь, егит адске* (Архип., 55). ‘Жена Шадрина по сравнению с ним самим выглядит моложе’; *Бачилэн агаез фронтын быриз* (АС, 103). ‘Старший брат Бачи погиб на фронте’;

- указание на лицо, с которым коррелят находится в определенных социальных отношениях (например, дружеских, приятельских, соседских и др.): *Олялэн эшез азьлань вამыштыны шöтаз* (Лям., 232). ‘Олина подруга решила пройти вперед’; *Нош мынэмезлэсь азьло Васлий Иванович юалляськоно кариськиз Володялэн эшъёсылэсь* (Вас., 74). ‘Прежде чем навестить Володю, Василий Иванович решил расспросить его друзей’;

- принадлежность коррелята посессору в качестве личной собственности. Как правило, в этом случае в роли посессора чаще всего выступает/выступают лицо/лица, а в роли коррелята – неодушевленный предмет: *Муртлэн дöдьяыз кыдöке уд вуы* (Инг., 311). ‘На чужих санях далеко не уедешь’; *Собере шумпотй, койыкъёс туж зол вортто, нош пöйшурасьёслэн пуляоссы соосты шедьтыны уг быгато шуыса* (МС, 192). ‘Я очень обрадовался, что лоси мчатся настолько быстро, что пули охотников их не до-

стигают'; *Марзанъёслэн* жезызы но, корказы но вожалэс буёлэн шобыртэмын (Загр., 381). 'У семьи Марзан (имя девушки) и ворота, и дом выкрашены в зеленоватый цвет'; *Трос ик вылымтэ ни Нюркалэн сурсвуэз* (СН, 248). 'Оказалось, что у Нюры березового сока было немного'. В роли коррелята могут также выступать имена существительные с абстрактным значением: *Асьтэос тий кыче, уд-а мултэс вожъяськиське муртлэн ванезлы, быгатэмезлы?* (Архип., 41). 'А вы сами как, не слишком ли завидуете чужому богатству, его способностям';

- отношения коррелята и посессора на функциональной основе. Данное значение может актуализироваться в различных ипостасях, например, как:

а) указание на лицо, в подчинении которого находится определенный коллектив, организация, лицо: *Кык атасъёс кадь вырисьёс ёз но шёдэ, кызы кабинетэ Иван Ивановичлэн секретарез пыриз* (Гряз., 220). 'Два споривших товарища и не заметили, как в кабинет вошел секретарь Ивана Ивановича'; *Казна тэлын капкан пуктылйз Бадяров Петырлэн отрядэз кык пыдо кионъёслы* (Лям., 92). 'В казенных лесах отряд Бадярова Петра ставил капканы для двуногих волков'; – *Жуа! Жуа! – шумпотыса кесясько Багоровлэн солдатъёсыз*. (Гавр., 150). '– Горит! Горит [немецкий самолет]! – радостно кричат солдаты Багорова'; *Петрушкина Гораысен Тарасовлэн отрядэз базае кошкиз* (Смир., 35). 'На Петрушкиной Горе отряд Тарасова свернул на базу';

б) указание на коллектив, организацию, в состав которого входят лицо или подразделение: *Кенешез усьтыса вераськиз колхозлэн председателез* (Хайд., 64). 'Открывая собрание, речь держал председатель колхоза'; *Со, «Кам тыльёс» журналлэн главной редакторез, вуоно очеркезлэн героеныз люкиськыса, ёук жёмо-югдоен ик Дэбесэ потйз* (Перевощ., 8). 'Он, главный редактор журнала «Камские огни», распрощавшись с героем своего будущего очерка, в утренних сумерках отправился в Дебессы'; *Азьмынйсьёслэн азьветлйсьсы со* (Хайд., 65). 'Он лидер передовиков'; *Иван соку десантной отделенилэн командирез вал ини* (Перевощ., 432). 'К тому времени Иван был уже командиром десантного отделения'; *Зэмзэ вераса, али со горисполкомлэн председателез доры но, автопарке но ой ветлысал ни* (Перевощ.,

405). ‘Если быть откровенным, сейчас он уже не пошел бы ни к председателю горисполкома, ни в автопарк’ и др.;

в) указание на структурную единицу организации, учреждения и др.: *Магазинысь потэм берам театрлэн кассаяз вамышитй* (Хайд., 118). ‘Как только я вышел из магазина, я направился к театральным кассам’ (ед. ч.) и др.; *Кыёе ке бумагаос мычиз но табере райсоветлэн исполкомаз ветлы, пе* (Хайд., 111). ‘Он протянул мне какие-то бумаги, дескать, теперь необходимо сходить в райисполком (букв. исполком райсовета)’; *Таяз радэ пырем бере ик, колхозмылэн контораяз ветлй* (Хайд., 110). ‘На этот раз я сразу сходил в колхозную контору’;

- выражение актантных отношений. В этом случае посессор может являться пользователем или создателем коррелята, или совмещать указанные значения. Например, словосочетание *гожъясьлэн книгаосыз* ‘книги писателя’ может указывать и на книги, которыми писатель пользуется (читает), и на книги, которые он сам написал, – в обоих случаях предполагается проявление своеобразной (каждый раз несколько иначе интерпретируемой) принадлежности книги писателю. Чаще всего в подобном значении актуализируется указание на автора-создателя произведения/вещи/явления (или указание на интертекстуальность): *Марсель Прустлэн произведенияз выллем, кыёе эрикось но пиналэсь соос!* (МС, 34). ‘Они [девушки] так свободны и молоды, словно из произведения Марселя Пруста’; *Тодоно, дыр, мон Ницшелэн кылъёсыныз вераськи шуыса* (МС, 181). ‘Наверное, надо знать, что я говорил словами Ницше’; *Аръёс ортчыса, Андрейлэн гож-тэтъёсыз шергес но шергес вуылыны кутскизы* (Нян., 41). ‘С годами письма от Андрея стали приходить все реже и реже’; *Чузь-яськиз Чайковскийлэн «Арлэн вакытёсыз» крезьгурез* (Нян., 165). ‘Прозвучала музыка Чайковского «Времена года»’; *Владимирлэн юанэзлы со валэктйз* (Архип., 55). ‘На вопрос Владимира он [инженер] ответил’; *Сьёраз Люба Толстойлэн «Война и мир» романэзлэсь кыкетй томзэ басътйз* (СЕВ, 8). ‘С собой Люба взяла второй том романа Л. Толстого «Война и мир»’;

- указание на эталон сравнения при послеложных формах: *Атаезлэн кадъ ик Надялэн но нап-горд йырсиез* (СЕ, 83). ‘У Нади,

как и у отца, рыжие волосы’. В пермских языках послелог чаще всего выступает в сочетании с номинативной словоформой, что объясняется формированием послеложных конструкций в исследуемых языках на основе модели посессивных конструкций немаркированного синтаксического типа: *Городо вадьсы пеймыт лэзиське* (Хайд., 72). ‘Над городом расстилается мгла’; *Кузона до-розь кёня ке иськем гинэ кылемын на вал* (Конов., 39). ‘До Казани оставалось всего несколько километров’.

Как отмечает коми исследователь Г. А. Некрасова, «конструкции с генитивной словоформой проявляются преимущественно при сравнительных послелогах» [Некрасова 2002б: 47]. Однако здесь необходимо подчеркнуть, что удмуртские сравнительные послелог *кадь*, *сямен*, *музэн* употребляются как в контексте с номинативными, так и генитивными формами: *Нап вир шур сямен ваське* (Конов., 39). ‘Густая кровь льется рекой (букв. как река)’ Ср.: *Чорыглэн кадь кезьыт, лэся, мынам виру* (Матв 2005: 96). ‘Мне кажется, что моя кровь холодна как рыба [кровь]’. Или: *Ко-чышлэн кадь возж сингёсыныз зйрак ортчиз ымныр вылтйз* (Архип., 11). ‘Она взглянула на него своими зелёными кошачьими глазами’. Ср. *Сюреслэн кыкнапалаз ик, радэн-радэн сылйсь солдатъёс музэн, пужымъёс кылдйзы* (Гряз., 136). ‘По обе стороны от дороги появились сосны, стоящие в ряд как солдаты’.

Функционирование генитивной формы в контексте со сравнительными послелогами характерно в случае, если в предложении сравнение или идентификация базируется на посессивных отношениях: *Чыртызэ атаслэн кадь карыса ворттйсь толэс вылысь но уг усыы* (Загр., 322). ‘[Мальчик] не падает даже со стремительно скачущего коня (букв. с шеей как у петуха)’; *Табере ини быльккес сингёсыз небытгес учкизы, нырыз но събсь тыло-бурдолэн кадь өз адскы ни* (Архип., 39). ‘Теперь ее [Соломеи Самсоновны] глаза показались теплее, ее нос уже не выглядел как [клюв] хищной птицы’. В отличие от этого, функционирование номинативных форм в контексте со сравнительными послелогами характерно в случае отождествления эталона сравнения и объекта сравнения: *Сяськаос шуиськом ке, туж трос пöртэм ёошатонъёс тодамы лыкто: сяська кадь мусо, сяська кадь чебер, сяська кадь ненег* (Загр., 335). ‘Когда мы произносим слово цветок, сразу вспоминаются различные сравнения: милый как цве-

ток, красивый как цветок, нежный как цветок»; *Синъёсыз* [Мани-лэн] *сутэръёс кадь съёдэсь* (АС, 81). 'Глаза [у Мани] черные, как смородинки'.

В рамках выражения атрибутивных посессивных отношений отдельно следует остановиться на выражении удмуртским генитивом пространственных значений. В этом случае имена, маркированные формами родительного падежа, выступают в роли ориентира, по отношению к которому констатируется местонахождение другого предмета: *Тани сюресэлэн паллян палаз кыче ке юрт сылэ* (МС, 113). 'Вот слева от дороги (букв. от моей дороги) находится какой-то дом'; *Коркалэн паллян урдэсаз шырчик уморто шуккемын* (Гряз., 113). 'С левой стороны дома прикреплен скворечник'; *Кузьыли муҷ кызлэн уй палаз ноку уз лу* (Конов., 40). 'Муравейник никогда не бывает на северной стороне ели'; *Нылгае нуись сюреслэн лымышораз кожыса, Красное нимо пичи удмурт гуртэ шедёд* (СЕ, 201). 'Если свернешь на юг от Нылгинского тракта, окажешься в небольшой удмуртской деревушке под названием Красная'.

Таким образом, атрибутивные посессивные отношения, выражаемые удмуртским родительным падежом, могут указывать на три типа посессоров (одушевленный, предметный, абстрактный). В зависимости от типа посессора и коррелята актуализируемые посессивные связи могут выражать отношения часть – целое, отношения родства, собственности, принадлежности по функции, отношение по признаку и др. Обязательным условием функционирования данного типа отношений является наличие в предложении (или контексте) указания на посессора и коррелята.

При выражении атрибутивной посессивности посредством генитивных форм характерно «перекрещивание функциональных сфер генитива и номинатива, реже элатива и относительных прилагательных» [Некрасова 2002б: 46]. Выбор указанных падежных форм, скорее всего, зависит от типа посессивных связей. Как отмечает С. В. Едыгарова [2010: 66], в этом отношении «на активного посессора указывает генитив, а на пассивного – номинатив и элатив».

2. Предикативная посессивность

В приглагольной позиции удмуртский генитив выражает такие формы посессивных отношений, характер которых определяется взаимодействием лексической семантики предикативной единицы и значениями именной формы. В этом случае центр притяжательных отношений составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены три элемента посессивной ситуации: члены реляции – посессор, маркируемый генитивными формами (Р), и объект обладания (О), представленный номинативными формами, – а также реляционный предикат. В отличие от отдельных языков мира, в частности, самодийских языков, где в качестве предикативной посессивности широко представлены *haveo*-конструкции, пермские языки относятся к *Esse*-языкам [Хонти 2008: 161–170]. Так в удмуртском языке в качестве глагола-связки выступают лексемы *вань* / *öwöl* ‘есть / нет’; *вал* / *ой вал* ‘был(-а,-о,-и) / не был(-а,-о,-и)’; *луэ* / *уг луы* ‘бывает, не бывает’; *вылэм* / *вылымтэ* ‘был(-а,-о,-и), оказывается / не был(-а,-о,-и), оказывается’; *луоз* / *уз луы* ‘будет / не будет’: *Бен, кебыт вал Костялэн мылкыдыз* (Перевощ., 387). ‘Да, настроение Кости было невесёлым’; *Шудэз вылэм Лёгорлэн, войнаысь бертиз – мугор но мугор кадь, ымныр но начармемын öwöl* (СН, 23). ‘Лёгору повезло (букв. Было еще счастье у Лёгора): с войны он пришёл целым и невредимым’. В качестве посессора могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные имена: *Та пуртлэн аслаз историез вань* (АС, 88). ‘У этого ножа есть своя история’; *Вазь сясыкалэн емышез уг луы* (Инг., 309). ‘У раннего цветка плода не бывает’. Ср.: *Тылобурдоослэн но, адымиослэн сямен ик, яратонзы вань* (СЕ, 126). ‘Птицы, как и люди, могут любить (букв. у птиц, как и у людей, есть любовь)’. Следует заметить, что в отличие от индоевропейских языков, в удмуртском языке посессивная ситуация, как правило, является ингеретным бытийной ситуации.

Как отмечают исследователи, предикативные посессивные отношения чаще всего являются «отношением направленным: посессор рассматривается как ориентирующий элемент, а объект обладания – как ориентируемый (обладаемое логически подчинено обладателю)» [Чинчлей 1996: 101]. Тем не менее, в зависи-

мости от актуального членения предложения предикативные посессивные отношения в удмуртском языке могут быть представлены:

(а) как с точки зрения посессора: *Нош гераньлэн* (Р) *сы́че валантэм, муртлыко но бинялтйсь кужыме* (О) *вань* (МС, 120). ‘У герани есть такая непонятная чужая завораживающая сила’; *Кион Олеослэн* (Р) *няньзы* (О) *вань* (Лям., 365). ‘У Кион Оле хлеб есть’; *Кӧжылэн* (Р) *пазьгиськон сямыз* (О) *вань* (Ингур 2004: 321). ‘Горох имеет свойство рассыпаться’; *Соку атайлэн* (Р) *но отпускез* (О) *вал* (СЕВ, 12). ‘Тогда и у отца был отпуск’;

(б) так и с точки зрения объекта обладания: *Пинальёсыз* (О) *ӧвӧл Гранялэн* (Р) (СН, 183). ‘Детей нет у Грани’; *Тросэз ёзьёсыз* (О) *ӧвӧл ни Леканлэн* (Р) (СН, 9). ‘Многих сверстников уже нет [в живых] у Лекана’; *Манерыз* (О) *сы́че пересь Микталэн* (Р) (Пет., 54). ‘Манеры такие у старого Микты’.

В ряде случаев генитивные формы сами могут выступать в предикативной функции: *Тусызъя чылкак Гаян выжые мынэм, синдорыз, ангесыз кисьтэм-басьтэм атаезлэн* (Конов., 112). ‘[Мальчик] весь в Гаяна, его глаза и подбородок совсем как у отца’; *Шуг сюлэм Натальлэн* (Пет., 62). ‘Тяжело на сердце у Натальи’.

3. Агентивное значение

Данное значение как разновидность посессивных отношений содержит указание на действия, выполняемые посессором, или события, в которых он принимает участие. В русистике проблеме изучения генитивного субъекта посвящена обширная литература (см., в частности: [Падучева 1997: 101–116]). В удмуртском языкознании роль генитива для выражения агентивного значения требует еще дополнительных исследований.

Учитывая, что признак агентивности чаще всего определяется на основе ядерной предикативной связи по отношению к глаголу или другой вербальной форме, в исследуемом значении генитивный компонент может употребляться в следующих позициях:

- при атрибутивных причастиях: *Ладьмерлэн дасям пуэз кемалась быриз ни* (Хайд., 60). ‘Дрова, приготовленные Ладьмером, уже давно сгорели’; *Дракулалэн улэм шаераз мынйсько* (МС,

162). ‘Я иду в те края, где жил Дракула’; *Туж кема, пе, со тыос вылын тӧдӱы юсьёслэн бӧрдыса кесяськем куараоссы кылӱськызы на* (Загр., 302). ‘Говорят, что со стороны этих озер еще долго доносился скорбный журавлиный плач’; *Жӧк пала лыктӱз но Орина кенаклэн черсэм интыяз пуксиз* (КА, 24). [Коробейников] подошел к столу и присел на скамью (букв. на то место), где недавно пряла тетя Орина’;

- при отглагольных именах существительных: *Ивановлэн кенеш сӧтэмез ваньмызлы яраз* (Конов., 58). ‘Всем понравился совет Иванова’; *Кемалась ини Петырлэн табань сиемез* (Лям., 26). ‘Уже давно Петр не ел табани’; *Осьпылэн Иже вуылэмез дырысен ог кык ар вань ни, дыр* (Нян., 14). ‘С тех пор, когда Осьип в последний раз бывал в Ижевске, наверное, уже прошло около двух лет’; *Пиосмуртлэн татчы лыктэмез ӹапак интыяз вал – ӹуказез ваньзэ со вылэ погыльто* (Нян., 117). ‘Приход мужчины оказался очень кстати: завтра во всем буду обвинять его’; *Куноослэн лыктэмзылы ньыль нунал тырмиз* (СЕВ, 51). ‘Прошло четыре дня с того дня, как приехали гости’;

- при глагольных конструкциях с вербальными формами *потэ / уг (ӧз, уз) поты* ‘хочется / не хочется’ и *луэ / уг (ӧз, уз) луы* ‘может / не может’ и др.: *Кышномуртлэн нош ик сиемез потыны кутскиз, дыр* (Нян., 157). Женщина, наверное, снова проголодалась’; *ӹичылэн сием потэ, кылзэ нюлыса, ярдуртӱ ветлэ* (Загр., 349). ‘Лиса хочет есть: облизывая свой язык, она слоняется по берегу’; *Нош Викторлэн Володя агаез сьӧры ноказыы но уиськемез уг луы* (Гряз., 80). ‘А Виктору все не удается догнать старшего брата Володю’; *Вань гурт калыклэн куно каремез потӱз бӧрысьчиосты, ваньзы доразы ӧтказы* (Нян., 60). ‘Всей деревней потчевали (букв. всей деревне хотелось попотчевать) участников свадебной церемонии со стороны невесты, каждый приглашал [их] к себе в гости’.

Следует подчеркнуть, что данные вербальные единицы (*потэ / уг (ӧз, уз) поты* ‘хочется / не хочется’ и др.) могут функционировать как с глагольными формами, так и в структуре фразеологических устойчивых сочетаний (типа *вожпотыны* ‘сердиться, злиться’, *шумпотыны* ‘радоваться’): *Пересьлэн вожез потӱз* (Загр., 307). ‘Старик рассердился’; *Бачилэн аслыз вожез потӱз* (АС, 114). ‘Бачи рассердился на самого себя’; *Дималэн сое шум-*

поттэмез потэ (Загр., 381). ‘Диме не терпится (букв. хочется) обрадовать ее’.

Общим моментом для всех вышеуказанных случаев является то, что имена существительные, маркированные формами родительного падежа, в этом случае указывают на лицо, являющееся непосредственным производителем действия или вовлеченным в него участником: *Одотьэлэн куалекъямез юнме шорысь луиз* (Нян., 25). ‘Переживания Одотьи были напрасными’; *Пеймыт уйёсы Андрейлэн умме усемез ёз луылы* (Нян., 44). ‘По ночам Андрею не спалось’; *Профессорлэн обходэз средаосы луэ* (КА, 30). ‘Обход [больных] профессором бывает по средам’;

- следует также заметить, что в удмуртском языке имеются также примеры, когда в качестве производителя действия выступает имя существительное, характеризующееся свойствами неодушевленности. В этом случае формы родительного падежа содержат указание на источник действия или состояния неодушевленного субъекта, выраженного отглагольным или процессным именем: *Оло тылэн чеберез, оло мускыт зын, оло нош зорлэн жингыртэмез Буркинлэсь мылкыдэз капчиятйзы* (СЕВ, 36). ‘То ли красота озера, то ли свежий воздух, то ли звон дождя улучшило настроение Буркина’; *Азвесь гумылэн вазиськемез арамае ваське* (СЕ, 81). ‘Мелодия серебряной свирели разносится над рощей’; *Соку ик кылйськыны одъязы тёллэн укно улысь льбмпуын чашетэмез, зор шапыкъёслэн укно пияла борды шуккиськемзы* (Пер., 38). ‘Тотчас донёлся шум ветра в [листве] черёмухи, растущей под окном, стук дождевых капель об оконные стёкла’.

Итак, как показывают примеры из художественной литературы, основной функциональной нагрузкой родительного падежа в современном удмуртском языке является выражение посессивных отношений, которые, в зависимости от семантико-синтаксических связей посессора, объекта обладания и реляционного предиката в пределах предложения/высказывания могут формировать атрибутивные, предикативные и агентивные типы посессивности.

2.1.4. Разделительный падеж

Прежде чем приступить к изложению материала, следует сделать небольшое замечание, касающееся терминологии, используемой по отношению к данной падежной форме.

Вместе с родительным, дательным и направительным падежами разделительный падеж относится к так называемым вторичным *l*-овым падежам (см. подробнее: [Некрасова 2002б]). Учитывая, что семантические функции пермского аблатива в финно-угорских языках выражаются преимущественно грамматическими единицами аблативно-элативного характер, в научной литературе XIX – начала XX вв. исследуемая форма определяется как падеж аблатив (см.: [Gabelentz 1846: 113–115, Wiedemann 1851: 24, Aminoff 1896: 25, Wichmann 1954: 143, Емельянов 1927: 124] и др.).

К выбору окончательного термина исследуемого падежа в его русском переводе – разделительный падеж – удмуртская лингвистика пришла в результате поисков дефиниции, способной выражать семантическую структуру данного члена парадигматического ряда. В качестве альтернативных вариантов названия данного падежа в трудах исследователей удмуртского языка 1920–30-х гг. предлагаются такие определения как *предостерегательный, заместительный, относительный, посягательный* падеж. Однако в научной литературе вслед за А. И. Главатских, С. П. Жуйковым и В. И. Алатыревым закрепляется термин *разделительный падеж* с его удмуртским эквивалентом – *люкон каб* ‘разделительный падеж’.

В коми лингвистической традиции исследуемый падеж рассматривается как притяжательный (к. *босьтан*) падеж (см.: [КЯ 1998: 391]). Учитывая, что термину притяжательный в удмуртском языке в большей степени соответствует падеж генитив, считаем оправданным функционирование нынешнего названия исследуемой падежной формы.

I. Морфологическая структура имени существительного в форме разделительного падежа

Морфологическим показателем разделительного падежа (аблатив, *люкон каб*) в современном удмуртском языке является суффикс *-лэсь*, который присоединяется как к именным основам, так и к большинству местоименных основ: *Петырлэсь гожтэтсэ витиз, нош иворъёс оз вуэ* (Лям., 137). '[Она] все ждала письмо от Петра, а писем все не было'; *Нылъёслэсь дйсьтйсь пиосыз яратэмзэс со кемалась тодэ* (Конов., 35). '[Гаян] давно знает, что девушки любят смелых парней'; *Бигер ныл, йырысьтыз сынзэ басьтыса, Чипчирганлэсь йырсиэз тупатъя* (Конов., 168). 'Девушка-татарка, сняв с головы свой гребень, поправляет волосы Чипчиргана'; *Со бере гинэ Шопенгауэрлэсь нимзэ поттылоно* (МС, 181). 'Только после этого можно произносить имя Шопенгауэра'; *Конюховъёслэн пичи бакчаысьтызы [тёл] кыкезлэсь улмонуослэсь шобретъёссэс ик таркам* (Лом., 87). 'В маленьком огороде Конюховых [ветер] сорвал даже укрытия с двух яблонь'; *Куштыськы уродэзлэсь* (Лом., 206). 'Отрекись от плохого'; *Собере адзи солэсь [кышиномуртлэсь] чукна валес дорам кофеен лыктэмзэ* (АС, 64). 'Потом я представил, как эта женщина утром принесит кофе в постель (букв. ее приход к моей постели)'.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа аблативные формы образуют путем изменения корневой гласной и присоединения суффикса *-эсьты-*: *мын-эсьты-м* 'от меня', *тын-эсьты-д* 'от тебя', личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа образуются путем плеоназма множественного *-л-* (<*j-) и суффикса *-есьты-*: *ми-л-есьты-м* 'от нас', *тй-л-есьты-д* 'от вас': *Мынэсьтым песьтайме но, песьнайме но басмачъёс кораллям* (Серг., 69). 'И мою бабушку, и моего дедушку порубили басмачи'; *Ми тйлесьтыд юрттэмдэс ум вунэтыське, Рево Михайлович* (Лом., 220). 'Мы не забываем об оказанной вами помощи, Рево Михайлович'. Аналогично генитивным показателям, аблативные суффиксы чаще принимают (кроме личных местоимений 1-го и 2-го лица) постпозитивное положение как по отношению к лично-притяжательным суффиксам, так и формальным показателям множественного числа: *Кема сый, шайгу дорын йырме ошыса, сюлэмыдлэсь куректэмзэ кылзыса* (Пукр., 216). 'Я долго стоял,

склонив свою голову над могилой, прислушиваясь к своему сердцу (букв. к печали своего сердца)'; *Мон [Витя] дышетйсьмылэсь ой куриськы ук* (Ник., 8). 'Я [Витя] же не отпросился у нашей учительницы'; *Тае лыдэ басьтыса, повестелэсь пуштроссэ азьланьто* (Нян., 140). 'С учетом этого продолжу сюжет своей повести'; *Марзан пияшьёслэсь кыкназылэсь кузьымзс бастийз* (Загр., 383). 'Марзан (имя девушки) приняла подарки от обоих мальчиков'; *Мёздем ик, шөдске, со [Пётр] ас вордскем пальёсызлэсь* (Лям., 20). 'Чувствуется, что [Пётр] соскучился по своим родным краям'; *Коля шөдйз пöсь синевуосызлэсь бам вылтйз васькемзэс* (Лям., 428). 'Коля почувствовал, как горячие слёзы потекли по его лицу'.

В абсолютном большинстве современных диалектов морфологическим маркером разделительного падежа является суффикс *-лэс'* (в отдельных диалектах представлены его фонетические варианты *-лэс' ~ -ёс'* или *-лэс' ~ -лэс'*. В кукморском, шошминском, канлинских говорах и бесермянском наречии «ему соответствует *-лис'* (в бесермянском иногда и *-лэс'*), ср.: кукм., шошм., канл. *анайлис'*, бес. *анайлис' ~ анайлэс'* 'у (от) матери'» [Кельмаков 1998б: 120]. В бавлинском говоре, как отмечает И. В. Тараканов, встречается параллельное употребление алломорфов *-лэс'* и *-лис'* (см. подробнее: [Тараканов 1960: 133]). В отдельных шошминских говорах, а также в буйско-таныпском говоре, как уже отмечалось выше, в формантах аблатива, генитива и датива сонорный элемент *л* после субстантивных основ на согласный, а также в отдельных косвенных формах местоимений замещается сонорным *н*, напр.: *кыйнйис'* // удм. лит. *кыйлэс'* (см. подробнее: [Кельмаков 1998б: 121]).

II. Семантическая структура разделительного падежа

Несмотря на то, что падеж аблатив сформировался в пражермский период, его семантическая структура в удмуртском и коми языках существенно отличается¹⁵, что по-видимому, свиде-

¹⁵ В частности, Ш. Чуч для общепермского периода реконструирует следующие семантические значения: локальное, посессивное, целевое, указание на источник происхождения. Расширение семантической структуры удмуртского аблатива, с точки зрения ученого, произо-

тельствует «об окончательном формировании падежа самостоятельно в каждом из пермских языков» [Некрасова 2002б: 69]. Описание семантической структуры аблатива в пермских языках по принципу от первичных значений к вторичным представлено в монографии коми исследователя Г. А. Некрасовой «Система *L*-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика» (2002). В нашем исследовании, посвященном, как уже отмечалось, изучению синхронного аспекта функционирования падежных форм в литературном удмуртском языке, попытаемся отразить систему значений разделительного падежа, как и в случае с генитивом, от центральных значений к периферийным.

В современном удмуртском языке разделительный падеж обладает широким спектром семантических значений. Ряд аблативных функций, и, прежде всего, – выражение атрибутивных possessивных отношений – пересекается с функциями родительного падежа, с тем лишь различием, что разделительный падеж участвует в указанном значении в сочетании с прямым объектом: *Кузёезлэсь мылкыдзэ (Асс) валаса кадь, ёошыдын ворттыса вуттйз таосты Гудыри нылашлэн капка аязз* (Нян., 59). ‘Словно чувствуя настроение хозяина, Гудыри (кличка лошади) галопом доставил их к воротам девушки’; *Катя Багоровлэсь таза но лек куаразэ (Асс) тодмаз* (Гавр., 173). ‘Катя узнала громкий и злой голос Багорова’; *Кемалась Ленаос уг адско ни, нош Петя ялан сылэ на, Леналэсь кошкем сюрессэ учкыса* (СЕВ, 55). ‘Лена и ее мать уже давно скрылись из виду, а Петя все еще стоит, всматриваясь в дорогу, по которой ушла Лена’. Далее рассмотрим основные семантические функции разделительного падежа в структуре современного удмуртского языка.

шло в период самостоятельного развития исследуемого языка: «Wie wir an den Beispielen sehen können, ist der Gebrauch des Ablativs im Wotjakischen etwas weiter, als im Syrjänischen. Auf PP können die Funktionen lokaler, Herkunfts- und kausaler Bestimmung, ferner die Rolle der Rektion bei Verben wie “bitten, fragen, wegnehmen, usw.” rekonstruiert werden. Bereits im Urpermischen konnte auch die genetivische Funktion (als besitzanzeigendes Attribut) entstanden sein, mit Beschränkungen, die auch heute gültig sind» [Csúcs 2005: 179].

1. Атрибутивная посессивность

Как и в случае с родительным (притяжательным) падежом, атрибутивные посессивные отношения, выраженные формами разделительного падежа, могут указывать на три типа посессоров (одушевленный, предметный, абстрактный). В зависимости от типа посессора и коррелята актуализируемые посессивные связи могут выражать отношения часть – целое, отношения родства, собственности, принадлежности по функции, отношение по признаку и т. д. Обязательным условием функционирования данного типа отношений является наличие в предложении (или контексте) посессора и коррелята. Таким образом, вступая в атрибутивные отношения с именами существительными, аблативные формы участвуют в выражении следующих отношений принадлежности:

А. Принадлежность части к целому или неотчуждаемая (неотторжимая) принадлежность.

Как и в случае с родительным падежом, здесь речь идет о стабильных, семантически однозначных взаимоотношениях таких объектов, которые имеют максимально тесную, нерасторжимую связь друг с другом, реализуемую как:

- отношение между человеком (лицом) / другими живыми существами и их физическими составляющими: *Олёшлэсь йырсиэ маялтйз пересь* (Пукр., 237). ‘Старушка погладила Олёша по волосам (букв. волосы Олёша); *Лагырьын куасалтйзы адямиослэсь кужмо мугорзэс* (Евс., 101). ‘В лагере согнули сильные тела узников (букв. людей)’; [*Серёжа*] *Танялэсь кизэ лачмытак кутйз* (Ник., 32). ‘[Серёжа] осторожно взял Таню за руку (букв. руку Тани)’; *Коркан уни тём-тём пеймыт вал, Оня оз адзы братэслэсь ымнырзэ* (Гавр., 43). ‘В доме уже было темно, [поэтому] Оня не увидела выражение лица брата (букв. лицо брата)’; – *Молодец!* – *ушгыз со* [*Алексей Егорович*], *Кималэсь кизэ юн-юн кырмыса* (МП, 26). ‘– Молодец! – похвалил он [*Алексей Егорович*], крепко пожав Киме руку (букв. руку Кимы)’;

- отношения между человеком (лицом) и:

а) его психологическими составляющими (характером, мыслями, убеждениями, настроением др.), например: *Роиналэсь мылкыдзэ со жеч вала* (Перевощ., 229). ‘Он хорошо чувствует настроение Роины’; *Лелилэсь оген мёзмонзэ куд-ог книгаос гинэ вормыны быгатылйзы* (Нян., 63). ‘Только некоторые книги могли успокоить Лелину тоску от одиночества’; *Серёжалэсь мылкыдзэ со кемаласен шёдйиз-валаз ни, вылды* (Ник., 31). ‘Наверняка, она [Таня] давно уже почувствовала настроение Серёжи’; *Васялэсь сёкыт малпангёссэ Оня уретйиз* (Гавр., 41). ‘Васины тяжёлые мысли прервала Оня’;

б) константами, характеризующими тело человека и его части с точки зрения физических и физиологических показателей (размером, весом, внешним видом, возрастом и др.), а также константами, относящимися к деятельности частей тела и внутренних органов, интеллектуальной деятельности человека (голосом, походкой, зрением, слухом, обонянием; аппетитом, способом мышления и др.): *Матюшлэсь куаразэ тодмаса, Кима чукна ни кожаз* (ПМ, 22). ‘Узнав голос Матюша, Кима подумал, что [наступило] утро’; *Трос адямиослэсь сямгёссэс басьтыса, писатель характер кылдытэ* (Гавр., 194). ‘Взяв за основу привычки многих людей, писатель создает характер’;

в) абстрактными категориями и др.: *Фронтын одйг муртлэн янгышез чем дыръя уно сюрс адямилэсь улонзэ нуыса кошке* (Гавр., 176). ‘На фронте ошибка одного человека уносит жизнь сотен людей’; *Адымилэсь улонзэ чебергес карон понна культурной улон ёвёл шат?* (Вас., 71). ‘Разве культурная жизнь предназначена не для того, чтобы украсить человеческую жизнь’; *Татьяна Старковалэсь тазалыксэ тодэме потэ* (Смир., 160). ‘Хотел бы осведомиться о здоровье Татьяны Старковой’;

- указание на составные части предмета/вещи или его внутреннее содержание или характерные признаки: *Машинаезлэсь укнозэ чюшылыны потэм егит пи кышномуртлэн дэриесь пыдкучанэз шоры учкыса юаз: – Мар кулэ тыныд?* (Нян., 75). ‘Молодой человек, вышедший из кабины, чтобы протереть стекла своей машины, посмотрел на грязную обувь женщины и спросил: – Что

тебе нужно?»; *Мотоциклъёс вуко доры вуо ни, вуколэсь съёд борддорзэ юдэсэн-юдэсэн югдытъяло* (Пет., 99). 'Мотоциклы уже подъезжают к мельнице, местами освещая темные стены мельницы'; *Часлэсь стрелказэ маке жэгатэ кадь* (Вас., 64); 'Словно что-то тормозит движение часовой стрелки'; *Оля капчияк лулскиз но, плащезлэсь сёзызэ палэнтывса, пукон вылэ пуксиз* (Смир., 9). 'Оля облегченно вздохнула, собрав пола своего плаща, присела на стул'; *Ничего-ничего, жег няньлэсь шёмзэ валаны кулэ* (Архип., 27). 'Ничего, ничего, надо почувствовать вкус ржаного хлеба';

- указание на качественные характеристики предмета, явления, понятия, а также указание на сегментные единицы процесса, явления или указание на лицо, предмет, часть как на единицу составной совокупности: *Израильлэсь чеберзэ вераны шуг – сое адъыны кулэ* (Нян., 150). 'Трудно описать красоту Израиля – ее надо увидеть'; *Серёжалэн ымнырыз кисьмам узылэсь туссэ басьтйз* (Ник., 29). 'Лицо Сережи приобрело цвет спелой земляники'; *Февральлэсь кезытсэ ик вань ужасъёс вунэтызы кадь* (СЕ, 162). 'Рабочие словно позабыли о февральских холодах'; *Сорелезлэсь самой кулэ но секыт интызэ валаны кутскиз* (Гавр., 113). 'Она [Катя] начала понимать самую ответственную и сложную часть своей роли'.

Б. Выражение отчуждаемой принадлежности

Как и в случае с генитивными формами, при выражении отношений отчуждаемой принадлежности посредством разделительного падежа, в структуре удмуртского языка могут быть представлены следующие разновидности взаимоотношений:

- указание на лицо, с которым коррелирует находится в родственных или других социальных отношениях: *Ванёклэсь суэрзэзэ утчаса, быдэс уез нюлэскытй ветлйзы* (СН, 65). 'В поисках Ваниной сестры они всю ночь бродили по лесу'; *Али купецлэсь пизэ дышетйсько* (Пет., 69). 'Сейчас сына купца [грамоте] обучаю'; *Матвейлэсь кышнозэ кулон аяззэ но Килия городысь тюрьмаын возизы на* (Пет., 77). 'Жену Матвея и перед смертью держали в тюрьме города Килия';

- указание на принадлежность коррелята посессору в качестве личной собственности. Чаще всего в этом случае в роли посессора выступает/выступают лицо/лица, а в роли коррелята – неодушевленный предмет/предметы: *Жогак гинэ шедтй вукочилэсь корказэ* (Хайд., 82). ‘Я быстро нашел дом мельника’; *Песянайлэсь жазегпиоссэ возьмалом, узяны, боряны ветлом* (Первош., 25). ‘Мы будем сторожить бабушкиных гусят, будем ходить за земляникой и клубникой’; *Со жьытэ Анют Лади доры, кырсиелэсь мотиксэ курыса, тур гинэ вуиз* (Нян., 8). ‘В тот вечер Анюта быстро приехала к Лади на мотоцикле зятя (букв. попросив мотоцикл зятя)’; *Собере [Петр] жогак султйз но, Уल्याналэсь тйрзэ таласа, Гирша шоры урдскиз* (Евс., 9). ‘Затем [Петр] быстро встал, схватил Улянин топор, накинулся на Гришу’; *Нош гуртэ лэзем казакъёс Балянлэсь вань ю-няньзэ кысказы* (Конов., 190). ‘А направленные в деревню казаки отобрали все зерно Баляна’;

- отношения коррелята и посессора на функциональной основе. Данное значение, как и в случае с генитивными формами, может актуализироваться в различных ипостасях, например, как:

а) указание на лицо, в подчинении которого находится определенный коллектив, организация, лицо: *Май толзэ Богдановлэсь полксэ кыкетй эшелонэ воштйзы* (Гавр., 192). ‘В мае месяце полк Богданова перевели во второй эшелон’; *Соос витизы Мамонтовлэсь отрядзэ* (Смир., 34). ‘Они ждали отряд Мамонтова’; *Инженер малпаськонэ усиз. Со адже кадь Ложжинлэсь бригадазэ* (Смирн., 154). ‘Инженер впал в раздумья. Вот перед его глазами встала бригада Ложкина’; *[Коньык] огназ өз, съораз воеводалэсь но нбыльдон ляльчиоссэ нуиз* (Сер., 92). ‘[Коньык] погиб не один, порубил также сорок подданных воеводы’;

б) указание на коллектив, организацию и др., в состав которого входят лицо или подразделение: *Сельсоветлэсь председателзэ но эшио кык колхозникъёсты [капитан] клубе чортйз* (Гавр., 248). ‘Председателя сельсовета и еще двоих колхозников [капитан] пригласил в клуб’; *Поздеев шуак берытскиз но бригадалэсь командирзэ адйиз* (Смир., 17). ‘Поздеев резко повернулся и заметил командира бригады’; *Парткомлэсь секретарзэзэ но отём* (Вас., 79). ‘Пригласим и секретаря парткома’; *Ивановъёслэсь частьсэс (Асс) пруд кузя султытйзы* (Конов., 176). ‘[Воин-

ской] части Иванова приказали расположиться вдоль пруда'; *Лукъяновез, «Югдон» колхозлэсь председателъэз, та нуналъёсы мукетыз шугъяськытӥз* (Пер., 52). 'Лукъянова, председателя колхоза «Югдон», в эти дни тревожило другое';

в) указание на структурную единицу организации, учреждения и др.: *Институтлэсь общежитиоссэ тодӥсько, огез Нева шур дурын* (Лям., 424). 'Я знаю, где [расположены] институтские общежития, одно из них [находится] на берегу реки Невы';

- выражение актантных отношений (см.: С. 76): *Муртлэсь книгазэ лыдӥд, малпанзэ тодӥд, аслэсьтыд но малпанӥ верад* (МС, 43). '[Ты] прочитал книгу, написанную другим человеком, узнал его мысли, высказал своё мнение'; *Лыдӥи корреспондент-мылэсь репортажзэ* (Евс., 93). 'Я прочитал репортаж нашего корреспондента'; *Бакин вис карытэк ушъяз Сергейлэсь выль повестьзэ* (Гавр., 70). 'Бакин не переставая хвалил новую повесть Сергея'; *Пыдлось комнатае потыса, [Надя] книга жӥажыысь Пушкинлэсь томзэ юасьтӥз* (СЕ, 64). 'Пройдя в дальнюю комнату, [Надя] взяла с полки том Пушкина'; *Табере Пушкинлэсь нош «Чорыгась но чорыг сярысь» выжыкылзэ кылзоды-а?* (Ворон., 31). 'А теперь будете ли слушать сказку «О рыбаке и рыбке» Пушкина?'

При актуализации атрибутивных посессивных отношений посредством аблативных форм следует также обратить внимание на выражение пространственных значений. Как и в случае с генитивными формами, имена существительные, маркированные аблативными маркерами, чаще всего выступают в роли ориентира, по отношению к которому констатируется местонахождение другого предмета: *Жыт пал со [Фёдор] лать-латъ гинэ васькылӥз гуртлэсь кык ыськем палэнын сыйӥсь гидӥёс доры* (АС, 135). 'По вечерам он [Фёдор] не спеша спускался к фермам, расположенным в двух километрах от деревни'. Однако данное значение относится к периферийным значениям и будет рассмотрено ниже.

2. Агентивное значение

Как и в случае с родительным падежом, данное значение как разновидность посессивных отношений содержит указание на действие/действия, выполняемые посессором, или события, в которых он принимает участие. Чаще всего имена существительные, маркированные формами разделительного падежа, в этом случае указывают: (а) на лицо, являющееся непосредственным производителем действия или вовлеченным в него участником или (б) на предмет, событие, явление, подвергающееся изменению: *Дималэсь ваем кусозэ пересь Пронька учкиз-чаклаз но со-ку ик сандал вылаз понйз* (Загр., 372). ‘Старый Пронька осмотрел косу, которую принёс Дима (букв. Димой принесенную косу), и тотчас же положил ее на наковальню’; *Нуназе кураськыса пукись-ёс акшанлэсь лэзиськемзэ гинэ витыса уло, пе* (Хайд., 104). ‘Говорят, что побирающиеся днем люди только и ждут наступления сумерек’; *Коля шөдйз пёсь синвуосызлэсь бам вылтйз васькемзэс* (Лям., 428). ‘Коля почувствовал, как горячие слёзы покапались по его лицу’.

Учитывая, что признак агентивности чаще всего определяется на основе ядерной предикативной связи по отношению к глаголу или другой вербальной форме, в исследуемом значении компонент в форме разделительного падежа может употребляться в следующих позициях:

а) при атрибутивных причастиях: *Тодмотэм мурт штан кысысьтыз кышноелэсь мыным сётэм янчиксэ поттйз* (Хайд., 105). ‘Незнакомец достал из кармана своей штанины портмоне, которое дала мне моя жена’; *Ой но валатскы, кызьы Ладьмерлэсь жёк улэ кельтэм бутылэзэ мунчо азе вуттй* (Хайд., 61). ‘Я даже сам не заметил, как перетащил в предбанник бутыл, которую Лади оставил под столом’; *Эшишо маке верасал но, тодмотэм нылмурт, ымнырзэ ватыны тыршыса, Кондйлэсь мычем кузьымзэ басьтйз* (Хайд., 63). ‘Он еще бы что-нибудь добавил, но незнакомка, пытаясь спрятать свое лицо, взяла подарок, который протянул ей Кондй (букв. протянутый Кондй подарок)’; [Марзан] *Дималэсь но, Василэсь но ваем сутэръёссэс ушъяз* (Загр., 383). ‘[Марзан] похвалила смородину, принесенную как Димой, так и

Васей’; *Озы пароход, толэзълэсь пужъятэм сюрессэ вандыса, азьлань кошкиз* (СЕВ, 46). ‘Так пароход, разрезая лунную дорогу (букв. вышитую луной дорогу), двинулся вперед’;

б) при отглагольных именах существительных: *Петялэсь пыремзэ оз шоды* (Гряз., 216). ‘[Иван Петрович] даже не заметил, как вошел Петя’; *Василэсь вуэ сыче ёсог тэтчонзэ Дима оз витъы* (Загр., 363). ‘Дима никак не ожидал, что Вася так быстро окажется в воде (букв. Димин прыжок)’; *Нош собере Андрейлэсь гожъямтэзэ тодаз вайыса, оз пумитьяськы ни* (Нян., 42). ‘А когда [она] вспомнила, что Андрей не писал ей даже писем, [девушка] уже не сопротивлялась’; *Пересь Пронькалэсь юамзэ Дима оз кыл ни* (Загр., 373). ‘Дима уже не услышал, о чем спросил старый Пронька’; – *Вася, тынад Костялэсь сигарет кыскемзэ ад-жemed вань-а?* (Ник., 77). ‘– Вася, видел ли ты когда-нибудь, что Костя курит сигареты?’; *Али кадь ик тодэ на Алёша Галялэсь келямзэ* (СЕВ, 18). ‘Как сейчас Алёша помнит, как провожала [его] Галя’; *Ведраелэсь жингыртэмзэ гинэ кылй на* (Хайд., 109). ‘Только звон [опрокинувшегося] ведра донёлся до меня’; *Нош али самой со дано адыми зорлэсь шыпыртэмзэ ик со-гыса соргетэ – изе* (АС, 123). ‘А сейчас именно этот почетный человек храпит, перебивая шум дождя – спит’.

Как видно из примеров, в качестве производителя действия, как и в случае с родительным падежом, могут выступать как имена существительные, характеризующиеся признаком одушевленности, напр.: *Со [Миша] кылйз ныллэсь тубемзэ* (Вас., 78). ‘Он [Миша] услышал, как девушка поднимается’; *Валя кылэ кавалеристъёслэсь вань вераськемзэс* (Лом., 47). ‘Валя слышит все, о чем говорят кавалеристы’; так и имена существительные, относящиеся к классу неодушевленных предметов, вещей, явлений, напр.: *Шурлэсь визыламзэ учкисько но, Чупчимы син азе пуксе* (Смир., 17). ‘Я вижу, как стремительно течет река, и перед глазами встает наша Чепца’; *Гожтэтъёслэсь кызыы вуэмзэс тодыны турттонъяз, [Конюхов] весь йырзэ тйяса улоз* (Лом., 52). ‘Чтобы узнать, каким образом приходят письма, [Конюхов] будет постоянно ломать голову’.

3.1. Объектное значение

В зависимости от семантической наполненности глагольной единицы (управления глагола), разделительный падеж может выражать различные объектные значения:

- значение **объекта отчуждения, отстранения**: *Дуннелэсь пытсаськи* (МС., 43). 'Я отстранился от мира (букв. Вселенной)'; *Ньыль ньлпиен кылиз со картэзлэсь* (Лям., 53). '[После смерти] мужа она осталась с четырьмя детьми'; *Такем жеч эшезлэсь кылыны нош солэсь но секыт* (Конов., 56). 'А отстать от такого хорошего попутчика еще хуже (букв. тяжелее)'; *Кезьыт зорлэсь но калык синьёслэсь зонтикеныз сайяськыса кошкись кышномурт-лэн мышказ шияськем Роман Петровичлэн йыраз ноказыы оз тэр: кызыы озыы адыми быремысь шумпотод* (Перевощ., 11). 'Роману Петровичу, оказавшемуся позади женщины, которая пряталась от дождя и людских глаз своим зонтиком, было невдомек, как можно радоваться человеческой смерти'; *Кöня анай городэ öте, нош со та интыослэсь уг чыд* (Загр., 376). 'Сколько бы мать не звала в город, он уже не может оторваться от этих мест'; *Юз-мыт төл шорын юзырак луэм бераз гинэ, малпаськон дуннеезлэсь огдырлы сазёмиз Кирло* (Хайд., 136). 'Только взбодрившись на свежем воздухе, Кирло освободился от своих дум на некоторое время'; *Изъыны валасьтэм яке анай-атайзылэсь пегзем зырымесьёсыз гинэ но ог-огзэс уйылыса шудо* (Гряз., 178). 'Даже не уснувшие или сбежавшие от родителей дети (букв.: сопливые) здесь играют в салки';

- **бенефактивное значение**, где под бенефактивом следует рассматривать участника действия, «интересы которого непосредственно затрагивает ситуация (или участник, который должен воспользоваться конечным результатом ситуации), но ни агентом, ни пациенсом этой ситуации не является» [Плунгян 2000: 165]: *Колялэсь гожтэт басьтэ ке, кыче паймоно кадь валантэм кужым пыре солы* (Лям., 411). 'А когда [Лели] получает письмо от Коли, словно непонятная сила вселяется в нее'; *Кылзы, ньлы, мумидлэсь* (Лям., 98). 'Послушай, дочь, свою мать'; *Вынылэсь кийсьтыз ведразэ кутй* (МС, 155). 'Я взял ведро из рук своего младшего брата'; *Климовлэсь но кылзэ* (Гавр., 126). 'Послушайте

и Климова'; *Тани быдэс толэзь ёоже Варалэсь гожтэт ёвёл* (Гавр., 142). 'Вот уже в течение месяца нет письма от Вари'; Оло, [Петя] юромо егитёслэсь визьзэс сына? (Лом., 106). '';

- указание на **адресата действия**, по отношению к которому проявляются чувственные явления, представления, впечатления: *Мёзмиз ни со больницаын кыллись анаезлэсь* (Ник., 8). 'Он уже соскучился по матери, которая лежит в больнице'; *Дорам ик пыро ни, вордскем юртэлэсь мёзми* (ПМ, 8). 'Я уж лучше зайду домой, соскучился по родительскому дому'; *Та тылобурдоос адямилэсь пичи но уг кышкало* (Загр., 329). 'Эти птицы совсем не боятся человека'; *Туэ сялаос воксё адямилэсь кёберасьтэмесь луллям ни шат* (Загр., 329). 'В наше время рябчики совсем не боятся уже человека, что-ли';

- имена существительные в форме разделительного падежа могут указывать на **источник изготовления** или составления чего-либо. Также аблатив может указывать на состав вещества, его внутреннее содержание или ингредиенты приготовления: *Ёыгыртымон корьёслэсь пуктэмын та корка* (СН, 225). 'Из здоровенных бревен выстроен этот дом'; *Оглom учкыса, ваньмыз излэсь (мрамор, лэся) татын* (МС, 151). 'Если посмотреть, здесь все выложено из камня (кажется, из мрамора)'; *Со котырын кыёе ке лапегесь юртъерьёс сыло, горд кирпичлэсь жутэмын соос* (МС, 63). 'Рядом с ним стоят какие-то низкие дома, они выстроены из красного кирпича'; *Фанералэсь но пульёслэсь лэсьтэм ёслы матын пичи укно* (Гавр., 179). 'Рядом с дверью, сооруженной из фанеры и досок, маленькое окошко'; *Сомбрероен пияш тыл вылын чорыг консервалэсь шыд лым вуттйз* (СЕ, 45). 'Молодой человек в сомбреро на костре приготовил суп из рыбных консервов'; *Матилэн анаез туры-куарлэсь, шыд пёзтэм гинэ ёвёл, кёмеч но пыжыны выре* (ЧП, 49). 'Мать Мати из различных трав может сварить не только суп, но и испечь пресные коржики'.

Как уже отмечалось выше, в диахронии, а также в современных удмуртских диалектах для выражения значения источника / материала изготовления предмета / вещи используется также падеж элатив. В коми языках в указанном значении также используются элативные формы: *пызан вёчёма пуысь* 'стол сделан из дерева', к.-перм. *горрэсё тэчёны кирпичись* 'печи складываются

из кирпичей’ (примеры по: [Некрасова 1989: 110]). Все это позволяет сделать выводы о вторичном происхождении исследуемого значения в современном удмуртском языке.

3.2. Объект сопоставления

Среди объектных значений разделительного падежа отдельно остановимся на функционировании исследуемой падежной формы в структуре сравнительных конструкций¹⁶. В этом случае имена существительные в форме разделительного падежа чаще всего указывают на эталон сопоставления. Как правило, основными элементами сравнительной конструкции, являются *эталон сравнения* (или слово, сочетание слов или предикативная единица, представляющая тот предмет или, реже, то событие, действие или состояние или признак, с которым сравнивается что-то другое); *предмет сравнения* (тот предмет или то событие, о котором шла речь, которое сравнивается, ради которого привлекается эталон сравнения и могут быть представлены показатели сравнения) и *модуль сравнения* (слово или словосочетание, на основании которого идет сравнение. В качестве модуля сравнения могут выступать разные признаки: цвет, форма, размер, вид и скорость движения, характер действия, образ поведения, физическое и внутреннее состояние, отрицательные и положительные характеристики, возраст, консистенция, характер звучания, температура, вес, запах. вид множества, степень трудности и др. (см. об этом подробнее: [Васильев 1986: 20–21]). Сравнения могут быть представлены как количественного так и качественного типа.

¹⁶ Функционирование сравнительных конструкций с падежным оформлением эталона сравнения имеют широкое распространение и в тюркских языка. В частности, в якутском языке эталон сравнения может быть маркирован формами исходного или сравнительного падежа, напр., якут. *Москва Ташкенттан* (исх. п.) *улахан* ‘Москва больше Ташкента’ или *Салгын.. Ньурбатаакаар ордук тымныы. Тыал... Ньурбатаакаар ордук сытыы* ‘Воздух более холодный по сравнению с Нюрбой... Ветер более резкий по сравнению с Нюрбой’ (примеры по: [Васильев 1986: 43]).

В зависимости от наличия / отсутствия вышеперечисленных компонентов в современном литературном удмуртском языке представлены следующие модели сравнительных конструкций, где эталон сравнения – **N_Abl**, предмет сравнения – **N_N**, а модуль сравнения может быть выражен адъективными (**A**) или адвербиальными (**Adv**) формами):

А. Адъективные конструкции

а) (**N_Abl**) [*но*] + **A** + (**N_N**)

Эталон сравнения выражается в форме аблатива, предмет сравнения может употребляться в форме субъектно-объектных или пространственных падежей. Модуль сравнения выражен именем прилагательным в начальной форме (также может иметь указательно-выделительные суффиксы): *Табере солы Колялэсь визь-мо адыми нокин но ой вал ни.* (Лям., 411). ‘Теперь для нее не существовало человека, который был бы умнее Коли’; *Муш палдон дыря мототиклэсь умоез номыр өвөл ни* (Загр., 350). ‘Нет ничего лучше мотоцикла во время роения пчел’;

В ряде случаев эталон сравнения может содержать также усилительную частицу *но*: *Таиз сюанлэсь но секыт уж* (Лям., 48). ‘Это дело сложнее даже свадьбы’;

б) (**N_Abl**) [*но*] + **A_CMP** + (**N_N**)

Данная конструкции близка к рассмотренной выше схеме с тем лишь различием, что модуль сравнения в этом случае выражен именем прилагательным в форме компаратива: *Мон векчи улваез палэнтй но дорам ик – пислэглэсь өжытак гинэ бадзымгес бурдо – учы* (Загр., 296). ‘Я только отодвинул ветку, как рядом с собой обнаружил соловья – птицу, величиной немногим больше синицы’; *Иське, музьемлэсь, огъя ужлэсь тыныд дуногес со кыныосыд, чуфырнасыд* (Лом., 141). ‘Значит, твои хариусы и пескари для тебя важнее, чем земля, общее дело’; *Азбарлэн пыдлоназгес мунчолэсь өжытак гинэ бадзымгес корка пуктэмын* (Сам., 226). ‘В глубине двора выстроен дом, лишь немногим больше бани’;

в) (N_N)+(N_Abl) [но] + A

При употреблении данных сравнительных конструкций предмет сравнения занимает препозицию по отношению к эталону сравнения, выраженному формой разделительного падежа: *Чебершур вашкала гурт ке но, милям Садовой ульчамылэсь пичи, – малта Дима* (Загр., 358). ‘Хотя Чебершур и древнее поселение, но оно меньше даже нашей Садовой улицы, – думает Дима’; *Вань меда дуннеын сяськаос италмас сяскалэсь чеберез* (Загр., 378). ‘Есть ли на свете цветы, красивее цветка италмас’. Как и в предыдущих случаях, в данной сравнительной конструкции также могут присутствовать усилительные частицы: *Яратон, пе, кулонлэсь но кужмо* (Лям., 241). ‘Говорят, что любовь сильнее смерти’; *Та вукырем жсужыт адямилэсь но мур* (АС, 109). ‘Этот овраг очень глубокий (букв. даже глубже высокого человека)’; *Уж зарнилэсь но дуно* (ЕС, 174). ‘Труд дороже золота’;

г) (N_N)+(N_Abl) [но] + A_CMP

При употреблении данных сравнительных конструкций предмет сравнения занимает препозицию по отношению к эталону сравнения, выраженному формой разделительного падежа. Модуль сравнения имеет компаративные маркеры: *Нош йыр вадьсын тилемтэм ин дыдыксин сяскалэсь но чебергес* (Лям., 264). ‘А над головой безоблачное небо красивее, чем цветы незабудки’; *Воронцов мугорын Сергейлэсь жсужытгес* (Гавр., 9). ‘Ростом Воронцов выше Сергея’; *Пуны секталаезъя, оло, Закилэсь но секытгес* (АС, 85). ‘По весу собака, наверняка, превосходила Заки (букв. тяжелее, чем Заки)’; *Мугорын со [Василий Лямин] эшезлэсь лапеггес* (СЕВ, 56). ‘Ростом он [Василий Лямин] ниже своего друга’;

д) (N_Abl) [но] + (N_N) + A

В этом случае эталон сравнения выражается в форме аблатива и занимает препозицию по отношению к предмету сравнения; предмет сравнения может употребляться в форме любого из субъектно-объектных или пространственных падежей. Модуль сравнения выражен именем прилагательным в начальной форме:

Василэсь пияш кужмо, сэзь (Загр., 385). ‘Мальчик сильнее и резвее чем Вася’;

е) $A + (N_N) + (N_Abl)$

В случае, если модуль сравнения имеет количественные или качественные кванторы, он может занимать препозицию по отношению к другим членам сравнительной конструкции. В таком случае, как правило, отсутствуют усилительные частицы в контексте с эталоном сравнения: *Куинь-ньыль ареслы гинэ арлыдо Лёнька Сенькалэсь* (СН, 231). ‘Только на три-четыре года Лёнька старше Сеньки’; *Мар вань умоез лудкечанлэсь* (Сер., 136). ‘Что может быть лучше охоты на зайцев’;

ж) $(N_N) + A + (N_Abl)$

В художественной литературе гораздо реже представлены примеры, когда эталон сравнения, выраженный формой аблатива, занимает постпозицию по отношению к остальным членам сравнительной конструкции: *Синъёсыз чагыр вал инбамлэсь. / Йырсиез ёужгес вал мертчанлэсь* (ЧТ, 27). ‘Его [любимого человека] глаза были яснее (букв. голубее) неба. / Его волосы были золотистыми, как лён (букв. золотистее чем лён)’.

Б. Адвербиальные конструкции

Адвербиальные конструкции во многом напоминают рассмотренные выше адъективные сравнительные конструкции, но в них отсутствует предмет сравнения, т. к. внимание в этом случае акцентируется на процессе / действии:

а) $(N_Abl) [но] + Adv$

В данных сравнительных конструкциях эталон сравнения выражается именами существительными в аблативной форме. Модуль сравнения выражен наречием без компаративных маркеров: *Войналэсь азьвыл ик Онсим кышнояськиз* (СН 17). ‘Онсим женился еще до войны’; *Госпитальын со ёсыны арлэсь ятыр кыллиз* (Перевощ., 438). ‘В госпитале он пролежал более полугода’; *Котьку сямен ик, Лизка калыклэсь бер вуиз* (СН, 144). ‘Как

всегда Лизка пришла позже всех'; *Кык арнялэсь кема ужас со Намерын* (Вас., 78). 'В Намере (название деревни) он [Миша] проработал более двух недель'; *Гогылэсь вылэ уд тэтчы вылэм* (Хайд., 105). 'Выше пупка, оказывается, не прыгнешь'; *Инмарлэсь вылйе тубыны тыришькоды...* (Нян., 132). 'Хотите подняться выше Бога...';

б) (N_Abl) [но] + Adv_CMP

Данная конструкции близка к предыдущей конструкции с тем лишь различием, что модуль сравнения в этом случае выражен наречием в форме компаратива: *Шунды, оло, гужемлэсь но золгес пиштыны турттэ, нош шунытэз ёёл ни* (Загр., 342). 'Солнце старается светить сильнее, чем летом, но тепла уже нет'; *Мае тон сокем-сокемзэ тодйськод, мае мукет адымиослэсь жечгес шёдйськод* (Перевощ., 15). 'Что же такого необычного ты знаешь, что ты чувствуешь лучше других'; *Соку чупыресгес ужалозы, штукатурёслэсь азылогес вуыны турттозы* (Смирн., 182). 'Тогда [электрики] будут расторопнее, постараются выполнить свою работу (букв. приходиться) до штукатуров';

Таким образом, сравнительные конструкции, в составе которых присутствуют имена существительные в форме разделительного падежа, позволяют выражать оценочные суждения по отношению к объективным параметрам окружающего нас мира и выражать отношение говорящего к сообщаемому.

4. Значение причины

Помимо выражения основных семантических значений – атрибутивных и объектных – формы разделительного падежа могут также указывать на значение причины действия, состояния, признака: *Та йыркуро йё куаралэсь Роман Петрович юзырак луиз* (Перевощ., 401). 'Из-за этого гневного (букв. ледяного) голоса Роману Петровичу стало не по себе'; *Пилеш кылёд та принципёслэсь!* (МС, 107). 'Останешься лысым из-за своих принципов!'; *Будильник жингыртэм куаралэсь сайкаса, Витя ёзогак султйз* (Ник., 9). 'Проснувшись от звонка будильника, Витя спешно встал'; *Оло пырем кезьытлэсь, оло корка тыр люкаськем адымиосты адзыса, Таисья кенаклэн мугорыз пересьемем губи кадь шы-*

мырскиз, сюлэмаз кышкан кылдйз (Гряз., 50). ‘То ли от холода, то ли увидев заполонивших избу людей, Таисья сжалась, как сморщенный гриб, в ее сердце закрался страх’; *Таће уйвөттьёслэсь Олялы мөзмыт но кышкыт луйлйз* (Нян., 42). ‘От таких снов Оле становилось печально и страшно’; *Нош ик – пөсекъян. Оло, со – бушлэсь?* (МС, 205). ‘И снова лихорадит. Может быть, это из-за пустоты?’

5. Локально-темпоральные значения

Еще одним периферийным значением разделительного падежа является выражение пространственных и темпоральных отношений. Как и родительный (притяжательный) падеж, удмуртский аблатив в этом случае является ориентиром, по отношению к которому определяется нахождение / расположение другого предмета или по отношению к которому совершается действие: *Ежово гуртлэсь ог километр кемын сылйсь гурезь выжые дугдйз рота* (Гавр., 151). ‘Рота остановилась на подошве горы, расположенной примерно в километре от деревни Ежово’; *Сарапуллэсь ог дас вить иськемын бадъым нюлэсьсын котыртэм гуртын кулакъёс комбедлэсь председательзэ виизы* (Пет., 206). ‘В окружённой густыми лесами деревне, расположенной примерно в пятнадцати километрах от города Сарапул, кулаки убили председателя комбеда’; – *Тани та коръёсты юри милемлы кельтйды луоз, озьы-а? – коркалэсь палэнын кыллись пу материалъёс пала шонтйз* (Гряз., 164). ‘– Эти бревна вы, наверное, оставили специально для нас, – указал он на лежавшие в стороне от дома пиломатериалы’; *Ивашур дуннелэсь палэнын уг сылы, татчы но пöртэм адямиос вуыло* (Крас., 370). ‘Деревня Ивашур не находится в стороне от мира, и сюда заходят различные люди’.

Как отмечает Г. А. Некрасова, в древнепермских письменных памятниках можно обнаружить также случаи употребления аблатива для выражения исходного локального значения, не характерного для синхронии (см. подробнее об этом: [Некрасова 1989: 108]).

Параллельно с выражением пространственных отношений формы разделительного падежа могут актуализировать темпоральные значения. В этом отношении они также выступают в ро-

ли ориентира, по отношению к которым определяются, в частности, (а) временные координаты: *Шунды пуксиз, озьы бере, али укмыслэсь ортчемын уни* (Гряз., 150). ‘Солнце село, значит, уже пробило девять (букв. за девять)’; или (б) возрастные особенности участников действия: *Иванлы ньыльдонлэсь ортчиз уни* (Пет., 211). ‘Иван уже прошёл сорокалетний рубеж’.

6. Ограничительно-заместительное значение

Для удмуртского аблатива характерно также выражение ограничительно-заместительного значения. Следует заметить, что в данном случае в качестве производящей основы выступает форма, содержащая в морфологической структуре адъективный словообразовательный суффикс *-тэм*: *Тырмоз ни, тырмоз, кылтэмлэсь*¹⁷ *кыл эн супыльтэ* (Перевощ., 614). ‘Хватит, достаточно, не болтайте напрасно (букв. не говорите слова из-за отсутствия слов)’; – *Жоген-а кошкод? – кылтэмлэсь кыл кадьгес гинэ юаз Марзан* (Загр., 401). ‘– Как скоро ты уедешь? – пытаюсь заполнить паузу, спросила Марзан (имя девушки)’; *Юлтошез кылтэмлэсь кыл кадь гинэ шуиз: «А ведь мынам арганэ но вань, Василич»* (ПГ, 251). ‘Словно заполняя паузу, его друг промолвил: «А ведь у меня и гармошка есть, Василич»’; *Чорыгтэмлэсь со но чорыг* (Ник., 56). ‘На безрыбье и это рыба’; – *Чаль татчы, чаль, чорыгтэмлэсь тон но чорыг* (Архип., 50). ‘– Давай, иди сюда, иди, на безрыбье и ты [ёрш] сгодишься в качестве рыбы’.

Таким образом, семантическая структура разделительного падежа обладает широкими возможностями, начиная от выражения посессивных и объектных значений, использования аблативных форм в структуре сравнительных конструкций до более узких сфер использования, то как выражение причинных, ограничительно-заместительных и пространственных отношений.

¹⁷ Подобные формы Г. Е. Верещагин рассматривает как словоформы, выраженные заменительным падежом, который обозначает «замену одного предмета другим: *Тон мумытэмлэсь гинэ мумы*. ‘Ты из-за безматерности [т. е. из-за неимения матери] только мать’; *Та корка коркатэмлэсь гинэ корка*. ‘Дом этот только из-за бездомности [т. е. из-за неимения дома] дом’» [Верещагин 1924: 51].

2.1.5. Дательный падеж

І. Морфологическая структура имени существительного в форме дательного падежа

Морфологическим показателем дательного падежа (датив, *сётон каб*) в современном удмуртском языке является суффикс *-лы*, который присоединяется как к именным основам, так и к большинству местоименных основ: *Адямиослы музъем но эрик сётоно* (Перевощ., 495). ‘Людям надо дать землю и свободу’; *Микилы дас ньыль арес сяна өвёл на, нош горд тушо Микол егит Микиен лад-лад вераське* (Лям., 8). ‘Мише исполнилось только четырнадцать лет, а бородатый (букв. с красной бородой) Микол ведет с ним серьезные беседы’; *Марпа Миколлы оске* (Лям., 55). ‘Марфа верит в Мишу’; *Ачид малпа ай: сизьымдон куинь семьялы сыче съод иворез [похоронкаосты] вуттй ук. Сизьымдон куинезлы!* (Лом., 158). ‘Сама подумай: для семидесяти трех семей я принесла такие тяжелые вести [похоронки]. Для семидесяти трех!’; *Со вие артысь юрт съорысь дыртыса потйз Нюра кышноез, съораз – пиосыз. Куинь кузя соос. Бадзьмезлы дас кык-а, дас куинь-а луоз* (АС, 70). ‘В это время из-за соседнего дома появилась его жена Нюра, а за нею – дети. Их трое. Старшему исполнится или двенадцать, или тринадцать’; *Рево нокудйзлы но юанэзлы валэктон сётыны уг быгаты* (Лом., 54). ‘Рево не может ответить ни на один из поставленных вопросов’; *Купец нокинлы но уг оскы тылобурдоез сюдыны* (Леон., 20). ‘Купец никому не доверяет накормить птицу’; *Анай-атаез солы нялтас котьку салам лэзьыло вал, сюлэмшугъясько одйг пизы сяресь* (Серг., 175). ‘Родители часто отправляли ему гостинцы, беспокоились о своем единственном сыне’.

Дативные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, с точки зрения морфологической структуры, характеризуются отсутствием суффикса *-лы*; для форм множественного числа употребление последнего факультативно: *мы-*

ным ‘мне’, тыныд ‘тебе’, милем ‘нам’ (ср. *милемлы* ‘тж’), *тйлед* ‘вам’ (ср. *тйледлы* ‘тж’): *Кулон аяз атай сое [нычалээ] мыным сйиз вал* (Серг., 81). ‘Перед смертью отец завещал его [ружье] мне’; *Коньдон, ю-нянь но мар люканы сюлмаськемед понна гинэ ведь мон тыныд та быдэ корка жэутый* (КМ, 32). ‘Я ведь только за твои заслуги в сборе денег, хлеба заставил построить для тебя такой большой дом’; – *Тйледлы кин?* – *юаз ог 17–18 аресъем нылаш* (АС, 205). ‘– Вам кого? – спросила девушка лет 17–18’; *Отын [Ижевскын] милемлы кема улыны өз кылды* (Лом., 84). ‘Там [в Ижевске] нам не пришлось долго прожить’.

Как правило, лично-притяжательные суффиксы и показатели множественного числа занимают препозицию по отношению к морфологическим маркерам дательного падежа: *Оломарлы мон сое [гожтэтээ] бускелелы, Марфа Тимофеевнаны, возматон кариськи* (Нян., 140). ‘И зачем только я решила показать его [письмо] своей соседке, Марфе Тимофеевне’; *Улэмед потэ ке, аслад кужымедлы гинэ оскы* (Евс., 104). ‘Если хочешь жить, надейся только в свои силы’; *Туннэ музъм ужасъёллы шутэскон нунал сётйзы* (Загр., 390). ‘Сегодня земледельцам дали выходной день’; *Дукъяослы котькытын лыс шуиськом ке, пурьсы юберъёслы котьку льём но палээ мед луозы* (Загр., 329). ‘Если глухари питаются хвоей (букв. для глухарей везде хвоя), то серые скворцы питаются черемухой и рябиной (букв. для скворцов пусть будет черемуха и рябина)’; *Бурдоосыды гинэ вандйсь толэд нокыче уг поты кадь: вылланы жэутйсько, улланы лэзисько* (Хайд., 188). ‘Только птицам пронизывающий ветер словно ни-почем: то взлетают вверх, то опускаются вниз’; *Шуом, соослэн апайёссылы кытчы ке кошконо луэ ке, соосыз уг шугъясько ни: Нинаен Люсяен скальёссэс кыскозы но, сюдозы но* (Ворон., 45). ‘Скажем, если их старшим сёстрам необходимо куда-то отлучиться, они уже не беспокоятся: Нина и Люся и подоят, и на-кормят коров’.

В разных диалектных зонах формы дательного падежа могут отличаться произносительными нормами фонемы *ы(2)*: *ы(2)* – *ь(t)*¹⁸ и др., а также, как уже отмечалось выше, параллельно с аб-

¹⁸ О функционировании вариантов *-ы* в различных диалектах см. также: [Атаманов 2000: 19; Кельмаков 1998б].

лативными и генитивными формами сонорный элемент *л* после субстантивных основ на согласный и в отдельных косвенных формах местоимений замещается сонорным *н*, например, шошм. *т'ръмны* // удм. лит. *турымлы*, *турынлы* 'траве', 'за сеном' (см. подробнее: [Кельмаков 1998б: 121]).

Имеются небольшие колебания и в области семантической нагрузки исследуемой падежной формы, в частности, как отмечает Л. Л. Карпова, «практически во всех говорах среднечепецкого диалекта для выражения цели, причины, мотива действия вместо датива южноудмуртских говоров с показателем *-лы* употребляется сочетание существительного или другого имени в номинативе с послелогом понна 'за, для, ради', ср. напр.: сч. *ву понна мъниз*, южн. *вулы мыниз* 'за водой (она) пошла'» [Карпова 2005: 64].

II. Семантическая структура дательного падежа

Дательный падеж является одним из полифункциональных падежей современного удмуртского языка. Семантические функции данного члена падежной парадигмы в грамматической структуре пермских языков довольно подробно описаны в монографии коми исследователя Г. А. Некрасовой [2002б: 75–103]. В ряде случаев опираясь на ее классификацию, рассмотрим функциональную нагрузку дательного падежа в литературном удмуртском языке.

1. Указание на адресата действия

Основным семантическим значением дательного падежа является выражение значения адресата, или лица, которому адресовано или по отношению к которому направлено действие: *Эх, гожты вал ваньзэ Колялы* (Лям., 410). 'Эх, написать бы все это Коле'; *Пиезлы юрттэмез нош уг лу* (Конов., 51). 'А помочь сыну не может'; *Мики эшъёсызлы вазиз: юрттэ, лыктэ, пе* (Лям., 9). 'Мики обратился к друзьям: приходите, подсобите, мол'. *Коньылы маза уг сёто коёоос* (Загр., 329). 'Белке не дают покоя сороки'; *Нош Нинаезлы возматскыны таки ёз дйсьты* (Перевощ., 411). 'А показаться своей Нине он таки не осмелился'; *Поликар-*

пов егит дышетйсьлы мукет уж сётйз (Вал., 94). ‘Молодой учительнице Поликарпов дал другое задание’.

В контексте с послелогом *пумит* ‘против’ имена существительные в форме дательного падежа могут указывать на адресат противодействия: *Эксе́йлы пумит, се́кыт улонлы пумит султйсь адымиосты кезьыт Сибире татй келялозы вылэм* (Лям., 21). ‘Людей, восстающих против царя, против тяжелого ига по этой дороге (букв. здесь) отправляли в Сибирь [в ссылку], бывало’; *Куанеръёслы пумит луысал ке, [Бажунин] Кион Оле доры пырысал со* (Лям., 88). ‘Если бы [Бажунин] был против бедных, он зашёл бы к Кион Оле’; *Тёллы пумит сылйсь юн пужым сямен, [Лида] се́кыт арьёслы но сётскымтэ* (Смир., 44). ‘Подобно крепкой сосне, стоящей против ветра, [Лида] не сдалась трудностям (букв. тяжёлым годам)’.

Следует однако заметить, что конструкции с указанным послелогом могут использоваться и в темпоральном значении, напр.: *Мон, конечно, уг уल्याськы тонэ... Кытчы уйлы пумит?* (Перевощ., 384). ‘Я, конечно, не прогоняю тебя... Куда ты на ночь глядя’; *«Кытчы со [Кутявин] жьытлы пумит?» – малтаз Старков* (Смирн., 96). ‘Куда это он [Кутявин] на ночь глядя?’ – подумал Старков’.

2. Бенефактивное значение

В отличие от актуализации значения адресата действия, бенефактивное значение (*бенефактив* – актант, для которого, в пользу которого совершается действие) указывает на лицо, структурную единицу, в пользу которого совершается действие: *Италмас муртлы ужаса ветлэ* (Конов., 49). ‘Италмас (имя девушки) работает на чужих’; *Ва тупал калык Бековлы ужа* (Лям., 7). ‘Жители, проживающие по ту сторону реки Валы, работают на Бекова’; *Баграш-Биграйсь удмурт пужыяськись нылкышноос сярысь Людмила Савельева Удмурт телевиденилы телеочерк но дасяз* (СС, 213). ‘Людмила Савельева подготовила и телеочерк для Удмуртского телевидения об удмуртских вышивальщицах из деревни Баграш-Бигра’.

Как отмечают современные исследователи, дополнение может называть конкретного бенефицианта только в тех случаях, ко-

гда в позиции дополнения стоит одушевленное референтное имя: «В роли дополнения всегда выступает одушевленное существительное, обозначающее носителя сознания» (см. подробнее: [Воейкова 1996: 69]).

3. Субъектное значение

Как и ряд других косвенных падежей удмуртского языка, дательный падеж может выражать субъектное значение. При этом, следует заметить, что «субъектность, находящая выражение в формах косвенных падежей, всегда так или иначе «снижается в ранге» по сравнению с субъектностью, выраженной в форме именительного падежа, потому что на денотативно-понятийную основу семантики наслаивается тот или иной оттенок объектной языковой интерпретации, связанной с формой дополнения» [Бондарко 1992: 48]. Реализация субъектного содержания в безличных конструкциях через именные компоненты в форме дательного падежа широко представлена и в других языках, в частности, русском (см. об этом: [Пупынин 1992: 48–63]).

Субъектное значение, выражаемое дательным падежом в литературном удмуртском языке, может быть представлено в следующих конструкциях:

а) в безличных предложениях со сказуемым, выраженным категорией состояния. Предложения этой группы чаще всего используются для сообщения о физическом/психическом состоянии лица: *Аннок доры мыныны Дималы возьыт вал* (Загр., 402). ‘Диме было стыдно подойти к Анне’; *Ма нэнэзлы но, Огаш кенаклы, туж каньыл, шуныт соос вёзын* (Перевощ., 447). ‘Да и ее матери, тете Огаш, тепло и уютно рядом с ними’; *Иосиф Алексеевичлы семьяезтэк мёзмыт* (Лям., 270). ‘Скучно Иосифу Алексеевичу без семьи’; *Бадяровлы секыт дыръя кы́е сюлмаськылйз, уйбыт-уйбыт дораз пукылйз* (Лям., 230). ‘Когда Бадярову было тяжело, как же [Галя] переживала, все ночи напролет просиживала рядом’; *Нош котьма ке но, Дималы умой татын* (Загр., 400). ‘Несмотря ни на что, Диме здесь нравится’; *Кык-куинь нунал ёоже туж шулдыр отпуске бертэм адымилы* (Гряз., 135). ‘Человеку, приехавшему на два-три дня в отпуск, здесь очень хорошо’.

При уточнении темпоральных характеристик действия в исследуемых конструкциях могут употребляться глаголы-связки, которые актуализируют также признаки статического или динамического характера: *Дималы тае кылзыны секыт вал* (Загр., 383). ‘Диме было тяжело это слышать’; *Ириналы кёшкемыт луиз, Петя борды жиптийськиз* (Гряз., 230). ‘Ирине стало страшно, она прижалась к Петру’; *Оломар луиз Гироклы* (Хайд., 54). ‘Что-то случилось с Гироком’; *Петр Васильевичлы туэ ёжытак капчигес луиз кадь* (Лям., 371). ‘Петру Васильевичу, кажется, в этом году стало легче’; *Пичиослы ватскемен но шудыны луоз* (Гряз., 161). ‘Детям можно будет поиграть и в прятки’;

б) в предложениях, в которых сказуемое представляет собой модальный предикатив со значением долженствования. В этом значении в системе современного удмуртского языка имеется ряд конструкций, в которых семантический субъект (соответствует агенсу) оформляется формой дательного падежа и участвует в актуализации модальности долга, модальности вынужденности и модальности принуждения.

В частности, модальность долга предполагает субъективную необходимость какого-либо действия, когда оно является императивом для агенса по мнению говорящего: *Егитъёслы улыны кулэ, нош милемлы, чындйсь сэрегумъёслы, сюрес татчы гинэ кылемын на* (Гряз., 123). ‘Молодым надо жить, а нам [старикам] (букв. тлеющим головешкам), дорога осталась только сюда [на кладбище]’.

Модальность вынужденности описывает действия, совершаемые под напором внешних обстоятельств; действия, совершаемые не потому, что агенс этого хотел, но потому, что он не мог добиться своей цели другими средствами. Данный тип модальных отношений в современном удмуртском языке чаще всего выражается:

- глагольными формами на -оно/-ёно: *Ёок ойдо, нылмуртлы анай вёзын улоно өвёл, шуо, калык радъя мед кариськоз со но* (Нян., 75). ‘Ничего не поделаешь, девушке, говорят, не суждено прожить всю свою жизнь при матери, пусть и она выходит замуж (букв. не отличается от других)’; *Нош Дималы туннэ сэзь луоно* (Загр., 356). ‘Диме сегодня следует быть бодрым’; *Дималы аслыз мыныса ётёно вылэм, но гуртысь пиос малы ке интыысьтызы*

но *өз* *вырзълэ*, *нокин* *нокинэ* *өз* *чорты*, *нош* *огназ* *со* *возьдась-кегес* (Загр., 400). ‘Диме самому следовало бы пригласить [девушку], но деревенские парни даже с места не сдвинулись, никто никого [на танец] не приглашал, а он один пригласить [девушку] постеснялся’; *Алексейлы* *ныльдон* *иськем* *вамышъяно* (СЕВ, 17). ‘Алексею необходимо прошагать сорок километров’;

- с помощью конструкций, в структуре которых содержится деепричастие на *-тэк* + *өвөл/ойлась*: *Собере* *Нюралы* *аслыз* *но дыртытэк* *өвөл*, *заводысь* *потыса*, *магазинъестий* *котырсконо*, *созэ-тазэ* *басътоно* (СН, 300) ‘К тому же Нюре и самой надо поторапливаться (букв. нельзя не торопиться): после работы ей еще необходимо пройтись по магазинам, купить кое-что’; *Огилы* *картэзлэсь* *кылзйськытэк* *ойлась*: *нюштыр* *гинэ* *муржолысьтыз* *аракызэ* *поттйз* (Нян., 13). ‘Оги пришлось подчиниться мужу: она неспешно вынесла из подполья вино’; или же деепричастие на *-тэк* + *уг* *луы*: *Мумизлы* *соя* [*пиезъя*] *карыськытэк* *уг* *луы* (Пукр., 29). ‘Матери приходится соглашаться с ним [с сыном]’.

Модальность принуждения описывает действия, совершаемые агенсом по воле другого лица и, чаще всего, против его собственной воли: *Вахрушев* *капитанлы*, *нимысьтыз* *эскадрилилэн* *командирезлэн* *воштйсьезлы*, *косэмын* *командировкае* *мыныны* (Гряз., 54). ‘Капитану Вахрушеву, заместителю командира отдельной эскадрильи, было приказано отправиться в командировку’;

в) в предложениях, описывающих ситуацию разрешения и оформленных с помощью конструкций: *яра/уг* *яра* ‘можно/нельзя’+ инфинитив: *Мон* *кадь* *адямиослы* *трос* *малпаськыны* *уг* *яра* (Гряз., 217). ‘Таким людям, как я, нельзя много размышлять’;

г) в предложениях, актуализирующих потребность агенса в ком- или чем-либо и выраженных конструкциями со словоформой *кулэ* / *кулэ* *өвөл* ‘надо/ не надо’+ имя существительное/местоимение: *Рабочийёслы* *нянь* *кулэ*, *эиъёс* (Лям., 72). ‘Рабочим нужен хлеб, товарищи’; *Коньылы* *али* *кыз* *чыжсинъёс* *кулэ* *өвөл* (Загр., 329). ‘В это время года белки не нуждаются в еловых шишках’; *Тон* *калыклы* *кулэ* (Загр., 299). Ты нужен народу; *Аслым* *гинэ* *өвөл*, *мушъёслы* *но* *ву* *кулэ* (Загр., 348). ‘Вода нужна не только мне, но и пчелам’; *Огназ* *йырызлы* *малы* *мунчо* *кулэ* *на* *солы* (Хайд., 125). ‘На что ему одному нужна баня’; *Та* *дыре* *Петялы*

нокин но, номыр но кулэ ой вал ни (Гряз., 231). ‘В этот период жизни Петя уже ни в ком и ни в чем не нуждался’.

Следует заметить, что в конструкциях данного типа употребление форм дательного падежа характерно не только для лексико-семантического разряда одушевленных существительных, но в качестве агенса могут восприниматься и неодушевленные имена: *Коркалы гур кышномурт сярысь но зол кулэ* (Хайд., 12). ‘В доме печь нужна больше, чем даже женщина’; *Адзиськод ук, куазь пöсь улэ, улмопулы трос ву кулэ* (Вас., 50). ‘Ты же видишь, погода стоит жаркая, для яблони нужно много влаги’;

д) в ряде случаев имена существительные, выраженные формами дательного падежа, могут указывать на субъект восприятия, при котором в предложении содержится указание «на лицо, получающее или имеющее те или иные впечатления, мнение, оценку, состояние от восприятия предмета, соприкосновения с ним» [Некрасова 2002б: 92]: *Изнэслы иназ öз мыны* (Хайд., 45). ‘Изнэсу (кличка лошади) не пошло на пользу’; *Микалялы уг удалты* (Хайд., 52). ‘Микалю не везет’; *Володялы та сяськаос туж кельшо* (Смирн., 71). ‘Володе эти цветы очень нравятся’; *Катериналы, конечно, тазы ныльёсты дорам нуллэме öз кельшы* (Нян., 108). ‘Катерине, конечно же, не нравилось, что я приводил домой девушек’.

При актуализации субъекта восприятия посредством форм дательного падежа широко распространены конструкции, содержащие в своей структуре лексему *потыны* ‘в знач. казаться, показаться и др.’: *Дималы бабушезлэн киренен сюкаsez ческыт потйз* (Загр., 36). ‘Диме понравилась (букв. показалась вкусной) приготовленная бабушкой окрошка с хреном’; *Петялы та сюрес городын выллем потэ, дыр* (Гряз., 214). ‘Эта дорога напоминает Пете городскую дорогу (букв. кажется как в городе)’; *Анаез кадь потэ Дималы пальпотйсь тусо кышномурт* (Загр., 397). ‘Эта улыбчивая женщина напоминает Диме мать (букв. кажется как его мать)’; *Горейлы быдэс дунне кырза кадь потэ* (Пет., 11). ‘Горею кажется, что весь мир наполнен музыкой (букв. слов-но весь мир поёт)’; *Туж мусо но чебер потэ Валялы нылыз* (Лом., 88). ‘Очень милой и красивой считает свою дочь Валя’.

4. Объектное значение

Формы дательного падежа широко используются также для выражения объектных значений, которые могут содержать:

а) указание на объектно-целевые отношения. Так, в контексте с глаголами движения имена существительные в форме дательного падежа чаще всего указывают на **объект цели** действия, где цель рассматривается как предвосхищение результата, на достижение которого направлены действия, его мысленная модель. Следует заметить, что объективный результат как осуществленная цель может содержать некоторый момент несовпадения с субъективной целью: *Няньлы асьтэос-а вуоды?* (Лям., 91). ‘За хлебом вы сами придете?’; *Ми шиферлы лыктйм* (Хайд., 42). ‘Мы приехали за шифером’; *Озьы малпаса, со ури-бери билетлы кошкиз* (Перевощ., 208). ‘Думая об этом, он спешно пошел за билетами’; *Соос али няньлы бертэмын* (Лям., 138). ‘Они сейчас вернулись домой за хлебом’; *«Пумиським, лэся, Кион уром!» шуыса, ачиз пыйаллы пыриз* (Загр., 336). ‘Вот мы и встретились, Волчище! – с этими словами он зашел в дом за ружьем’.

Данное семантическое значение может также употребляться с некоторыми статичными глаголами: *Быдэс час мында лызэктэм куреглы сый-сый но, сое но быдтйзы* (Нян., 134). ‘Я около часа простояла за посиневшими курами, но даже их успели раскупить’.

Выражая объектно-целевые отношения, падежи не ограничены в дистрибуции: они сочетаются с любыми одушевленными и неодушевленными именами, называющими предмет, способный быть объектом целенаправленного движения. Помимо дативных форм объектно-целевые отношения могут выражаться с помощью послелогов *дуре* ‘к, на, по, за’, *доры* ‘к, за’, *понна* ‘за’. Как отмечает Г. А. Некрасова, «во всех финно-угорских языках выделяется группа послелогов, используемая для выражения причинно-целевых отношений. В большинстве случаев они служат для выражения мотивации действия, совместного выражения цели и причины, хотя функционируют и послелого, выражающие только финальные или каузальные отношения» [Некрасова 2008: 133];

б) указание на **объект назначения**: *Сйлылы сётоно вал но [валээ], уз басътэ, дыр* (Загр., 352). ‘Надо бы ее [лошадь] сдать на мясо, но, наверное, не примут’; *Соин кидыслы кельтэм картоф-казэ [Михаил] быдэн ведра сётйз, со понна номыр но өз басьты* (Лям., 362). ‘Поэтому [Михаил] [каждой из них] дал по ведру картошки, оставленной на семена, ничего не взяв взамен’; *Нош тодьы кызыпуос лянэслы, вениклы, чагтыллы дась сыло* (Лям., 69). ‘А белые березы пригодны (букв. стоят готовыми) на изготовление туесков, веников, лучин’; *Коньдонэз уждунлы коть мыноз шуизы* (Хайд., 103). ‘Сказали, что деньги пойдут на зарплату’; *Табере тани кык воргоронъёс бакча бераз бугро цупо. Виль мунчолы, пе.* (Хайд., 125). ‘Теперь за огородом двое мужчин рубят сруб. Говорят, на новую баню’; *Мон солы тани таёе пужыятэм ныркышет синпельлы сёто* (Загр., 385). ‘Я подарю ему вышитый носовик на память’; *Берло аръёсы гинэ пуктэмын куинь сю мурт тэрымон клуб, библиотекалы юрт* (Вас., 82). ‘Только за последние годы [здесь] построили клуб на триста посадочных мест, здание для библиотеки’;

в) указание на **объект количественной разницы**: *Малпасько, вить-куать центнерлы ятыргес люкаськоз* (Перевощ., 637). ‘Думаю, что центнеров на пять-шесть наберется больше’; *Петя возьма, ма кароз кык тубатлы выльйынгес сьлйсь пияш* (Гряз., 260). ‘Петя ждет, что предпримет мальчик, стоящий на две ступеньки выше’; *Шор площади вуыса, мынон сюрес вылысьтымы укмыстон градуслы кожиськомы но, Опера на балетъя театр но ЦУМ дортй ортчыса, тымет дуре васькиськом* (МС, 68). ‘Дойдя до Центральной площади, мы сворачиваем на девяносто градусов и, пройдя вдоль зданий театра Оперы и балета, ЦУМ-а, спускаемся к пруду’; *Эхма, кызь манетлы усисько ке усисько* (КГ, 107). ‘Что же, уступлю так уступлю на двадцать рублей’; *Мичковский ог дасо ареслы Кузьма Ивановичлэсь егитгес* (СЕ, 67). ‘Мичковский лет на десять моложе Кузьмы Ивановича’;

г) указание на **объект меры стоимости**: *Аран машиналы куамын, кутсаськонлы витьтон манет тыри* (Пет., 11). ‘За жнейку заплатил тридцать рублей, за молотилку – пятьдесят’; *Жеч полушалоклы одйг стакан жожон пызь сётйз* (Лям., 363). ‘За хороший полушалок она [Оксинья] дала стакан толочка’;

д) значение **объекта сопоставления**: *Кыралын кыче ке жсы-ныё-урдсо но жсужыт, ваикала Римысь Колизейлы кельшись из борддор сылэ* (МС, 94) ‘На пустыре возвышается (букв. стоит) недостроенная, но похожая на высокий древнеримский Колизей, каменная стена’; *Лабиринтлы укшась юртлэн мукет висъетаз дыртйм асьмеос* (МС, 120). ‘Мы спешно направились с тобой в другую комнату дома, который был похож на лабиринт’; *Учкыса, конечно, сыче мылкыд уг кельты, интеллигентлы укша* (Нян., 86). ‘Глядя [на него], он оставляет другое впечатление, скорее похож на интеллигента’; *Елагин узыгыумылы кельшись труба пыр учкыса сылэ* (Конов., 79). ‘Елагин стоит, всматриваясь в трубу, напоминающую дягиль’;

е) пересекаясь с вышеуказанным значением, имена в форме дательного падежа могут указывать на **объект превращения**: *Кöня турынэз кыедлы пöрмытйöд* (Хайд., 116). ‘Сколько сена ты перевел в навоз!’; *Ар кусын Любалэн вöрдосэз [пуны] чебер пунылы пöрмиз* (СН, 105). ‘За год Любин питомец превратился в красивую собаку’; *Туспуктэмъёс шоры учкисько но – син азям пуксе, шонергес вераса, син шорам кадръёс вошъясько, кытын одйгысьтыз туспуктэм вылысь пинал чебер нылаш пумен но каллен мöйы кышномуртлы берытске* (МС, 126). ‘Смотрю на фотографии: один за другим сменяются кадры, и я вижу, как молодая красивая девушка постепенно превращается в пожилую женщину’; *Тазы выронъямы сцена машина кузовлы пöрмиз но, машина интыысьтыз вырзиз* (МС, 148). ‘Пока мы копошились, сцена превратилась в кузов машины, и машина тронулась с места’; *Куке но азъвыл кышкыт, кулон ваись танк пуны карлы пöрмиз* (Загр., 311). ‘Еще недавно устрашающий и приносящий смерть танк превратился в собачью конуру’;

ж) указание на **объект отношения**, под которым понимается «указание на лицо (предмет), на которое направлена психологическая реакция субъекта, отражающая его отношение к предмету» (см. подробнее: [Некрасова 2002а: 174]): *Кузь Максимлы но чик воже уг поты* (Хайд., 111). ‘И на Долговязого Максима я зла не держу’; *Зангари, тани та адями вуюислы уг оскы* (Загр., 384). ‘Зангари (имя девушки), этот человек не верит в магическую силу радуги (букв. в радугу)’; *Адямиос сое [веранэз] шудо улонлы оскыса кылдытйллям* (Загр., 384). ‘[Эту легенду] люди придумали с

надеждой на счастливую жизнь'; *Со шулдыр кырзась шырчикъёс пыр ожысь бертэм солдат шудлы, вормон нуналлы осконзэ возьматӥз* (Загр., 294). 'Через трель соловьев возвратившийся с поля боя солдат показывал свою веру в счастье, в победу';

з) значение **объекта достижения** (или **объект-результатив**): *Али сварщиклы дышетске, пумын ужа но* (Гряз., 214). 'Сейчас он учится на сварщика, одновременно работает'; *Физикаен экзамене «витьлы» сётӥ* (Гряз., 20). 'Экзамен по физике я сдал на отлично'; *Кулон аяз бадӥым пизэ, Семонэз, аслаз ужезлы визьнодаса вуттӥз* (Хайд., 159). 'Перед смертью он успел обучить старшего сына, Семона, своему ремеслу'; *Галяез вань экзаменъёссэ «витьлы» сётӥз* (Перевощ., 335). '[Его] Галя все экзамены сдала на отлично';

и) **собственно-объектное** значение: *Нош туэ ар понна кышноез, Пакаез, газетлы гожтӥськымтэ* (Нян., 92). 'А в этом году его жена, Пака, на газету не подписалась'; *Пельгалан мунчозы но ужаз, улон юртъёсын вулы но өвӧл ёрмиллям, столоваязы но таӵе кырсь ой вал* (Перевощ., 701). 'В Пельге и баня работала, в жилых домах не было проблемы с водой, да и в столовой не было так грязно'; *Но ведь Брежнев дырӟа сакырлы но, майталлы но ёрмись ой вал* (Перевощ., 517). 'Но ведь во времена Брежнева не нуждались ни в сахаре, ни в мыле'; *Ачим но егит дырӟа сиёнлы бырйиськись вал* (Нян., 157). 'Я и сама в детстве была привередливой к еде'.

5. Посессивные значения

В системе современного удмуртского языка дательный падеж может также использоваться для выражения посессивных значений, указывая при этом на:

а) обладателя личной принадлежности (включая объекты неотторжимой принадлежности): *Дас куинь арес вал Леканлы, кышнозэ вайыкуз* (СН., 6). 'Лекану было тринадцать лет, когда он привел жену'; *Ӟапак дас арес вал ни соку Оберьянлы* (СН., 185). 'Оберьяну тогда было ровно десять лет'; *Визьмо ӟуч пи, кыллы но, ужлы но сзэь* (Лям., 21). 'Умен русский мальчишка, и на слова, и на дело прыток';

б) дистрибутивную множественность: *Котькуд сзреглы – пи-осмурт* (Гряз., 163). ‘Мужчины распределились по углам (букв. На каждый угол – по мужчине)’; *Вить волостылы одйг доктор вал* (Лям., 359). ‘На пять волостей был один доктор’; *Завучлэн верамезъя, вить-куать дышетскисьлы одйг гинэ учебник* (Ворон., 30). ‘По словам завуча, на пять-шесть учеников [приходится] только один учебник’.

Данное значение наиболее ярко выражается в контексте с послелогом *быдэ* – послелог в значении ‘на, по, каждый’: *Жёклы быдэ бадзым самоварын шунтэм кумышка* (Лям., 64). ‘На каждом столе разогретый в самоваре самогон’; *Со аре курег пуз люканы быгатйз ик Лизка, юртлы быдэ быдэн оген-кыкен ке но шедьтйз* (СН, 147). ‘В тот год Лизка смогла-таки собрать яйца, из каждого хозяйства ей удалось получить по несколько (букв. одно-два) яиц’; *Оло озьы, оло тазыы, нош йуказеяз милям гуртамы туж трос шырчик умортоос кылдйзы – писпулы быдэ сямен* (Загр., 294). ‘Так или иначе, но к завтрашнему дню в нашей деревне появилось множество скворечников – чуть ли не на каждом дереве’; *Жытьёсы коркалы быдэ аран праздник лэсьтыло* (Лям., 223). ‘Вечерами в каждом доме устраивают праздники по случаю окончания полевых работ’;

в) социативную принадлежность: *Городын улыса вылысь, институтын дышетскыса вылысь, пйй, кыче ке шофёрлы бызиськод* (Перевощ., 337). ‘Проживая в городе, получив институтское образование, дескать, выходишь замуж за какого-то шофёра’; *Сандра апай, картлы бызыыкуды, кёня арес вал ини тйледлы?* (Загр., 8). ‘Тетя Сандра, сколько лет вам было, когда Вы выходили замуж?’;

г) адресат каузируемого действия. Данное значение реализуется при глаголах волеизъявления типа *дэмланы* ‘рекомендовать’, *чектыны* ‘предложить, рекомендовать’, *косыны* ‘велеть, приказывать, заставлять’. Следует однако заметить, что в последнем случае представлены лишь единичные примеры употребления дативных форм: *Котькуд воинлы косэмын вал кызпу туй, юрсир но кык сажень кенер тэчет даяны* (Гриш, 108). ‘Каждому воину было приказано подготовить бересту, смолу и две сажени поперечин’. В современном удмуртском языке, в отличие от коми языков, каузируемый субъект при глаголе со значением ‘велеть,

приказать, заставлять' намного чаще реализуется посредством аккузативных форм: *Со дырысен тѳороос адымиосыз ог-огзэс сак эскерыса улыны косо* (Пукр., 33). 'С тех пор старейшины заставляют людей пристально следить друг за другом'; *Гурт калыкез сур, кумышка пѳэтыны косйзы* (КМ, 233). 'Жителей деревни заставили делать квас и варить самогонку'. Ср.: *Борис... тийѳктис налы мыссыны* 'Борис... велел им умыться' (пример по: [Некрасова 2002б: 80]);

д) сегментные / составные части явления, процесса: *Шумпонтонлы, вераськонѳэслы пумыз-йылыз ѳй вал* (Конов., 50). 'Не было конца и края радости, разговорам'; *Вераськонлы вис луиз* (Лям., 233). 'В разговоре (букв. разговору) наступил перерыв'.

6. Темпоральные значения

Среди периферийных значений дательного падежа можно отметить его функционирование при выражении темпоральных отношений. Как показывают примеры из художественной литературы, дательный падеж в системе современного удмуртского языка при выражении темпоральных отношений может содержать:

а) указание на промежуток времени, в течение которого выполняется действие: *Иванэз куинь нуналлы Иже, семинаре, ѳтизы* (Перевощ., 700). 'Ивана на три дня пригласили в Ижевск на семинар'; *Галя нылзэ кѳня ке часлы бускель эшѳэссы доры келляз* (Перевощ., 334). 'Галя свою дочь оставляла на несколько часов у соседей'; *Бен озьы арлы коть кылысал на, дыр, кин ке доры интыяськысал* (Перевощ., 508). 'В таком случае я бы, наверняка, осталась еще хотя бы на год, усроилась бы у кого-нибудь'; *Одѳйг арлы академическое курыськоно-а, мар-а?* (Перевощ., 333). 'Может быть, на год попроситься в академический отпуск?'; *Огдырлы вунэтѳй мон со сярись малпаськонме* (МС, 25). 'На время я перестал думать о ней'; *Буханказэс соос арнялы нуйтыны вераськызы* (Перевощ., 115). 'Буханку хлеба они договорились растянуть на неделю'; *Собере кузѳзы куинь нуналлы Муское кошкыз* (ПГ, 45). 'Потом их хозяин на три дня отправился в Москву'; *Николайлэн витѳыны дырыз ѳй вал, райкомысь бертыкуз, ог дасо минутлы гинэ дораз кожаз* (Пер., 100). 'Времени на ожидания у

Николая не было; на обратной дороге из райкома он минут на десять забежал домой’;

б) указание на временные координаты (границу), которым предшествует осуществление действия: *Эх, калтак, Вьль арлы пельнянь кутыны парсь макес ваёно ук* (Хайд., 47). ‘Эх, к Новому году надо купить (букв. принести) свиной окорок, чтобы состряпать пельмени’; *Вьль арлы вьль шыд пöзтыса вуттом* (Хайд., 48). ‘Успеем сварить к Новому году новый суп’;

в) указание на объект количественной разницы с точки зрения временных координат: *Укмыс ареслы, укмыс толэзылы но укмыс нуналлы пиналгес нылашез кельыштыртүз Исскан* (Хайд., 17). ‘Исскан влюбился в девушку, которая старше него на девять лет, на девять месяцев и девять дней’; *Редакцие котькинлэсь вазь – часлы-мар вазьгес вуэ* (Перевощ., 285). ‘В редакцию он приходит раньше всех, примерно на час раньше других’; *Одйг ареслы мон тынэсьтыд бадžымгес* (Загр., 357). ‘Я старше тебя на один год’; *Витя Корепанов Санко сярись но, Миша сярись но оз ньыль ареслы вöжогес, дыр: котькуд классын кык арен пукылы ай но* (СН, 75). ‘Витя Корепанов, наверное, года на четыре старше Саши и Миши: посиди-ка в каждом классе по два года’; *Та кышномурт оз кык-куинь ареслы гинэ егитгес* (СН, 127). ‘Эта женщина лишь на два-три года моложе’; *Лади сярись Анют оз дас ареслы егитгес ке но, секыт ужаменыз, шöдске, Ладиен одйг ёз адске* (Нян., 8). ‘Хотя Анюта лет на десять младше Лади, видимо, из-за постоянной тяжелой работы, они кажутся ровесниками’;

г) с послелогом *быдэ* – послелог в значении ‘каждый’, а также с лексемой *потэм* – в значении ‘каждый’ формы дательного падежа актуализируют потенциально-узуальное значение, указывающее на регулярность протекания действия, события: *нуналлы быдэ* ‘каждый день’, *арнялы быдэ* ‘каждую неделю’, *арлы быдэ* ‘каждый год’ и др., например: *Уйлы быдэ көшкемыт вöтасько* (Лям., 33). ‘Каждую ночь мне снятся кошмары’; *Їукналы быдэ соос [лэсьтйськисьёс] татчы лыкто* (Смирн., 18). ‘Каждое утро они [строители] приходят сюда’. Ср. также: *Роман табере отчы, Мувыре, нунал потэм ветлйз ни* (Перевощ., 232). ‘Теперь Роман стал ездить в Мувыр каждый день’.

7. Пространственные значения

Семантическое представление, составляющее содержание денотативного слоя значения дательного падежа в пространственном значении, представляет собой интервал, границами которого служат релятумы *Y1* и *Y2*, маркированных формами иллатива и датива соответственно: *Зарубин аслаз штабеныз Уфалы* (*Y2*) *дас ыськемын сылйсь Чесноковкае* (*Y1*) *дугдйз* (Конов., 104). ‘Зарубин со своим штабом) остановился в Чесноковке, расположенной в десяти километрах от Уфы’.

Необходимо подчеркнуть, что именно понятие интервала, а не отрезка, адекватно отражает тот способ структурирования пространства, который заложен в семантике данной падежной формы. В этом же контексте могут употребляться и с послелогогами *матын* – в значении ‘близко, недалеко (инессив)’, *матысь* – в значении ‘близко, недалеко (элатив)’, *матэ* – в значении ‘близко, недалеко’ (иллатив), требующие дативной формы имени существительного. В этом случае субстантивные формы, выраженные дательным падежом, используются в роли ориентира, по отношению к которому расположен субъект действия или совершается действие: *Мон сценалы матэгес кариськи* (МС., 147). ‘Я приблизился к сцене’; *Черклы матэгес кариськыса, ожо вылэ пуксиз* (Гряз., 278). ‘Приблизившись к церкви, он расположился на траве’; *Фазихарлы матысь сопка йылэ тубизы гинэ – кытын ке паллян палан душман орудиос улзизы но вырйылэз шуқырес кутсаны өдъязы* (Перевощ., 433). ‘Как только они поднялись на сопку, расположенную поблизости Фазихара, где-то слева оживились орудия душманов и начали беспощадно стрелять по сопке’.

Указанное значение ориентира актуализируется также в контексте с адвербиальными и несерийными послеложными формами: *Ослы мышкин пукыса, Ондо жёк съёрын гождьяське* (Лям., 35). ‘Расположившись спиной к двери, Ондо пишет за столом’; *Черклы кейёвыл гинэ сылэ сельсоветлэн улыно-вылыно пу юртэз* (Гряз., 216). ‘Наискосок церкви стоит жилой дом, принадлежащий сельсовету’; *Клублы возмин сылйсь корка вадьсаз вуыса, Семон дугдйз* (Пет., 232). ‘Дойдя до дома, расположенного наискосок клубу, Семен остановился’; *Шуэза гурезьлы чалыш ту-*

бонъязы, валзы мар ке ялан чѣмтылыны кутскиз (Сер., 125). ‘Когда они начали подниматься наискосок к Шудьинской возвышенности, их лошадь постоянно начала спотыкаться’. В этом случае в предложении чаще всего представлено статическое действие, в отличие от однонаправленного движение субъекта действия (приближение к чему-либо), выражаемого без участия послеложных и адвербиальных форм: *Та гуртлы матэктэмъязы, Иван нош ик списоксэ поттйз* (Перевощ., 448). ‘По мере приближения к этой деревне, Иван снова достал свой список’; *Но Пельгалы матэктэмезъя, йыраз шӧдтэк шорысь чилектйз*: «Эн ай, нош мугез мукет ке?» (Перевощ., 601). ‘Когда он начал подъезжать к Пельге, в его голове промелькнула мысль: «А что, если причина [кроется] в другом?»’.

8. Выражение причинно-следственных отношений

В числе периферийных значений дательного падежа можно также назвать указание на причинно-следственные отношения. Чаще всего субстантивные формы, выраженные дативом, в этом случае используются в контексте с послелогом *луыса* – в значении ‘из-за, благодаря’: *Комендант – куараезлы луыса, куажи шуисько мон сое – уж дорам чагиськон кагаз ыстэм* (Нян., 79). ‘Комендант, которого из-за его голоса я называю коростелем, написал жалобу по месту моей работы’; *Кыче ке окты-калты йыр вандйсьлы луыса, син азьысь югыт дунне кысоз ук* (Хайд., 104). ‘Из-за какого-то головореза его жизнь погаснет’; *Нош со ошмес синэз Серге шӧдтэк шорысь шедьтйз. Гурт пудоосты возьмакуз, пегась кечлы луыса* (Хайд., 195). ‘А тот родник Сергей обнаружил случайно. Благодаря отбившемуся от стада козе, когда он пас скот’.

Таким образом, семантическая структура дательного падежа относится к числу полифункциональных падежей и обладает широким спектром семантических значений.

2.1.6. Творительный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме творительного падежа

Морфологическими показателями творительного падежа (инструменталь, *лэсьтон каб*) в структуре литературного удмуртского языка являются суффиксы:

а) *-эн/-ен*, присоединяющийся к большинству имен существительных (а также к прилагательным, числительным, местоимениям, причастиям при условии их словоизменения) в форме единственного числа: *Юркаез атаез легковой машинаен станцие келяз* (Крас, 202). ‘Отец проводил Юрку до станции на легковой машине’; *Петя ассэ пеймыт гуын пукем ко́чышпиен чошатйз* (Гряз., 229). ‘Петя сравнил себя с котёнком, который просидел в тёмной яме’; *Корам пуоссэ нинэн керттйз но горд-горд сылйсь палэзьну доры вамыштйз* (Петр, 5). ‘Он перетянул срубленные ветки и направился к рдеющей красными ягодами рябине’; *Соин ик тямыс машина интые дас куатеныз ужалод* (СЕВ, 64). ‘Поэтому будешь работать не на восьми, а на шестнадцати агрегатах’;

б) *-ын*, присоединяющийся к определенным лексемам современного удмуртского языка, а также к именам существительным (прилагательным, числительным, местоимениям, причастиям при условии их словоизменения) в форме множественного числа: *Зэм, мугорын мынэсьтым лапкогес* (Пукр., 5). ‘Да, телосложением он [будет] меньше меня’; *Мумиз [Ложкинлэн] кык пиналын кылиз* (Смирн., 109). ‘Мать [Ложкина] осталась с двумя детьми [на руках]’; *Собере кутскимы посылкаосын ящикъёс борды* (Крас, 307). ‘Потом [мы] принялись за ящики с посылками’;

в) *-ин*, функционирующий в морфологической структуре нескольких субстантивных словоформ, а также отдельных местоименных основ: *Пислэг чукнаысен пиньгетэ – уйин возьма кезьытэз* (Инг., 297). ‘Синица щебечет с утра – ночью жди похолодания’; *Соин артэ дас ныль этажен юртъёс сыло* (Смирн., 112).

‘Рядом с ней [гостиницей] возвышаются четырнадцатизэтажные дома’; *Övöl, Rаялы номырин уг кельшы* (Крас., 302). ‘Нет, на Раю [Анна] ничем не похожа’;

г) *-эны/-ены, -ыны, -ины*, которые присоединяются к именным и местоименным основам в случае прижательного склонения: *Нырысь нуналэ но та туфлиосыныз ик вал* (Смирн., 10). ‘[Оля] и в первый день [их знакомства] была в этих же туфлях’; *Сомында пиос будэтйм ке, Митялэн айиныз чош кёй вылын гинэ уяй кожаськод-а?* (Смирн., 146). ‘Или ты думаешь, что если на ноги мы поставили столько сыновей, мне было очень легко с Митиным отцом (букв. я каталась в масле с Митиным отцом)?’

Морфологический маркер творительного падежа, как правило, находится в препозиции по отношению к лично-притяжательным суффиксам и в постпозиции к формальным показателям множественного числа: *Эн сюлмаськы, редактореныд мон* [Соловьёв] *вераськи уни* (Евс., 108). ‘Не беспокойся, с твоим редактором я [Соловьёв] уже договорился’; *Собере жингрес крезьгурьёсын вылез тулыс вуиз* (ПГ, 127). ‘Затем наступила новая весна со звонкими мелодиями’; *Эшъёсыным танк пала нюжтйськиськом* (Загр., 310). ‘Вместе с друзьями мы ползем по-пластунски в сторону танка’; *Бакчаосынызы пёрмытскыса, соос корказы вёзысь пичи бакчазы данак емышо пистуос но куакъёс мертйзы* (ПГ., 126). ‘Управившись со своими огородами, на небольшой участок земли (букв. в маленьком огороде) рядом с домом они посадили фруктовые деревья и кустарники’; *Бускельёсынызы соос* [Конюховъс] *туж тупаса уло* (Лом., 81). ‘Со своими соседями они [Конюховы] живут дружно’.

Что касается диалектных особенностей морфологических маркеров творительного падежа, наличием вариантов характеризуются суффиксы с *ы*-овой огласовкой, т. к. в этом случае они могут отличаться произносительными нормами фонемы *ы(2)*: *ы(2) – ъ(t)* и др.

II. Семантическая структура творительного падежа

В системе современного удмуртского языка творительный падеж вместе с дательным падежом является одним из самых полифункциональных падежей и обладает широким спектром значений.

1. Инструментальное значение

Среди объектных значений удмуртского творительного падежа, как подчеркивает финский исследователь Р. Бартенс, инструментальное значение является наиболее древним: «Instrumentaali on kantapermiläisenä kaasuksena ollut ennen kaikkea instrumentin tai keinon ilmaisija» [Bartens 2000: 98].

Инструментальное значение в современном удмуртском языке может указывать на:

а) подчиняющийся субъекту действия отчуждаемый или неотчуждаемый предмет, с помощью которого выполняется действие: *Нош со куспын машина дугдйз, ёссэ усьтыса, кин ке мычискыз но мыным кыныз шоназ* (Крас., 211). ‘А тем временем машина остановилась, и кто-то, открыв дверь, высунулся и помахал мне рукой’; *Чочия пал ведраен шурысь ву тубытья* (Крас., 216). ‘букв. Чочия одним ведром поднимает воду из реки’; *Зарниямтэ пуньыен сиськыса но кёты тыре* (Смирн., 148). ‘Я наедаюсь, хотя кушаю ложкой без позолоты’; *Нош ик дөдьыез тросэн шедьытм* (Крас., 307). ‘Снова сани зацепили тросом’;

б) предмет, являющийся средством передвижения: *Огпол салазкиен нискылань дасяськи* (Евс., 12). ‘Однажды я решил покататься на салазках’; *Витыьмтэ шорысь Семи виль лымы вылтй пал куасэн нискылтэм пытьыез адйиз* (Загр., 346). ‘Неожиданно на только что выпавшем снегу Семи заметил след, словно кто-то прокатился на одной лыже’; *Мон яратйсько катерен уяны* (Смирн., 61). ‘Мне нравится кататься на катере’; *Али со [Старков] таксиен но ой вуысал ни, сеанс кутскемын* (Смирн., 98). ‘Теперь он [Старков] уже не успел бы даже на такси – сеанс уже начался’.

2. Комитативное значение

Еще одним из самых распространенных значений творительного падежа в синхронии является комитативное значение, которое может содержать:

а) указание на лицо/лица как на равноправного соучастника/равноправных соучастников действия: *Соин ик Лизаен Нюра кенан вуж азбаразы пудо утялтын васькызы* (ПГ, 127). ‘Поэтому тетя Нюра с Лизой отправились ухаживать за скотиной на старое подворье’; *Максим вить аресьем сузэреныз кылем* (Крас., 372).

‘Максим остался со своей пятилетней сестрой’; *Кытысен адзем со милесътым Аннаен пумиськеммес* (Крас., 334). ‘Где он успел заметить наше свидание с Анной’; *Чачабей и Италмас куала азьын бõрдыса пуко вал* (Конов., 26). ‘Чачабей и Италмас сидели перед куалой (родовое святилище) и рыдали’. Данное значение, с точки зрения Р. Бартенс, можно обозначить также как социативное значение (см. подробнее: [Bartens 2000: 98]);

б) уточнение сопроводительного предмета, указывающего на предмет содействующий, сосуществующий: *Киям чемоданэным мон огнам кыли* (Крас., 199). ‘С чемоданом в руках, я остался один’; *Арсений койка вылаз книгаен пуке* (Крас., 297). ‘Арсений с книгой [в руках] сидит на своей кровати’; *Йырзэ õжытак кырыжтыса, Иван синпумтиз адзиз: зõкос папкаен, шоро-куспо арлыдо пиосмурт* (Перевощ., 591). ‘Повернув немного голову, Иван краем глаза заметил: мужчина средних лет с объемной папкой [в руках]’; *Тыбыраз котомкаен, кияз чыж-выль арганэн, Осьып мылкыдтэк усьтйз капка õссэ* (Нян., 20). ‘С котомкой на спине, с новой гармошкой в руках Осьып открыл ворота’; *Со гужем кутсконэ Гави городысь дипломен бертйз* (СН, 259). ‘В начале того лета Гави вернулся из города с дипломом’.

Следует заметить, что в удмуртском языке маркеры *-эн/-ен, -ын, -ин* могут содержаться в морфологической структуре двух соподчиняющихся словоформ, указывающих на равноправных участников одного и того же действия: *Лёгорен Татьянаен одйг койка вылын пуко ни* (Гряз., 229). ‘Егор и Татьяна уже сидят на одной кровати’; *Оло лешакысь-а татчы вуизы соос, – ньыль нылпизы, кышноен картэн* (Сер., 97) ‘И откуда только они сюда приехали – четверо детей, муж с женой’; *Урамтй валэн-уробоен адямиос отрчыло, бусые кидыс ворттыло* (Крас., 309). ‘По улице проезжают телеги (букв. люди с лошадьми-телегами), возят зерно на поля’. В подобных случаях, как отмечает Р. Бартенс, маркер инструментalia выполняет координирующую функцию: «Tässä udmurtin koordinaatorakenteessa kahteen tai useampaankin sanaan liittyä instrumentaalien pääte; jos koordinoituit nimitä ovat subjektiivisenä, predikaatti on monikollinen: *Mišajen Koljaen hulesky gubijany vetlizu*» и др. (см. подробнее: [Bartens 2000: 99]).

Комитативное значение может усиливаться также при помощи послелогов *валче* – послелог в значении ‘вместе’, *ваче* –

последлог в значении ‘вместе, совместно’, *ёош, ёошен* – последлог в значении ‘вместе’, *артэ* – последлог в значении ‘рядом’: *Куинь пёлысь огезлэн патерез футболэн шудымон, кышноеныз ваче гинэ улэ* (ПГ, 223). ‘Из трех [его друзей] у одного квартира очень просторная (букв. можно даже играть в футбол), здесь он проживает только со своей женой’; *Ачиз но [Ложкин] кулонэн артэ ветлэ вал ини, нош солы сётскон сярэсь ёз но малпа* (Смирн., 124). ‘Он [Ложкин] и сам ходил рядом со смертью, однако покориться ей он и не думал’; *Максилы сыёе умой вал та нылэн артэ вamyшъяны* (Нян 47). ‘Максимке было приятно шагать рядом с этой девушкой’; *Зиназы пумитаз соосты нылыныз ёош* (Нян., 25). ‘Зина встретила их вместе с дочерью’; *Надя Веткина кык эшъёсыныз валче лумбыт сямен кукуруза кизёнын вал* (СЕ, 61). ‘Надя Веткина вместе с двумя подругами почти целый день помогала на посевной (букв. севе кукурузы)’.

3. Объектное значение

Кроме вышеуказанных значений, формы творительного падежа участвуют в выражениях ряда объектных значений, среди которых можно выделить следующие:

а) указание на **объект замещения, обмена**: *Калык колхозъёсын трудоденьзылы нянен но, укёён но басьто* (Крас., 216). ‘Трудодни колхозники получают и хлебом, и деньгами’; *Нырысь басьтэм коньдонэн одно ик мар ке кузьым басьтоно!* (Крас., 244). ‘На первую зарплату обязательно надо купить подарки’; *Люкам коньдонэныз со аракы басьтыса юэ* (Крас., 371). ‘На накопленные деньги он покупает и пьет вино’; *Нош соиз – либо, пе, коньдонэн ик берыкты, либо – патереныд, либо улэпкын гуэ согом* (ПГ, 246). ‘А тот [издатель] настаивал: возвращай [свой долг] либо деньгами, либо своей квартирой, иначе мы тебя живьем закопаем в землю’;

б) указание на **количественные характеристики объекта (меру стоимости, объема, длины и т. д.)**: *Тит котькуд пиялазэсю манетэн вузасько шуыса ушъяськем* (СС, 104). ‘Тит похвалился, что каждое [лобовое] стекло [автомобиля] продает за сто рублей’; *Мултэсэз вань, ас дуныныз сётйсько* (Смирн., 106). ‘У меня есть лишний [билет], отдаю за свою стоимость’; *Отысь [комна-*

таысь] ури-бери пукон ваиз, картэз азе пуктйз, собере – тусьты-
ен шыд (СС, 130). ‘Оттуда [из комнаты] она поспешно принесла
 стул, поставила перед своим мужем, затем принесла суп в тарел-
 ке’; *Тй* ведь, *писательёс*, *мешокен* [коньдон] *басьтйсь*коды, *шуо*
 (ПГ, 191). ‘Говорят, что вы, писатели, мешками получаете [день-
 ги]’; *Сылалто но, озьы гинэ но сиё, парсьсылы сюдо, бускельёссы-*
лы ведраен-ведраен нуыса кельто (Нян., 7). ‘[Огурцы] они и со-
 лят, и так едят, и свиньям скармливают, и соседям вёдрами таска-
 ют’; *Дышемьын супыльтыны, коробен-коробен зарни-азвесь сйзьы-*
ны (Хайд., 277). ‘Он уже привыкли понапрасну болтать, всякую
 всячину (букв. коробами золото-серебро] обещать’; *Нош магази-*
нын кызь копейкаен акварельзы сяна ёвёл (Сер., 102). ‘А в магази-
 не имеется только акварель за двадцать копеек’;

в) указание на **объект сопоставления**. В этом случае формы
 творительного падежа указывают на предмет/лицо, с которым со-
 поставляется или которому функционально или психо-физиологи-
 чески уподобляется/не уподобляется другой предмет/лицо. Упо-
 добление может осуществляться и на основе метафорического пе-
 реноса какого-либо признака, свойства: *Адямиез шестерняен ё-*
шатыны уг луы, нош улонын котькуд шестернялэн но, котькуд
адямилэн но аслаз интыез луыны кулэ (Крас., 332). ‘Человека
 нельзя сравнивать с шестерней, но в жизни как у каждой шестер-
 ни, так и у каждого человека должно быть свое место’; *Тонэ сурай*
кизилиен. / *Кизилиез – пиштйсь тылэн.* / *Пиштйсь тылэз – уй*
шыртылэн (ЧТ, 26). ‘Тебя я приняла за звезду. / Звезду – за све-
 тящий огонь. / Светящий огонь – за ночную гнилушку’;

г) указание на **основу сопоставления**: *Соослэн арлыдэн но*
кусыпсы бадзьм: Панялы туэ тулыс кызь одйг тырмиз уни
 (Крас., 377). ‘У них и в возрасте большая разница: Пανε этой вес-
 ной уже исполнилось двадцать один’; *Арен ар уг тупа* (Крас.,
 342). ‘Год на год не приходится’; *Жуждалаен огьёросэсь ке но,*
соиз чарак восьтэтгес (ПГ, 204). ‘Хотя они [Соловьев и этот муж-
 чина] почти одного роста, тот намного худощавее’; *Соос вылту-*
сын ог-огзылы чылкак уг тупало (Крас., 145). ‘Внешним видом
 они совсем не похожи друг на друга’; *Выросьёсын тынак Ната-*
шае кадь, пе (Нян., 87). ‘Говорит, мол, что своими манерами я на-
 поминаю ему его Наташу’;

д) **эссивное** значение, или указание на то, в качестве кого-, чего воспринимается другой объект: *Врач но Иван шоры гажаса учкылъиз, сое усто кузёен лыдъялъяз* (Евс., 25). ‘Врач тоже с уважением смотрел на Ивана, он считал его хорошим хозяином’; *Та ва-кытэ соос шодо асьсэдыз адямиен но, съорпал дуннеысь лыктэм лулэн но* (Инг., 71). ‘В этот период они чувствуют себя и человеком, и пришельцем из других миров’; *Со ассэ ултйям, пöрмостэм адямиен лыдъялъяз* (СН, 280). ‘Он чувствовал себя униженным и неудачливым человеком’; *Тон табере съöлыко, тон вань улыто-зядлы астэ, тазы дауртэмед понна, янгыш муртэн лыдъялод ай* (СН, 321). ‘Ты теперь грешен, и всю свою жизнь за этот свой поступок будешь считать себя виновным человеком’; *Ведь со [атай] монэ кемалась «инженерен» адже вал* (Крас., 214). ‘Ведь он [отец] уже давно видел меня инженером’; *Кызетй даурез [Ольга] пумита 13 аресэн* (СЕ, 237). ‘Двадцатый век [Ольга] встретила в тринадцать лет (букв. тринадцатилетней)’;

е) **собственно-объектное** значение: *Малы ке борддоръёсыз пеймыт краскаен буяны дэмласькеммы* (Смирн., 132). ‘По какой-то непонятной причине мы, оказывается, порекомендовали покрасить стены тёмной краской’; *Трофимычсэ чорыг лымен эмъял-яз* (ПГ, 251). ‘букв. Своего Трофимыча он лечил ухой’; *Тротуар урдэскын чурен сылйсь вузкарьсьёс пöлысь мороженоен вузка-рьсьсэ синйылтй* (Матв., 94). ‘Среди продавцов, разместившихся вдоль тротуара, [я] заметил ту, которая торговала мороженым’; *Нош книгаеныз вузкарыны кепырйылгес йöтылйз* (ПГ, 200). ‘А торговать [написанной им] книгами (букв. своей книгой) ему было немного стыдно’; *Куддыръя пыжиськылйз но – ас пизэ сямен табанен, шаньгиосын но мар утялтылйз* (ПГ, 187). ‘Иногда она [хозяйка дома] стряпала – угощала [его] как своего сына табанями, шанежками и другой выпечкой’.

4. Значение качественной характеристики лица/предмета

Формы творительного падежа могут также выражать атрибутивные отношения, актуализируя значение качественной характеристики лица / предмета. В этом случае в предложении содержится указание:

а) на состав, внутреннее содержание предмета: *Корка пыра, Петя, эмезен чай юод* (Крас., 362). ‘Зайди в дом, Петя, попьешь чаю с малиной’; *Ма талэсь азьло мынам вёйын нянь сиеме вал но, соку шомзэ ой валалля кадь* (Крас., 225). ‘Раньше я уже пробовал хлеб с маслом, но тогда, кажется, я даже не чувствовал его вкуса’; *Нянен вагонъёсты Сарапул станцияе тупике люкало* (Пет., 206). ‘Вагоны, наполненные зерном, собирают на станции Сарапул в тупик’; [*Федосья*] *тыэн перепеч пыже ке, Петырлэн сиыса-сиыса кётыз уг тыры вал* (Лям., 35). ‘Когда она [Федосья] стряпала бывало перепечи из ливера, [они были такими вкусными], что Пётр ел и не наедался’; *Атаез кадь ик таза мугоро, али ик ини юэн мешокъёсыз шудэм амал гинэ жутка* (Крас., 340). ‘[Петр] как и его отец крепкого телосложения, уже сейчас мешки с зерном он поднимает словно играючи’;

б) на характерную особенность, внешний вид лица или предмета: *Учкисько – гимнастёркаен, сурон сапеген жужыт адыми* (Крас., 253). ‘Смотрю – человек в гимнастерке и хромовых сапогах’; *Вуж шинелен таза мугоро Бадяров калык пёлы уг сураськы* (Лям., 230). ‘Широкоплечий (букв. в старой шинели крупного телосложения) Бадяров, одетый в старую шинель, не теряется в толпе людей’.

В этом случае имена существительные, маркированные инструментальными показателями, могут присоединять указательно-выделительные суффиксы *-эз/-ез*, *-ыз* и участвовать в образовании синекдохи как художественного тропа: *Пурысь кепкаенэз маке лушкем вераз но, ваньзы гырдалтйзы* (Крас., 303) ‘Тот, который в серой кепке, что-то тихо прошептал, и все разом громко захохотали’. Ср. *Пурысь кепкаен пилэн эшъёсыз, умойтэмзэ шодыса, чулькак калык пёлы ышизы* (Крас., 303) ‘Друзья молодого человека в серой кепке, почуяв неладное, быстро исчезли в толпе’;

в) на наличие чего-либо / обладание чем-либо: *Бен, басьтйсь луиз ке, люкаменыз валче одйг комнатаен патерлы тырмоз, дыр* (ПГ., 93). ‘Если найдется покупатель, вместе со сбереженными деньгами, наверняка, [этого] хватит на покупку однокомнатной квартиры’; *Удмурт шаер нюлэсэн узыр* (Красс., 56). ‘Удмуртский край богат лесами’; *Квартирае одйг комнатаен* (Нян., 107). ‘Моя квартира однокомнатная’; *Тае лыдэ басьтыса, жог гинэ одйг малпанэ вуи: квартираен нылэз шедьтоно* (Нян., 105). ‘Учитывая

это, я быстро пришёл к однозначному решению: надо найти девушку с квартирой’.

Как можно заметить, последнее значение имеет непосредственное отношение к категории посессивности: выражает принадлежность на основе физической ассоциации или сопровождения. При этом, следует заметить, данная конструкция не является конкурирующей ни генитивным, ни аблативным, ни дативным формам, поскольку «выражает иные прагматические отношения, а именно специфицирует обладателя. Однако сочетание с инструменталом является синонимичным конструкциям с деривационным суффиксом *-o/-e*¹⁹. Первые, как правило, выражают отчуждаемую ограниченную во времени физическую посессивность. Вторые – постоянную физическую близость или перманентное обладание» [Едыгорова 2010: 214].

5. Субъектное значение

Как и некоторые другие косвенные падежи, творительный падеж в современном удмуртском языке может выражать субъектное значение, актуализируемое:

а) в предложениях, где в качестве предикативной единицы выступает глагольная единица, содержащая в своей морфологической структуре суффикс *-ск(ы)/-ськ(ы)-* с пассивным значением: *Дуннеысь история но культура вань калыкъёсын кылдытйське* (Хр., 7). ‘Мировая история и культура создается всеми народами’; *Соиз валамон, шуръёс ётысьско адями киосын, корабльёс кылдо адями визьмын, книгаос гожтйсько адями сюлмын – котькытын адями* (Вал., 128). ‘Это понятно: запруда на реках делается человеческими руками, корабли создаются человеческим умом, книги пишутся человеческими сердцами – всюду человек’.

Авторы «Граматики современного удмуртского языка. Фонетика. Морфология» (1962) указанные глаголы определяют как страдательные и в качестве основного критерия к их разграничению выделяют синтаксический принцип, характерный для русского и других флективных языков: «При употреблении глаголов

¹⁹ См., например: *Уго городын коркаос вить-куать этажо* (Крас., 363). ‘В городе дома пяти-шестиэтажные’.

страдательного залога объект действия выражается именительным падежом, а субъект действия – формой творительного падежа, т. е. в предложении объект действия обозначается подлежащим, а субъект действия – дополнением: *Автономной республикалэн Верховной Советэз... гражданъёсын ныль арлы бырийсько*. ‘Верховный Совет автономной республики... избирается гражданами на четыре года’ [ГСУЯ 1962: 227–228]. Однако, учитывая небольшую дистрибутивную нагрузку показателя *-ск(ы)/-ськ(ы)-* в рассматриваемой функции, как уже отмечалось выше, на данном этапе развития удмуртского языка пассив, как функционально-семантическое поле залоговости, можно считать еще системно несостоявшимся, и те немногочисленные примеры, функционирующие чаще всего в переводных текстах, представляют собой кальки с русского языка;

б) в причастных конструкциях: *Ма, собере со адъытэк оз улы Инмарен сётэм быгатонлыкъёсме: мон ик устоесь кылбуръёс гожъясько, мон ик паймымонэсь картинаос кылдытьясько* (Нян., 105). ‘Да к тому же она не могла не видеть данные мне Богом способности: я и стихи интересные сочиняю, я и картины замечательные пишу’; *Корка сиге тубыса, мон кема бугыръяски чужектэм, зорен но лымыен коттем вуж тетрадьёс, книгаос пöлын* (Крас., 254). ‘Поднявшись на чердак, я долго рылся среди пожелтевших, промокших из-за дождя и снега книг и тетрадей’; *Кытй-отй тудвуэн гылтыса ваем вуж камышьёс но куроос адзиськыло* (СЕ, 79). ‘Кое-где валяются принесенные половодьем прошлогодние камыши и соломинки’.

6. Причинное значение

В качестве периферийных значений удмуртского творительного падежа можно обозначить функционирование субстантивных форм для выражения причины²⁰. Причинное значение содержит указание на предмет/лицо/явление и др., результатом которого

²⁰ Типологическая связь между инструментальными и причинными значениями представлена и в других языках, напр., в русском: «Глубокие генетические и исторические связи инструментальности и причинности проявляются, в частности, в традиции их однотипного языкового оформления» [Ямшанова 1992: 71].

становится протекание того или иного действия или который способствует возникновению у субъекта определенного состояния: *Уйлы со корка буш кыле, дежурной гинэ огназ пуке, нош нуназе пырась-потасьёсын* *ос* *ик* *уг* *ворсаськылы* (Крас., 374). ‘На ночь этот дом остается пустым, один только дежурный сидит, а днём здесь бывает много посетителей (букв. из-за посетителей дверь уже не успевает закрываться)’; *Жадиськиз туннэ со синазькыль скальёсын* (Серг., 22). ‘Устал (букв. усталось) сегодня из-за этих ненавистных коров’; *Вагонын ёсокыт, тамак ёынэн шокчыны уг луы* (Крас., 210). ‘В вагоне душно, из-за табачного дыма невозможно дыхнуть’.

Причинное значение может усиливаться, если в предложении присутствуют послелогои *йырин* – послелог в значении ‘из-за (чего/кого-либо)’ или *сэрен* – послелог в значении ‘из-за (кого/чего-либо)’: *Лэсьтйськон ужъёс али туж уно, пе, кизёнэн йырин гинэ, огдырлы вис луиз* (Крас., 310). ‘На стройке сейчас много дел, но из-за весеннего сева на некоторое время [строительные работы] прекратились’; *Урод сиёнэн сэрен калык пёлы но палась висёнъёс вёлмизы* (Лям., 359). ‘Из-за плохого питания среди населения распространились инфекционные заболевания’.

Выражение причинных значений с помощью форм творительного падежа без участия послелогов также широко представлено среди несубстантивных форм: *Нош калык вылэ тон юнме кылдэ эн вера, калыкез тон аслад егитэныд умой уд на тодйськы* (Крас., 324). ‘А народ ты понапрасну не упрекай, из-за своей молодости ты наш народ еще не знаешь’; *Лекос жужытэнызы, соос нюлэс-кытй пушнер полтй кадъ ветйллям, тэль пыдес дорозяы гинэ вылэм* (Инг., 36). ‘Из-за своего роста (букв. из-за излишней своей высоты) по лесу они [алангасары] бродили как по крапиве, лес был им по колено’; *Огнол городэ протезлы мынй, патер өвёлэн, ёуж-кенак доры пыри* (Крас., 265). ‘Однажды я поехал в город за протезом, из-за отсутствия жилья я зашел к тете’; *Мыным но нылпи-осме, удмурт садик өвёлэн, жуч сямен дышетытэк ёйлась* (Черн., 46). ‘Из-за отсутствия удмуртского садика мне тоже пришлось обучать своих детей на русском языке’.

7. Темпоральные значения

Среди периферийных значений творительного падежа в системе современного удмуртского языка можно также отметить актуализацию темпоральных значений, которые на данном этапе развития языка уже подверглись процессу лексикализации: *Гужем шуныт куазен Савалей гуртысь эше визнанъёсын шур дурын пуке* (КГ, 83). 'Летом в хорошую погоду мой друг из деревни Савалей рыбачит (букв. сидит у реки с удочками)'; *Нош гуртаз бертиз но... – ёсэз тӥямын. Нуназе куазен* (ПГ, 186). 'А когда он вернулся домой дверь взломана. Ясным днем'; *Мон гужементолэн со [сиён] вылын улӥ ни* (ПГ, 247). 'Я все лето и зиму продержался на этой [еде]'; *Мар бон нуназе куазен тыл кулэ луиз ай тыныд?* (Нян., 95). 'Для чего же тебе днем понадобился свет?'; *Чӧпак тулыс куазен, ярдурись чуж сяська кадь, котыр дунне шоры паймем синъёсын учке* (СН, 330). 'Весенним днем она смотрит на мир удивленными глазами, словно цветок мать-и-мачехи, растущий на берегу'; *Атайлэсь сямзэ тодӥсько ни: вожез потыку, нуналэн-нуналэн уз вазьылы* (Крас., 329). 'Я знаю характер отца: когда он сердится, он может целыми днями не разговаривать'.

8. Выражение пространственных отношений

Как уже отмечалось выше, если падежная форма участвует в выражении темпоральных отношений, то она чаще всего может актуализировать и пространственные значения (см. в частности, формы пространственных падежей удмуртского языка). В данном значении формы творительного падежа употребляются лишь с послеложными формами с пространственным значением: *Миле-мын артэ улэ пересь Чочия* (Крас., 216). 'Рядом с нами живет старый Чочия'; *Алексей Кириллович атаен ваче жёк съёры пуксиз* (Крас., 248). 'Алексей Кириллович и мой отец сели за стол друг против друга'.

При наличии в предложении/высказывании двух пространственных ориентиров морфологическая маркировка может быть представлена как в структуре обоих словоформ, так и в структуре одного из них: *Кӧлан палан, койкаен сандыкен вискин, кык ведра тыр гвоздикаос* (Гряз., 53). 'В том месте, где спят, между крова-

тью и сундуком [стоят] два ведра с гвоздиками’. Ср.: *Угось куинь уйзэ йёнала ёз изь ни (борддорен койка виски ог-кык часлы ум-тйськылйз ке шат)* (ПГ, 294). ‘Он уже три ночи толком не спал (если только засыпал на пару часов, [расположившись] между стеной и кроватью’.

Как отмечает Г. А. Некрасова, для коми языков также не характерно употребление инструменталю для выражения пространственных значений. Однако здесь представлены отдельные случаи дистрибуции форм творительного падежа «в значении ‘путь движения’, указывая при этом на пространство, частично совпадающее с движением предмета, например, к.-з. *Вузасьысь морейн ыс-тйс караб.* ‘Торговец морем отправил корабль’» [Некрасова 1997: 5].

9. Ограничительное значение

Среди периферийных объектных значений творительного падежа в современном удмуртском языке может быть представлено также ограничительное значение, указывающее в контексте с послеложными формами на социативный объект, ограничивающий или уменьшающий сферу проявления предикативного признака, действия: *Туала арын нянен гинэ уг тырмы ни* (Крас., 209). ‘В наше время на одном только хлебе не проживешь’.

Ограничительное значение в функции полного отстранения от лица/предмета, явления/процесса или действия может выражаться и при помощи послелога *йырин* – послелог в значении ‘не до’, при этом глагол-сказуемое имеет отрицательную форму: *Малтаськонэн йырин ой вал ни, ужан тйрлыкме сумкаям тырыса, дор пала бызи* (Крас., 317). ‘Мне было уже не до раздумий, положив в сумку инструменты, [я] побежал в сторону дома’; *Войнаысь бертэм бере, дышетсконэн йырин ойлась ни* (Крас., 213). ‘После возвращения с фронта мне было уже не до учебы’.

10. Значение образа действия

Среди периферийных значений творительного падежа в современном удмуртском языке можно выделить также выражение значений образа действия: *Пичиесь но бадзымесь тылобурдоос уллёен-уллёен кузь сюрестйзы лобо* (СЕ, 8). ‘Большие и маленькие [перелётные] птицы стаями пролетают длинные расстояния’;

Тани тэль вылтій луд ѓазегъёс куинь сэрего чурен лымишор пала гагаг-гагаг шуыса лобѓо (Конов., 55). ‘Вот над лесом с криком пролетает стая диких гусей, летящая треугольным клином на юг’.

11. Творительный падеж сравнения

В семантической структуре творительного падежа особое внимание следует уделить формам, выражающим сравнительное значение. Как отмечает Р. И. Яшина [1964: 6], творительный падеж сравнения появился в результате интерференции русского языка и указывает на предмет, с которым осуществляется сравнение. Например: *Пыд улаз [Револэн] буртчинэн валиське небыт турын-куар* (Лом., 181). ‘Под ногами [Рево] стелется шелком мягкая трава’; *Жильырто вальёссы туй бичам серметэн, учкыло быркытэн* (МПМ, 7). ‘Звонят их кони уздечками с медными бляшками, смотрят орлиным взглядом (букв. орлами)’.

Рассматривая дистрибутивную нагрузку творительного падежа, следует также отметить, что в грамматической структуре пермских языков он сыграл важную роль в развитии таких частей речи, как наречие, числительное, местоимение, послелог и др. (см. об этом также: [Некрасова 1997: 18–24]).

Таким образом, удмуртский инструменаль используется для выражения различных семантических значений и оттенков. Среди рассмотренных функциональных характеристик доминирующими являются инструментальное, комитативное значение. Как отмечает коми исследователь Г. А. Некрасова, именно эти значения в пермских языках послужили основой возникновения новых семантических значений: «На основе комитативного значения возникли значения цели, социативно-временное, собирательное, качественной характеристики предмета, сравнительного уподобления, образа действия. На основе инструментального – значения средства выполнения действия, вспомогательного предмета, субъектного. Производными сразу из нескольких значений является значение образа действия (комитативного, инструментального, ограничительного и др.)» [Некрасова 1997: 35].

2.1.7. Лишительный падеж

І. Морфологическая структура имени существительного в форме лишительного падежа

Морфологическим показателем удмуртского лишительного падежа (абессив, *кельтон каб*) является суффикс *-тэк*: *Ошместэк шуур чаляк куасьме* (Инг., 322). ‘Река без родника быстро высыхает’; *Солы табере, мумизтэк, эшио тросгес шуныт кулэ* (Перевощ., 270). ‘букв. Ей, оставшейся без матери, теперь необходимо еще больше тепла’; *Магазинзы дорысен сое [председателез] тылтэк лыктйсь машина сутйз* (Перевощ., 704). ‘Около магазина его [председателя] догнала машина, двигавшаяся без света’; *Анай вёзын няньтэк но уд кулы* (Инг., 314). ‘При матери и без хлеба не пропадешь’; *Нош жаляло, бёрдо [Конюховъёс], та сюанэз Марья кенактэк но азьвыл будённовецтэк, Мишатэк, ортчытэменызы сэрен* (Лом., 70). ‘А жалеют, печалются [Конюховы] о том, что эту свадьбу они сыграли без тети Марьи и без бывшего будённовца – Миши’.

Морфологический маркер лишительного падежа, как правило, находится в постпозиции по отношению к лично-притяжательным суффиксам, а также формальным показателям множественного числа: *Туэ нырысьсэ аслад палэзедтэк төлъяд-а, мар-а ни* (Гряз., 49). ‘В этом году в первый раз, видимо, придется перезимовать без своих ягод рябины’; *Анай йёлызтэк луляськоз меда* (Хайд., 148). ‘Оправится ли она без материнского молока’; *Танкь-ёстэк улэммы уз луы на* (Загр., 311). ‘Без танков мы пока еще прожить не можем’; *Нош Оля, бызьыны дасям тушаказ выдыса, синкылиостэк куалекъяса-куалекъяса викишьяз* (Нян., 40). ‘А Оля, уткнувшись в приготовленную в качестве приданого перину, вздрагивая, плакала без слёз’; *Тонъя дыши / Лыдъяськыны: / Нунальёсты – / Лыдпусьёстэк, / Гожтэтъёсты – / Номеръёстэк* (Бад., 75). ‘От тебя я научилась / Считать: / Дни – / Без цифр, / Письма – / Без номеров’.

II. Семантическая структура лишительного падежа

Формально-логическое отрицание, являющееся в содержательном плане субъективным образом объективного мира, отражением действительности, составляет основу категориального содержания лишительного падежа. Логическое отрицание, точнее, его формальное содержание (небытие, отсутствие, инобытие и др.) есть языковая универсалия, т. к. оно находит свое выражение в системе всех языков мира. В этом отношении основной семантической функцией падежа абессив в удмуртском языке является выражение объектных и комитативных отношений в их отрицательных значениях.

1. Объектное значения

При выражении объектных значений абессивные формы указывают на предмет или явление, без которого совершается действие или отсутствием которого оно характеризуется: *Мунчотэк эмез уз луы, тие* (Хайд., 32). ‘Без бани пользы не будет, сынок’; *Гитара езтэк уг кырза* (Загр., 298) ‘Гитара без струны не играет’; *Кышнотэк пиосмурт но йыроме* (Инг., 315). ‘Без супруги и мужчина ошибается’; *Трактор вутэк медаз сылы вал* (Загр., 322). ‘Пусть трактор не простаивает без воды’; *Ошместэк шур уг кылды* (Инг., 322). ‘Без родника река не начинается’; *Ӗз ке тупатскы, операцитэк уд мозмы* (Чер., 199). ‘Если [Вероника] не поправится, без операции не обойтись’; *Сяськаостэк ноку уг лу гужем, / Инбам но шундытэк чагыр ӧвӧл* (ЧТ, 19). ‘Без цветов никогда не бывает лета, / Небо без солнца [не бывает] голубым’; *Милям ответмытэк, соглаш луэммытэк, со нюлэсэз лэсьтиськонэ тй келяны уд быгатиське вал* (Лом., 174). ‘Без нашего ответа, без нашего согласия вам нельзя было отправлять этот лес на строительные работы’; *Бен асьмелэн улонысьтымы ӧжытсэ шат вераны быгатысал адямиосты, кудъёсыз понна ужстэк улон сиёнтэк, вутэк яке омыртэк улонлы чоша* (СЕ, 174). ‘Да разве в нашей жизни мало людей, для которых жизнь без труда равноценна жизни без еды, воды, воздуха’.

2. Комитативное значение

Комитативное значение, актуализируемое формами лишительного падежа, чаще всего выражает действие, осуществляемое без физического сопровождения кого-либо: *Дас укмыс арескын ик карттэк кылемын Окыль* (Лом., 72). ‘С девятнадцати лет Окыль осталась без мужа’; *Партэк кылем җазег сямен, чолак огнад кылёд дунне вылэ* (СН, 145). ‘Как одинокая (букв. оставшаяся без пары) гусыня останешься в этом мире совсем одна’; *Атайтэк капчи өвёл будыны, сое ачиз пичи дырҗыз туж җеч валаса вуттйз* (СН, 313). ‘Без отца расти нелегко, это он на себе испытал в детстве’; *Атайтэк будйз, оло нош, соин?* (СН, 102). ‘[Он] рос без отца, может быть поэтому?’; – *Тау, бадҗым тау Тйледлы, врач, монэ карттэк, нош пиме атайтэк кылёнлэсь мозмытйды* (СЕВ, 34). ‘– Спасибо, большое спасибо Вам, врач, за то, что спасли моего мужа и отца моего сына (букв. не дали остаться мне без мужа, а сыну – без отца)’

3. Темпоральное значение

К периферийным значениям удмуртского абессива можно отнести его функционирование при актуализации темпоральных отношений: *Борддорысь часын дас минуттэк куать час ини* (СН, 98). ‘На настенных часах уже без десяти минут шесть’; *Дас минуттэк дас кык тырме вал* (Пукр, 170). ‘Было без десяти двенадцать’; *Җапак дас минуттэк уйшор вуон азьын кутйллям сое пиос* (Пукр., 170). ‘Парни поймали его ровно за десять минут до наступления полуночи’.

При выражении темпоральных отношений в удмуртском языке особое внимание следует обратить на наречные формы, в структуре которых может употребляться омонимичный абессивным показателям суффикс *-тэк*, указывающий на конкретные временные координаты или период времени, которые являются условием для начала совершения указанного действия: *Роман но гужемтэк кызмысь өз дугды* (Перевощ., 117). ‘Пока не наступило лето, Роман не перестал кашлять’; *Сюлмыз йөнтэм писырҗыз ке но, мар карод, таки нылыз доры арняскынтэк өз пörмыт-*

скы (Перевощ., 24). ‘Что уж поделать, пока не прошла неделя, он не смог приехать к своей дочери, хотя его сердце и ныло’; *Но... жьытлы нумит ветлїд ке, җуказетэк уд вуза* (ПГ, 263). ‘Но... если пойдешь ближе к вечеру, успеешь продать не ранее, чем завтра’; *Бер уинтэк уд ваньмытскы ни* (Лом., 145). ‘Теперь уж не справишься раньше, чем поздно ночью’.

Как показывают примеры из художественной литературы, лишительный падеж в системе современного удмуртского языка чаще всего функционирует в приглагольной позиции: *Вутэк жьук уд пöзыты* (Инг., 319). ‘Без воды каши не сварить’; *Пожвай гурттэк улыны уг быгаты-а, мар-а?* (СН, 19). ‘[Он что], не может жить без деревни Пожвай?’; *Роман Петрович пыр-поч мадиз, кызы но малы Костя квартиратэк кылиз* (Перевощ., 409). ‘Роман Петрович со всеми подробностями рассказал, как и почему Костя остался без квартиры’.

Однако их следует разграничивать от наречий образа действия: *Шоразы учкыса, Оберьян жигартэк öс куспы ик пуксиз* (СН, 191). ‘Посмотрев на них, Оберьян обессилел (букв. без сил) и сел на порог’; *Отысен соос мылкыдтэкгес ини Петыр Миша доры мынїзы но гуртазы тылҗёс кысылыны öдьяса гинэ бертїзы* (Перевощ., 1997: 111). ‘Оттуда они с плохим настроением (букв. немного без настроения) направились к Петрову Мише и вернулись домой только поздно вечером (букв. только тогда, когда начали выключать свет в домах)’; *Костя кематэк öз вазьылы* (Перевощ., 386). ‘Костя долго не отвечал’.

В приименной позиции функционирование абессивных форм допускается лишь в том случае, если они относятся к сказуемому, выраженному именной формой: *Чебер ныл бутьмартэк но чебер* (Инг., 310). ‘Красивая девушка красива и без бутьмара (этническое нагрудное украшение)’; *Анай-атайтэк корка ямтэм* (Инг., 314). ‘Без матери и отца изба не уютна’. В иной приименной позиции абессивные формы, как правило, не употребляются, т. к. в последнем случае характерно:

а) функционирование адъективного словообразовательного суффикса -тэм: *Нылашлэн шораз учкыса, öжыт гинэ öй кеськы: со вал чылкак пилеш, синкаштэм но синлыштэм* (Нян., 131). ‘Увидев девушку, я чуть не вскрикнула: она была лысой, без бровей и ресниц’; *Синтэм муртлы шунды но съöd* (Инг., 306).

‘Для слепого человека и солнце [кажется] черным’; *Шудтэм мурт вылэ кыллысь кор но, пе, погра* (Инг., 307). ‘На несчастливого человека, говорят, даже лежащее бревно падает’; *Тырттэм уробо шальтыртэ* (Инг., 311). ‘Пустая телега гремит’; *Бен, пиез пичи дыръя ик кузпалтэм кылем кышномурт вералляз: «Быдэ вуид ке, шедьты, пие, аидлэсь шайгузэ»* (Смирн., 150). ‘Да, оставшаяся еще до достижения совершеннолетия сына вдовой (букв. без мужа) женщина часто говаривала сыну: «Когда повзрослешь, сынок, обязательно отыщи могилу отца»’;

б) употребление причастных форм на *-мтэ, -тэм, -онтэм/-нтэм, -исьтэм/-йсьтэм/-сьтэм*, семантически близких к основным значениям лишительного падежа: *Удалтымтэ турынен кабан уд сюрэ* (Инг., 311). ‘Из неуродившейся травы стог не поднимешь’; *Оскисьтэм мурт ачиз осконтэм луэ* (Инг., 312). ‘Человек, который не верит другим, сам превращается в человека, которому не доверяют’.

В этом ряду исключением является лишь семантическое разграничение лексем *дунтэк* ‘бесплатно’ и *дунтэм* ‘дешевый’: *Тани дунтэк путёвка сётизы* (Хайд., 35). ‘Вот дали бесплатную путёвку’. Ср.: *Озы дыръя, нокыё дунтэк берыктыны луэ* (Перевощ., 653). ‘В таком случае, следует вернуть, ничего не требуя взамен’; *Ваньзы мусо потыса учко ас киосынызы, дунтэк быдэстэм ужзы шоры* (Архип., 226). ‘Они все любят [результатом] выполненного своими руками, без дополнительных затрат труда’.

Таким образом, семантическая структура лишительного падежа в современном удмуртском языке по сравнению с другими членами парадигматического ряда относительно однородна и имеет жесткие границы функционирования. Семантическая чистота абессивных форм характерна и для большинства других финно-угорских языков, в частности, как отмечает М. И. Зайцева, в грамматической структуре вепсского языка «абессив имеет только одно значение – указывает на отсутствие, лишение кого-либо, чего-либо, на нахождение вне кого-либо, чего-либо, напр., вепс. *pañiñ samvaran vedeta* ‘Я поставил(а) самовар без воды’» [Зайцева 1981: 185].

2.1.8. Соответственный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме соответственного падежа

Морфологическим показателем соответственного падежа (адвербиаль, *тупан каб*) в современном удмуртском языке является суффикс *-я*: *Собере школаязы аэробикая кружок усьтйзы* (Перевощ., 251). ‘Затем в их школе открыли кружок аэробики’; *Огъя вераса, ваньмыз гижысь-пиньысь тыршизы, ваньмыз планъя мынйз* (Перевощ., 86). ‘В целом, все старались, всё шло по плану’; *Арня нуналэ но куд-ог предметъёся консультацияс орчытъяло* (СН, 251). ‘И по воскресеньям проводятся консультации по некоторым предметам’; *Куд-ог чакланъёс пуштросся осконъёсын огвыллемесь луо* (Инг., 295). ‘Некоторые приметы по своему содержанию близки к поверьям’.

Как правило, лично-притяжательные суффиксы и показатели множественного числа занимают чаще всего препозицию по отношению к морфологическим маркерам соответственного падежа: *Ой, однако, куараедъя тодмало кожаськод-а, мар-а* (СН, 59). ‘Ты что, думаешь, что я тебя по твоему голосу узнаю’; *Верамъёсся кеч кышкась луыны кулэ кадъ* (Загр., 343). ‘По их рассказам, зайцу надлежит быть трусливым’. Однако такой морфопорядок лично-притяжательных и адвербиальных суффиксов в ряде случаев может варьироваться: *Соиз озьы, социалистической, коммунистической идеяс сюлэмъям* (Перевощ., 699). ‘Да, это так, социалистические и коммунистические идеи мне по сердцу’. Ср.: *Асьме урамыш пиос огез но сюлэмья ёвёл малы ке* (Пукр., 5). ‘Ни один из мальчишек, проживающих на моей улице, почему-то мне не по сердцу’.

По мнению отдельных ученых, соответственный падеж в современном удмуртском языке вряд ли может рассматриваться как полноценный член парадигматического ряда: «Es scheint ein selten gebrauchtes Suffix zu sein, so dass ohne weitere Forschungen

nicht zu entscheiden ist, ob man den Adverbial als vollwertiges Mitglied des wotj. Kasussystems betrachten kann, wenn auch die wotjakischen Grammatiken dies ohne Zweifel behaupten» [Csúcs 2005: 182]. Однако, как показывают примеры из художественной литературы, наличие в системе словоизменения литературного удмуртского языка падежа адвербиаль является обоснованным. В пользу этого утверждения можно привести следующие доводы: а) наличие морфологического выражения и ярко выраженной семантической структуры; б) регулярность присоединения ко всем склоняемым лексико-грамматическим разрядам слов; в) возможность опущения при однородных членах предложения; г) способность присоединяться к именам, имеющим при себе определения и другие зависимые слова и др.

В отличие от литературного языка, система словоизменения отдельных диалектных групп (в частности, кырыкмасских, кукморского, буйско-таныпского, красноуфимского и др. говоров) характеризуется отсутствием соответственного падежа в парадигматическом ряду. В этом случае, как отмечает В. К. Кельмаков, для выражения их семантических значений используются послеположные конструкции, напр. кркм. *ад'амиос с'аин* // удм. лит. *адя-миосья*, *адямиос сямен* 'в соответствии с людьми, по-людски' (см. подробнее: [Кельмаков 1998б: 117]).

II. Семантическая структура соответственного падежа

В традиционных грамматиках удмуртского языка в качестве семантической нагрузки соответственного падежа подчеркивается лишь указание на объект, «в соответствии с чем (по чему), по примеру кого, как совершается (или не совершается) действие» [ГСУЯ 1962: 100]. Однако, проанализировав примеры из художественной литературы, становится ясным, что функционально-семантические возможности исследуемого падежа в удмуртском языке представлены гораздо шире. Так, в литературном языке падеж адвербиаль может актуализировать следующие значения.

1. Объектное значение

Объектное значение, выражаемое соответственным падежом, в современном удмуртском языке может участвовать в актуализации следующих значений:

а) указание на лицо, чью позицию принимает/не принимает субъект действия: *Мумизъя ик кариськиз Сенька* (СН, 225). ‘Сенька согласился с матерью’; *Нош Лидя – мумизъя, мыным, пе, но-кыће ик уг поты со аръянды* (СН, 91). ‘А Лидия брала сторону матери: мне-де, ваша простокваша совершенно безразлична’; *Та пумысен вераськон потылыку, Оберъян яратылиз верась муртъя нялтас, туж сак кылзйськись, тунсыкъяськись кариськыны* (СН, 213). ‘Когда заводи́ли об этом речь, Оберьяну нравилось соглашаться с говорящим и делать вид внимательного и заинтересованного слушателя’;

б) указание на источник, регламентирующий действие, событие: *Уг кельшы мыным отын. Графикъя ужано, куинь сменаен* (СН, 230). ‘Не нравится мне там. Надо работать по графику, в три смены’; *Огъя вераса, ваньмыз гижысь-пиньысь тыриизы, ваньмыз планъя мынйз* (Перевощ., 86). ‘В целом, все старались, всё шло по плану’; *Компасмы ке но өвёл, бертймы азимутъя кадь* (Пукр., 95). ‘Хотя у нас и не было компаса, мы добрались словно по азимуту’;

в) указание на объект, воспринимаемый в качестве образца для выполнения действия или в качестве меры исчисления: *Таулэн кыиз капчи вылэм – нырысь тырем кирпичёсызъя ик гур пуктыны дышиз* (Хайд., 159). ‘Он оказался лёгок на руку: класть печи научился по своим первым кирпичам’; *Маке укыр капчияк: схемая, конъюнктурая мёзмылэс гождяськыны кутскиськиз та берло дыре* (Нян., 126). ‘Что-то легко и скучно стало писаться в последнее время: по схеме, по конъюнктуре’; *Прическазэс вошто, шёдтэк шорысь мукет стилья дйяськыны кутско но – тун-нэ нуналысен, пе, аслым ачим выль имидж кылдытй* (Нян., 161). ‘[Они] меняют свою причёску, неожиданно начинают одеваться в другом стиле – вот, мол, с сегодняшнего дня сменил свой имидж’;

г) указание на источник получения информации: *Роза соосыз [Эльбрусэз, Кавказэз] тросгес тодэ Лермонтовлэн кылбуръёсызъя* (СС, 57). ‘Роза их [Эльбрус, Кавказ] знает больше по стихотворениям Лермонтова’; – *Кызы тодйськод, мама? – юаз артэ вамышьясъ Аркаш. – Шундыя... Тйни учкы, – валэктыны кутскиз мумиз* (СС, 141). ‘ – Как определила, мама, [что будет дождь]? – спросил идущий рядом Аркадий. – По солнцу... Вон смотри, – начала объяснять мать’. Данное значение характеризуется невысокой дистрибутивной нагрузкой, т. к. в литературном языке в этом случае преобладает употребление элативных форм: *Темаосызлы материалъёс вуж учебникъёсысь, журналъёсысь утчаз* (Ворон., 30). ‘Материалы по теме [Валя] искала из старых учебников, журналов’;

д) в контексте с глаголами речи/речевой деятельности, а также ментальными глаголами соответственный падеж выражает собственно-объектное значение: *Только эн вазиськы фамилия* (Нян., 148). ‘Только не называй меня по фамилии’; *Нош йыжыс-выжыосыд, зыжъёсыд – вань калык тынзсьтыд улэм-вылэмдэ ужжъёсыдъя, улон сюрес вылэ кельтэм пытыедъя дунъялозы* (Перевощ., 14). ‘А твои родственники, друзья – все люди прожитую тобою жизнь будут оценивать по твоим делам, по оставленному на твоём жизненном пути следу’.

2. Выражение посессивных отношений

Формы соответственного падежа могут выражать различные типы посессивных отношений, а именно:

а) актуализация значения неотчуждаемой принадлежности, где в качестве посессора может выступать как имя существительное, выражающее одушевленное лицо, так и имя, называющее неодушевленный предмет. В роли коррелята, как правило, представлены константы, указывающие на внутреннее содержание, сущность или характерные особенности посессора: *Литература дьшетйсьезлы [сочинениосыз] кельшылызы* (Перевощ., 176). ‘Преподавателю по литературе нравились [его сочинения]’; *Математикая отличник* (Перевощ., 256). ‘Отличник по математике’; *Володя туж эшласькиз спортэн, спортивной ориентированиея со республикамылэн чемпионэз но вал* (Гряз., 36). ‘Володя

дружил со спортом, он был даже чемпионом республики по спортивному ориентированию»; *Вот тумошо луоз соку: Миша Селиверстов алгебрая консультант, нош Санко Трефилов – литература* (СН, 77). 'Вот тогда будет забавно: Миша Селиверстов будет консультантом по математике, а Саша Трефилов – по литературе'.

Следует заметить, что в случае, если в роли посессора выступает неодушевленное имя, возможно синонимичное употребление имен в начальной форме или в форме творительного падежа: *Собере кызыы ке одйг пол эшез сое эктон(о) кружоке чортйз* (Перевощ., 251). 'Как-то раз подруга позвала ее в танцевальный кружок'; *Нош алгебраен урокёсыз Корепанов уг яраты* (СН, 76). 'А уроки по алгебре Корепанов не любит';

б) как указание на константы, характеризующие субъект действия с точки зрения его физических (размеров, веса, цвета, внешнего вида и т. п.), физиологических и психологических (настроением, характером, мыслями, убеждениями и др.) свойств. Формы соответственного падежа могут указывать также на основание, критерии сопоставления: *Бригадирлэсь Назар Їушьяловлэсь Рево арлыдызья шёдскымон егитгес ке но, соос, вынъёс кадь, юн эшьясько* (Лом., 81). 'Хотя Рево по возрасту намного моложе бригадира Назара Чушьялова, они, словно братья, крепко дружат'. Следует заметить, что в морфологической структуре лексем часто присутствуют лично-притяжательные суффиксы: *Кузьдалаезья со метрлэсь вакчигес* (Загр., 347). 'В длину он не достигает одного метра'; *Сямызья мукетёсызлэсь о́з висьяськылы кадь* (Гряз., 19). 'По своему характеру он, кажется, не выделялся среди своих сверстников'; *Аполлинер (кушем ним) вирызья поляк* (МС, 201). 'Апполлинер (псевдоним) по крови поляк'. Однако могут характеризоваться и отсутствием посессивных суффиксов: *Со йырси буёлэзья но, кузьдалаезья но, зёталаезья но мынамлы тупа* (Нян., 132). 'Эти волосы и по цвету, и по длине, и по густоте совпадали с моими [волосами]'; *Пинальёс-а со, но пинальёслы туж ик уг кельшо – арлыдыя вёжогес кадь, но мёйыос о́вёл* (МС, 51). 'Не понятно, дети ли это, но вроде они не похожи на детей – старше по возрасту, но еще не взрослые';

в) как указание на коррелят, являющийся отличительной особенностью одного из участников действия, процесса: *Зёк котом-*

каезъя валазы пиос, та магазинэ ветлэм шуыса (Гряз., 196). ‘По ее большой котомке мальчики поняли, что она возвращается из магазина’; *Мукет ласянь, мон пересьлы сокем ой но паймытскы: телевидениын диктор луыса ужасько бере, монэ улычаын пуныен кочыш гинэ но тодма, ма, собере, книгаосыя но тодо, лэся* (Нян., 129). ‘С другой стороны, я не очень удивилась бабушке: поскольку я работаю диктором на телевидении, меня все знают (букв. даже кошки и собаки узнают), кроме того, меня, по-видимому, знают и по моим книгам’;

г) как указание на объект, являющийся эталоном, основанием сравнения для другого объекта, актуализирующего значение отчуждаемой принадлежности. Данное значение наиболее широко представлено в кратких жанрах удмуртского фольклора: *Додъезъя пукисез, валзъя кузёез* (Инг., 319). ‘По саням и ездом, по лошади и хозяин’; *Дуззъя кудыез, пуртыезъя дурыез* (Инг., 319). ‘По кадке лукошко, по котлу поварешка’; *Кудыезъя мульез* (Инг., 321). ‘По корзине и ягода’; *Мылкыдызъя ик ымнырыз но: чыж-чыж, кымес вылаз кёня ке нюламеэ потэм* (СН 121). ‘На его лице отражается его настроение (букв. по настроению и лицу): оно покрасневшее, на лбу выступают капли пота’.

3. Выражение значения образа действия

Данное значение, как правило, реализуется в контексте с глаголами движения, каузации или глаголами изменения признака, при этом имена существительные в форме соответственного падежа актуализируют событийные фреймы, при наличии которых или под воздействием которых совершается действие: *Мувыре потэм узйед-борйед / Шундыя-пöсья кисьмамын. / Кам дуре потэм сутэред / Вуя-бусъя кисьмалоз* (Инг., 147). ‘Взошедшие на пригорке ягоды / Созрели на солнцепеке (букв. на солнце-жаре). / Растущая вдоль Камы смородина / Созреет от воды и тумана’; *Та возез кызыы потом, – малпан вал. / Сяська югытъя ми потймы вал* (Инг., 185). ‘Как же пройдем это поле, – мы думали. / Мы прошли благодаря свету, исходящему от цветов’; *Бам вылтйз быльыр-быльыр васькись синвуэз толзёз югытъя лысву кадь чилия* (Кед., 146). ‘Стекающие по лицу слезу от исходящего света луны кажутся как роса’.

4. Выражение пространственных отношений

В ряде случаев удмуртский адвербиаль используется для выражения пространственных отношений. Дистрибуция исследуемого падежа в указанном значении впервые зафиксирована в трудах финского исследователя Т. Г. Аминоффа: *so vetliz kyrja*. ‘*hän kulki aromaita myöten*’ [Aminoff 1896: 26]. ‘Он бродил по степи’. С точки зрения синхронии, употребление именных форм соответственного падежа для выражения пространственных отношений ограничивается лишь отдельными лексемами: *Тодэ вал, кӧня миллиард манет тӧлъя-буръя лэземын!* (Гряз., 22). ‘Если бы вы знали, сколько миллиардов рублей брошено на ветер’; *Гурт вылын сюрс кизилиос тӧлъя лобало* (Конов., 125). ‘Над деревней тысячи звезд летают по ветру’; *Но малы меда адямиос пӧлын тӧлъя нялтас гинэ мынйсьёс вань?* (Хайд., 188). ‘Почему же среди людей есть люди, которые идут только по ветру?’.

Таким образом, соответственный падеж в удмуртском языке, являясь полноправным членом парадигматического ряда, участвует в выражении различных семантических значений и отношений.

2.2. Пространственные падежи

Система пространственных падежей литературного удмуртского языка состоит из семи членов парадигматического ряда: инессив (местный), иллатив (входный), элатив (исходный), эгрессив (отдалительный), пролатив (переходный), терминатив (предельный) и аппроксиматив (направительный). Каждый из них имеет свои узуальные значения, с опорой на которые падежные формы способны передавать широкий спектр разнообразных смыслов, представляющих собой отражения многочисленных локальных и предметных связей.

Как уже отмечалось выше, в удмуртских диалектах спектр пространственных падежей варьируется от 5 до 13: в частности, во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах количество падежей имеет тенденцию к сокращению за счет замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями (см. об этом: [Кельмаков 1998б: 117]): удм. лит.: *гуртлань* ‘в сторону деревни, по направлению деревни’ > кукм.: *гурт пала* ‘перевод тот же’. Минимальное количество пространственных падежей представлено в парадигме склонения имен красноуфимского говора, где помимо падежа аппроксиматив отсутствует и элативный падеж, функциональная нагрузка которого передается формами пролатива (см. об этом: [Насибуллин 1978: 96–97]).

В отдельных северных говорах и бесермянском наречии, напротив, количество пространственных падежей увеличилось за счет «возникновения новой серии приблизительно-местных форм с приметой *-н'*²¹ (< *дин'* – ‘у, около, при, возле’), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива» [Кельмаков 1998б: 118]. Как отмечает Л. Л. Карпова, новые падежные форманты употребляются только с ограниченным количеством лексем (см. подробнее: [Карпова 2005: 61]). Относительно происхождения данных элементов в научной литературе представлены различные гипотезы. В частности, с точки зрения А. И. Емельянова [1927: 123], формант *-н'э* в указных падежных формах вос-

²¹ См. об этом также: [Кузнецова 2005: 90–91].

ходит к послелогу отсубстантивного происхождения *ин* ‘мето’ + *падежное окончание*. Однако большинство исследователей происхождения приметы *-н’-* связывает с послеложными формами с основой *дин’* ‘у, около, возле, при’, которые, в свою очередь, сформировались от имени существительного *дин’* ‘основание, комель; близость, околица’ (см. об этом подробнее: [Wichmann 1954: 50; 135–136; Вахрушев 1959: 236; Тепляшина 1981: 287; Кельмаков 1998б: 118; Карпова 2007: 366] и др.).

Имеются также ареальные колебания и в плане частотности употребления тех или иных падежных форм. В частности, в некоторых периферийно-южных говорах (в кукморском, буйскотаньпских и др.) значительно реже, чем в литературном языке, употребляется падеж терминатив, заменяясь эквивалентным сочетанием имени существительного с послелогом *дороз’*, *дыроз’* ‘до’ (см. подробнее: [Кельмаков 1998б: 118]): удм. лит.: *бакчаозь* ‘до огорода’; *валозь* ‘до лошади’ > б.-тан.: *бакча дыроз’* ‘тж’; *вал дыроз’* ‘тж’. Таким образом, проблема функционирования пространственных падежей в современных удмуртских диалектах может стать предметом специального разговора, поэтому в рамках данного исследования мы ограничимся описанием их дистрибутивной нагрузки лишь с позиций современного литературного языка.

Основным значением всех пространственных падежей удмуртского языка является выражение локальных отношений. С точки зрения современной лингвистики, в этом случае принято говорить о категории локализации, которая «указывает на определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру» [Плунгян 2000: 175], а также о категории ориентации, «элементы которой характеризуют направление развертывания данного события по отношению к данному объекту» [Великорещский 2002: 13]. Исследователи выделяют около 10 основных способов локализации и 4 основных типа ориентации (или локативных ролей) (см. об этом подробнее: [Плунгян 2002: 65]).

В удмуртском языке представлены следующие типы ориентаций: а) эссив, указывающий на нахождение объекта в покое по отношению к ориентиру; б) латив, актуализирующий перемещение объекта к пространству, связанному с ориентиром; в) элатив, маркирующий перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром; г) пролатив, указывающий на перемещение объ-

екта через пространство, связанное с ориентиром. Каждый из указанных типов ориентаций в исследуемом языке находит свое морфологическое выражение, в частности, статическое состояние маркируется посредством инессивных форм: *Госпитальын* (Ines) *со арлэсь ятыр кыллиз* (Перевощ., 438). 'В госпитале (Ines) он пролежал больше года'.

Перемещение объекта через/сквозь пространство, связанное с ориентиром, может быть выражено посредством падежа пролатив: *Бусыетй* (Prol) *бызьыса-бызьыса бертйз* (СС, 178). 'Она [Галя] прибежала домой через поле (Prol)'; *Нош кыр интыостй* (Prol) *[солдатъёс] нюж мыно* (Байт., 128). 'А по открытому пространству (Prol) они [солдаты] ползут по-пластунски'.

Указание на начальный и конечный пункт движения актуализируется посредством падежных пар элатив – иллатив или эгрессив – терминатив соответственно: *Собере потйм ми та магазиньсь* (El) (МС, 64). 'Потом мы вышли из этого магазина (El)' ~ *Та малпанъёсын лавкае* (Ill) *пыри* (Нян., 134). 'С такими мыслями я зашла в магазин (Ill)'; *Соку соос трос кузя вал, райцентрысен* (Egr) *станциизь* (Ter) *кык автомашинаен келязы* (СЕВ, 18). 'Тогда их было много, от райцентра до станции их провожали на двух машинах'; *Кыче но нимъёс, городъёс овёл татын [борддорын]!* *Ваньзэ адъид ке, адъод асьме странамылэсь быдэс географизэ – Владивостокысен* (Egr) *Брестозь* (Ter), *Одессаысен* (Egr) *Ленинградозь* (Ter) (Лом., 46). 'Каких только имен, названий городов здесь [на этой стене] не нацарапано. Если все [надписи] посмотреть, увидишь всю географию нашей страны – от Владивостока до Бреста, от Одессы до Ленинграда'.

Следует заметить, что среди указанных форм падежи иллатив и элатив имеют более высокую дистрибутивную нагрузку, т. к. обладают более высоким уровнем абстракции. В отличие от них падежи эгрессив и терминатив характеризуются низкой частотностью употребления, что, по-видимому, объясняется интралингвистическими факторами: «Указание на начальный и конечный пункты траектории предполагает более полное знание о движущемся объекте; кроме того, оно более уместно в тех случаях, когда предметом обсуждения являются цели, намерения и в целом состояние сознания (активных) участников ситуации» [Плунгян 1999: 219].

В рамках литературного удмуртского языка семантическая структура латива может включать еще и значение приближения к ориентиру, выражаемое падежом аппроксиматив. В данном контексте указанный падеж используется исключительно для обозначения эксклюзивных значений, т. е. для обозначения движения к пункту без захода в него: *Озыы ке но, гуртлань* (Аррг) *сётйськыны ѓз дырты – центре вуыса, тымет дуре васькиз но нуназе палозь ярдуртй калгиз* (Перевощ., 373). ‘Несмотря на это, он не спешил домой (букв. в сторону дома (Аррг)): добравшись до центра, он спустился к пруду и до обеда бродил по берегу’.

Учитывая, что в лингвистической литературе принято выделять четыре больших класса абсолютных ориентиров – предметные, гравитационные, антропоцентричные и дейктические (см. об этом подробнее: [Плунгян 1999: 212–223]) – можно заметить, что падежный маркер *-лань* в плане выражения пространственных отношений может употребляться только с именами существительными первого класса, или с предметными ориентирами, под которыми понимаются «любые фрагменты окружающей действительности, важные для человеческой деятельности. Это могут быть элементы ландшафта, выделенные артефакты и др.» [Плунгян 1999: 213]. При обозначении гравитационных, антропоцентричных и дейктических ориентиров в исследуемом языке, чаще всего употребляются наречия, наречные слова и дейктические элементы.

Рассматривая категорию локализации в удмуртском языке, важно отметить, что здесь, как и в других финно-угорских языках, для выражения пространственных отношений параллельно с падежными формами используются послеложные конструкции. В одних случаях они представляют собой синонимичные формы: *бусыетй ортчыны* ~ *бусы пыртй ортчыны* ‘пройти полем’; или: *гуртлань вамыштыны* ~ *гурт пала вамыштыны* ‘направиться в сторону/по направлению деревни’. В других случаях падежные маркеры выражают грамматические значения более высокого уровня абстракции, а семантика послелогов довольно конкретна: они передают частные топологические значения: *азбарын* (Ines) *будыны* ‘во дворе расти’ ~ *азбар шорын* *будыны* ‘посреди двора расти’.

Рассмотренная выше система типов ориентаций *латив* ~ *эссив* ~ *элатив* ~ *пролатив* довольно последовательно представлена и в структуре серийных послелогов: *корка доры* (~ *корка дорозь*) ‘к

дому (~ до дома)' ~ *корка дорын* 'у дома' ~ *корка дорысь* (~ *корка дорысен*) 'от дома' ~ *корка дортй* 'через пространство перед домом' и др. Таким образом, большинство серийных послелогов удмуртского языка являются смешанными локализационно-ролевыми формами, т. к. они выражают не только определенную локализацию (в данном случае 'участок пространства в непосредственной близости от объекта'), но и определенную ориентацию. В зависимости от участия послеложных форм и падежных аффиксов в выражении пространственных отношений, модели локализации в современном удмуртском языке можно подразделить на два типа: а) локализации, выражаемые послеложными конструкциями; б) локализации, представленные падежными ~ послеложными формами.

К первой группе локализаций можно отнести локализации нахождения/движения перед лицевой стороной ориентира, в пространстве перед ориентиром (*Ante*); нахождения/движения рядом с ориентиром (*Apud*); нахождения/движения в пространстве за ориентиром (*Post*); нахождения/движения под ориентиром (*Sub*); нахождения/движения над ориентиром при отсутствии контакта (*Supra*); нахождения/движения вокруг ориентира (*Circum*), нахождения/движения в пространстве вне ориентира (*Extra*). Каждый из данных моделей локализации выражает частные топологические значения, и, соответственно, находит грамматическое выражение через послеложные конструкции, например: *Машина юрт азе дугдйз*. 'Машина остановилась перед домом'. ~ *Машина юрт съёры дугдйз*. 'Машина остановилась за домом'. ~ *Машина юрт вёзы дугдйз*. 'Машина остановилась у дома' и др. В ряде случаев при выражении отдельных типов локализаций встречается довольно большое количество близких по значению послелогов. Их употребление может быть обусловлено: а) характеристиками объекта по признаку одушевленности/неодушевленности (*адями мышкын* 'за человеком' ~ *корка берын* 'за домом'); б) наличием различного признака «контактность/неконтактность» (*корка йылын* 'на крыше дома (букв. на доме)' ~ *корка вадьсын* 'над домом'); в) диалектными особенностями (*корка берын* ~ *корка съёрын* 'за домом') и др.

Вторая группа локализаций может быть выражена либо посредством падежных форм, либо с помощью послеложных конструкций. Выбор говорящим того или иного способа выражения ло-

кализации связан с определенным различием ситуаций, описываемых этими предложениями, а в некоторых случаях также идиолектом говорящего. В частности, при указании на местонахождение объекта по отношению к вертикальной поверхности ориентира (локализация Ad) могут использоваться как падежные формы, так и послеложные конструкции: *Борддоре* (III) *суред оши*. ‘На стену я повесил(а) картину’. ~ *Борддор борды суред оши*. ‘На стену я повесил(а) картину’. Подобное варьирование грамматических способов выражения локализации характерно для базовых моделей локализации: моделей, указывающих на нахождение/движение в контакте с вертикальной поверхностью ориентира (Ad); нахождение/движение внутри ориентира (In); нахождение/движение в пространстве между ориентирами (Inter); нахождение/движение в контакте с верхней стороной ориентира (Super). Данное явление, по-видимому, можно объяснить отсутствием в системе удмуртского языка противопоставления внешнеместных и внутреннеместных падежей: *Усьтон сумкаын* (Ines) *кылле*. ~ *Усьтон сумка пушкын* *кылле*. ‘Ключи лежат в сумке’. Ср.: *Тылобурдо липетын* (Ines) *пуке*. ~ *Тылобурдо липет вылын/ылын* *пуке*. ‘Птица сидит на крыше’.

Однако важно заметить, что замена послеложных конструкций падежными аффиксами допускается не во всех случаях указанных локализаций. В этом отношении значимыми являются наличие/отсутствие актуализации типа поверхности пространства, на которой происходит движение, а также в ряде случаев физические и геометрические характеристика ориентира. Еще одной особенностью пространственных падежей удмуртского языка является то, что все они (за исключением пролатива) используются для выражения темпоральных отношений. По-видимому, взаимосвязь пространственно-временных отношений является типологической универсалией (см. об этом: [Ходова 1971: 116–117]). Как подчеркивает большинство ученых, уже в уральском праязыке локатив **-n(I)* помимо выражения пространственных значений использовался для актуализации темпоральных отношений (см. об этом: [Ермушкин 1978: 175]). Таким образом, одной из типологических черт, характерной для удмуртского языка, является наличие широкого спектра падежных форм с пространственной семантикой.

2.2.1. Местный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме местного падежа

В системе современного удмуртского языка местный падеж (инессив, *интыян каб*) имеет следующие формальные показатели:

1) *-ын*, присоединяющийся к основе большинства имен существительных в парадигме простого склонения единственного и множественного числа (а также к основам серийных послелогов): *Улонын* *ведь номыр капчиен уг сётйськы* (Перевощ., 255). ‘В жизни ничего не даётся легко’; *Ми соин али городын улйськом* (Загр., 330). ‘Мы с ним сейчас проживаем в городе’; *Шуд бакчаын* *уг буды* (Инг., 307). ‘Счастье не растёт в огороде’; *Шварценеггер боевикъёсын шудэ* (Хайд., 38). ‘Шварценеггер играет в боевиках’; *Вордскем со [Еремеевич] удмурт гуртын, нош зуч сямен вераське усто* (СЕВ, 69). ‘Родился он [Еремеевич] в удмуртской деревне, но по-русски он говорит хорошо’;

2) *-н*, присоединяющийся к основе отдельных имен существительных (типа *корка* ‘дом, здание’, *куала* ‘общеродовое святилище, летняя кухня’, *кунокуа* ‘гостиница’): *Вöзысь коркан будйз Гарась, вань улон-вылонэз Лекан дорын вал* (СН, 8). ‘В соседнем доме рос Гарась, вся его жизнь прошла у Лекана’; *Гужем жьытэз коркан уд ортчыты* (Хайд., 15). ‘Не будешь же проводить летний вечер в помещении/дома’; *Мугорыз коркан, йырыз педлон* (Инг., 335). ‘Туловище внутри (букв. дома), голова снаружи’;

3) функционирование показателя *-а/-я-*, характерно в следующих случаях:

а) при именах существительных в форме притяжательного склонения: *Кияды – адыми сюлэмъёс, адыми лулгёс, нош тй соосын пичи мурт чачаосын шудэм выллем вырискоды* (Гряз., 218). ‘В ваших руках человеческие сердца, человеческие жизни, а вы с ними обращаетесь как дети с игрушками’; *Быркытлэн кужымез*

гижыяз (Инг., 309). ‘Сила коршуна в его когтях’; *Гуртаз ватскыса кема улыны Гаян ӧз дӱсьты* (Конов., 50). ‘Гаян не осмелился оставаться (букв. спрятавшись) дома надолго’;

б) при наличии в структуре слова (имен прилагательных, имен числительных, причастных форм, местоименных и последежных основ) указательно-выделительных и лично-притяжательных суффиксов: *Вож буюм капкалэн юбо йылъёсиз куиняз ик левъёс* (Петр., 243). ‘На всех трех столбах, выкрашенных в зеленый цвет, [выгравированы] львы’; *Нырысь укно – кезьыт курт-чонъёс, кыкетӱяз – шыд, куинетӱяз – сӱльын пӧрам, жжук но мукет, басӱтӱськод мылкыд каремедъя, ньылетӱяз – маке но ческытӱз – компот, кофе, чай* (Архип., 31). ‘В первом окошке [выдают] холодные закуски, во втором – суп, в третьем – по своему усмотрению выбираешь мясные блюда, кашу и другое, в четвертом – что-нибудь сладкое – компот, кофе, чай’;

4) *-лан*, функционирующий в морфологической структуре отдельных топонимов. Как отмечает И. В. Тараканов, «в своем реликтовом виде аффикс *-ла* присоединяется лишь к именам существительным, являющимся названиями удмуртских воршудов, оканчивающихся на *-а(-я)*: *Пурга, Бигра, Монья, Можга, Тукля, Дурга, Юмья, Уча, Бодья, Бӧня, Докья, Игра* и др., которые исторически превратились в топонимы (...) Формы на *-ла* могут осложниться падежными аффиксами местного (инессива), исходного (элатива), отдалительного (эгрессива) падежей» [Тараканов 2007: 127], например: *Туклялан но Вадогуртын вальёссы гырыны потымонэсь* (Лям., 364). ‘В деревнях Тукля и Вадогурт лошади пригодны для полевых работ’; *Можгалан куать толэзьем курсэз ортчем беразы, Климов Сергеез, Камашев Василиез но эшио кӧня ке егит офицеръёсты Шолья станцие ытӱйзы* (Гавр., 140). ‘После того, как прошли шестимесячные курсы в Можге, Климова Сергея, Камашева Василия и еще нескольких молодых офицеров направили на станцию Шолья’;

5) нулевой маркер, характерный для инессивных форм притяжательного склонения следующих лексем: *куала* ‘общеродовое святилище, летняя кухня’, *корка* ‘дом, здание’: *Гужем куалаӧзы сисько Ванёкӱс* (СН, 67). ‘В летнем куала ужинают Ваня и его семья’; *Небось, Лизокед вань дыръя коркаӧд уд пурккетӱськы вал!* (Нян., 8). ‘Наверняка, когда твоя Лиза была жива, ты не ку-

рил в доме'; *Атаезлэн вынызлэн коркаөз ик Лизалы дышетскыны шуд усиз* (Евс., 129). 'Лизе посчастливилось учиться в доме младшего брата отца'. Следует однако подчеркнуть, что указанные лексемы в форме притяжательного склонения параллельно могут использовать и суффикс *-я-*: Ср. *Нош коркаям сыёе оз тырмы кышномурт* (Нян., 120). 'А в моем доме так не хватало женской руки (букв. женщины)'

С точки зрения синтагматики, лично-притяжательные суффиксы располагаются за морфологическими показателями местного падежа: *Муртлэн дөдьыяз кыдёке уд вуы* (Инг., 311). 'На чужих санях далеко не уедешь'; *Мон валесам назьылляськисько* (Нян., 91). 'Я валяюсь в своей постели'. По отношению же к суффиксам множественного числа инессивные маркеры занимают постпозицию: *Общежитиосын улыса гинэ котьмае сиыны дышиськиз* (Нян., 157). 'Только начав жить в общежитии, я перестала быть привередливой к еде (букв. привыкла кушать все)'; *Тани пуко соос креслоосазы* (Нян., 97). 'Вот сидят они в своих креслах'; *Тэльвырын улйсьёслэн бакчаосазы, азбаръёсазы озьы ик кылиллям вашкала писпуос* (Лом., 115). 'У жителей Тэльвыра в огородах и дворах так и остались старые деревья'.

II. Семантическая структура местного падежа

Среди пространственных падежей современного удмуртского языка местный падеж характеризуется высокой дистрибутивной нагрузкой. Его семантическая структура представлена следующими значениями.

1. Пространственные значения

Основным семантическим значением удмуртского инессива является указание на место, где протекает действие: *Жужыт горд ярдурын сылз со* [Беков] (Лям., 8). 'Он [Беков] стоит на высоком глинистом (букв. красном) берегу'; *Вадогуртын луд уж быриз ни* (Лям., 223). 'В деревне Вадогурт полевые работы завершились'; *Нош пöраськон интыын газэн плитаез вань* (СЕ, 206). 'А на кухне есть газовая плита'.

Локальное значение, передаваемое данной падежной формой, может быть как конкретным, так и абстрактным: *Сюанзы ресторанын вал* (Нян., 77). ‘Свадьбу справили в ресторане’. Ср. *Укыргес но яратонын уг удалты тыныд* (Нян., 128). ‘Особенно не везет тебе в любви’

В отличие от прибалтийско-финских языков, где в выражении внешнеместных и внутреннеместных пространственных координат участвуют различные падежные формы, удмуртский местный падеж выражает любые локальные характеристики. Используя основные характеристики типологического исследования локальной ориентации, можно выделить следующие значения местного падежа в удмуртском языке:

а) указание на предмет, внутри которого находится другой предмет или внутри которого совершается действие (локализация **In**): *Кафе-барын дискотекаос ортчыло* (МС, 143). ‘В кафе-баре проводятся дискотеки’; *Землянкаын жёкыт но кот суй зын* (Гавр., 181). ‘В землянке душно и пахнет сырой землей’; *Пеймыт тылысын уйшорозь нукиз Поздеев* (Смир., 24). ‘В тёмном шалаше Поздеев просидел до полуночи’; *Дырыз вуыса, Анна кенаклэн коркаөз пичи нуны куара кылйськиз* (СЕ, 207). ‘Когда наступил срок, в доме тёти Анны зазвенел детский голосок’; *Комнатаын кезьыт* (Лом., 22). ‘В комнате холодно’;

б) указание на внешнее пространство или на место, характеризующееся отсутствием четких физических границ (локализация **Super**): *Урамын кузёяське бер сйзьыл* (Нян., 73). ‘На улице господствует поздняя осень’; *Перронын трос калык* (Смирн., 187). ‘На перроне много людей’; *Бусыюсын ю-нянез октон дыр шуыса ик уг шөдйськы* (СЕ, 16). ‘Даже не чувствуется, что на полях уборочная страда’; *Инмын толзёз пиштэ* (Лом., 44). ‘На небе светит месяц’; *Кырын туннэ, оло, куамын градуслэсь но кезьыт* (Лом., 82). ‘По-видимому, на улице сегодня ниже тридцати градусов холода’;

в) указание на нахождение на поверхности вертикального пространства (локализация **Ad**): *Борддораз ишалер-мар лякылэмын өвёл* (Нян., 33). ‘На стенах нет подобия обоев’; *Борддоръёсын, жёккъёс вылын олокыче но корт тйрлыкъёс, инструментъёс чияло* (Крас., 367). ‘На стенах, на верстаках блестят различные железные вещи, инструменты’;

г) указание на место со сплошной средой (локализация **Inter**): *Малы улэп адями тузон-дэриын ортчытэ улон даурзэ* (МС, 164). 'Почему живой человек проводит свой век в пыли и грязи'; *Татын, лымыын, стало быть, ваньзэ верано?* (СС, 100). 'Здесь, [утопая] в снегу, стало быть, надо обо всем рассказать?'; *Интересно луысал, вань улондэ пробиркаын, шуныт спиртын пукиськод* (Сер., 124). 'Было бы интересно: сидишь себе всю жизнь в пробирке, в теплом [растворе] спирта'; *Атай кулйз, лымыын кынмыса* (Сер., 38). 'Мой отец умер, замерзнув в снегу'; *Кезьыт вуын [солдатлэн] пыдыз коскалоз* (Лом., 59). 'В холодной воде сведет [солдату] ногу'; *Куазь ке зориз, дэриын буксовать кароно луоз* (Нян., 77). 'Если будет дождь, придется буксовать в грязи';

д) в контексте с именами числительными и мезуративами, выражающими протяженность в пространстве, удмуртский инесив может указывать на удаленность от месторасположения ориентира (локализация **Ultra**): *Чугун сюрес куамын иськемын, почта сюресозь эшишо но кыдёкынгес* (Сер., 156). 'Железная дорога проходит в тридцати километрах [отсюда], до почтовой дороги еще дальше'; *Донлэсь [складзы] ог жёыны иськемын гинэ* (Лом., 177). '[Склад находится] примерно в полукилометрах от Дона';

е) выражение «геометрико-событийного» пространства. В данном случае речь идет о том, что местный падеж может использоваться при существительных, обозначающих событийные фреймы типа *репетиция, состязание, испытание, собрание, проводы* и способен «добавлять к их семантике указание на место (условно-«геометрическое» пространство), создавая тем самым некоторое комплексное геометрико-событийное пространство. Вхождение в такое пространство предполагает, с одной стороны, то или иное участие в самом событийном фрейме, а с другой стороны, нахождение в определенном месте» [Селиверстова 2000: 201], например: *Ёош вал соос фронтын* (Лям., 21). 'На фронте они были вместе'; *Экзаменын нырысь ик сочинение гожтйзы* (Лям., 227). 'На экзамене вначале писали сочинение'; *Ёош улём эмиграцын* (Лям., 247). 'Мы вместе были (букв. жили) в эмиграции';

ж) выражение функционально-событийного пространства характерно в том случае, если формы местного падежа употребляются с существительными, выражающими профессию, род дея-

тельности человека и др.: *Вань улонзэ токарьын ветлэм воргорон ужтэк кылем* (ПГ, 246). ‘Мужчина, проработавший всю свою жизнь токарем, остался без работы’; *Ляльчыын ужаса ветлон капчи өвөл* (Лям., 12). ‘Быть батраком нелегко’; *Дышетісьын кызь арлэсь кема ужаса, классъёсын ветлыны дышем сяменыз потійз Дымов сельсоветысь* (ПМ, 29). ‘Проработав более двадцати лет учителем, Дымов вышел из сельсовета так же, как он обычно расхаживает в классе [между партами]’; – *Грузчикин ужай, – мур лулскиз Поздеев* (Лям., 249). ‘– Грузчиком работал, – глубоко вздохнул Поздеев’;

Однако, как показывают примеры из современной художественной литературы, данная семантическая нагрузка в последние годы имеет тенденцию к замещению послеложными формами: *Конюхо луыса дасо аръёс пала ужа вал ини соку Лизка* (СН, 138). ‘К тому времени Лиза уже проработала конюхом более десяти лет’; *Пенсие потытозяз, школаын завхоз-конюхо луыса ужаз Васyleй* (СН, 219). ‘До тех пор, пока Васyleй не вышел на пенсию, он проработал в школе конюхом-завхозом’; *Милям гуртысьтымь война дыръя куинез воргоронъёсмы заводын токарё луыса ужазы* (Лям., 321). ‘Во время войны трое мужчин из нашей деревни работали на заводе токарем’. Интересно отметить, что в коми языке, как отмечает В. М. Лудыкова, имена существительные данной группы имеют тенденцию к замещению формами творительного падежа: «В настоящее время при выражении профессии, рода занятий преимущественно используется форма творительного падежа: *уджалö учительён* ‘работает учителем’, в то время как в этом значении изначально использовалась инессивная форма, о чем свидетельствуют ранние тексты» [Лудыкова 2005: 89].

При выражении абсолютной локализации в предложении могут функционировать несколько неоднородных лексем, маркированных инессивными показателями. В этом случае локализация чаще всего представлена от более широкого топоса к более узкому: *Школаын библиотекаын соос чылкак кык гинэ* (СС, 33). ‘В школьной библиотеке (букв. в школе в библиотеке) их [сборника М. Петрова] всего два экземпляра’; *Общежитиын Мики пичи комнатаын улійз* (Лям., 305). ‘В общежитии Мики проживал в маленькой комнате’; *Людмила магазинъёсын вуз жоктон-*

жэсутъян ужын юрттійськиз (СС, 216). '[Людмила] подрабатывала [подсобным рабочим] в приёмке и разгрузке товаров в магазинах'.

Абсолютная локализация может быть выражена также сочетанием элативных форм с инессивными: *Цюрихберг гурезьысь куак улын, ышыг интыын, Ильич турын вылэ выдыса лыдзиськылэм* (СС, 203). 'Под кустами горы Цюрихберг, в безветренном месте, Ильич читал, бывало, лёжа на траве'; *Солэн [Людмилалэн] Саша пиез вордскиз Курилысь Туруп шормуңын* (СС, 209). 'Ее [Людмилы] сын Саша родился на острове Туруп на Курилах'.

Использование более одной лексемы, маркированной формами местного падежа, характерно также в случае выражения инессивными формами различных семантических функций: *Война бырон азын гинэ, 1944 арын тол вылтй, МТС-ын механизаторъёс ичи кылемен солы вазиськизы* (Ворон., 3). 'Только перед самым окончанием войны, зимой 1944-го года, из-за недостатка механизаторов на МТС, к нему [Филиппу] обратились с просьбой'.

2. Темпоральные значения

При выражении локализации действия во времени в системе удмуртского языка участвуют различные падежные формы, в том числе важную роль в этом играют пространственные падежи. Наиболее частотными здесь оказываются инессивные и иллативные формы, дистрибуция которых зависит от семантического наполнения имени существительного. Так, имена существительные, обозначающие названия месяцев, дни недели, названия праздников, как правило, маркируются иллативными показателями: *1-тй толиоре котькин Виль арез пумита, нош соос кулэм сярысь иворен ваче кымес пумиськоно луизы* (Гряз., 16). '1-го января все встречают Новый год, а им пришлось столкнуться с новостью о смерти'; *Куартолэзе ортчыт пöсь, көс улэмен, уральёслэн валэс юоссы но, кизем турыньёссы но туэ туж ляб тэлежизы* (Перевощ., 497). 'Из-за того, что в мае погода была очень жаркой и сухой, и озимые, и засеянные травы в колхозе «Урал» в этом году взошли плохо'; *Ну, ничево, понедельник шутэтскы но жадемед быроз* (Пер 1997: 350). 'Ну ничего, отдохнешь в понедельник, и усталость пройдет'; *Ог гужем нуналэ, нуназе бере ини,*

Овчинниковлэн кабинетаз лобыса сямен Клементьев пыриз (Перевощ., 274). ‘В один из летних дней, уже после обеда, в кабинет Овчинникова влетел Клементьев’; *Понедельнике уже лыктй* (Хайд., 58). ‘В понедельник я пришел на работу’; *Нош вордйсь-конэ, ч’апак та нуналэ киноез возъматыны кулэ вал* (Нян., 85). ‘А в понедельник, именно в этот день, должны были показывать кино’.

Годичные сегменты, а также названия суток, лексемы *секунд* ‘секунда’, *минут* ‘минута’, *арня* ‘неделя’, *толэзь* ‘месяц’, *ар* ‘год’, *даур* ‘век’ и др. могут маркироваться как иллативными, так и инессивными формами (в ряде случаев с различными семантическими нагрузками): *Кемалась вал уни со, куамынэтий аръёсы* (Перевощ., 292). ‘Это было уже давно, в тридцатые годы’. Ср.: *Пёр-тэм трос ёз ке но донгиськы, туал арын соиз понна но тау шуод уни* (Перевощ., 679). ‘Хотя она и не зарабатывала много, но нынче (букв. в этом году) и за этот доход скажешь спасибо’; *Тани лымшор бере куинь часын поезд кошке* (СЕВ, 11). ‘В три часа послеполуденного времени отправляется поезд’. Однако в обоих случаях наличие морфологических маркеров множественного числа говорит о выражении приблизительной временной локализации: *Тон тодйськод-а, кёня философъёсты быдтйзы асьмелэн куамын сизьыметй аръёсы* (Пукр., 188). ‘А знаешь ли ты, скольких философов погубили у нас в тридцатые годы’.

При актуализации темпоральных отношений местный падеж в форме единственного числа чаще всего выражает конкретную локализацию во времени: *Ч’апак дас кык ар талэсь азьло, 1906 арын вал, – шонертиз Микол* (Лям., 28). ‘– Это случилось ровно двенадцать лет тому назад, в 1906 году, – поправил Микол’; *1956 арын бер сйзьыл бертиз Васyleй но* (СН, 218). ‘В 1956 году поздней осенью возвратился и Васyleй’; *Институтэ мон куать часын ик вуи* (Пукр. 120). ‘В институт я пришел в шесть часов’; *Укмыс часын быдэс музъем шори пилиськиз кадь* (Гавр., 143). ‘В девять часов словно вся земля разделилась надвое’; *1921-тий арын кёс гужем луиз* (Пукр., 229). ‘В 1921-ом году было засушливое лето’.

Аналогичное распределение значений между разными пространственными падежами при выражении темпоральных значений встречается и в других финно-угорских языках. В частности, в эстонском языке при выражении временных координат продук-

тивными являются падежи инессив и адессив. Как отмечает Л. Раннут, выбор падежа зависит, с одной стороны, от диалектных особенностей: «инессив превалирует в северо-восточном диалекте северного побережья, в североэстонских диалектах и в литературном языке; адессив имеет распространение большей частью в южноэстонских диалектах» [Rannut 1959: 74–75]; с другой стороны, их дистрибуция обусловлена семантическими особенностями (см. подробнее: [Rannut 1959: 55–77]), в частности, формы инессива чаще представлены при выражении обстоятельства времени, указывающего на нормы работы или оплаты; обстоятельства времени, показывающего, в какой промежуток времени что-либо повторяется или повторно наблюдается; обстоятельства времени, отвечающего на вопрос *за какое время?* и обозначающего продолжительность протекания действия. Инессивные формы используются также при выражении названий месяцев (*jaanuaris* ‘в январе’, *märtsis* ‘в марте’ и др.).

Итак, в системе пространственных падежей современного удмуртского языка падеж инессив, с одной стороны, отличается высокой дистрибутивной нагрузкой, с другой – семантической однородностью выражаемых значений, последнее, по-видимому, обусловлено дифференциацией семантических значений финно-пермского локативного **-na/-nä* между инессивными и инструментальными формами в прапермский период.

2.2.2. Входный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме входного падежа

В системе современного литературного языка входный падеж (иллатив, *пырон каб*) может оформляться следующими морфологическими показателями:

1) *-e/-э*, присоединяющийся к основе большинства имен существительных (а также к основам некоторых серийных послелогов): *Куноос бызъыса сямен ураме потйзы* (Конов., 114). ‘Гости почти бегом выбежали на улицу’; *Та пумысен Ринаеныз кенешыса, соос автовокзалэ потйзы* (Перевощ., 416) ‘Переговорив об этом с Риной, они пошли на автовокзал’; *Гуртэ бертыса, пичи бурдоме четлыке пытсай* (Загр., 333). ‘Вернувшись домой, я запер маленькую птичку в клетку’; *Ачим пока заводэ интыяськи* (СН, 296). ‘Сам я пока устроился на завод’. Ср.: *Марья кенак дйне бертылыкуды, эшишо ке огпол клубын но вераськиды* (Перевощ., 25). ‘Когда Вы приезжали к тете Марье, вы даже однажды устраивали встречу в клубе’;

2) *-ы*, присоединяющийся к основе отдельных имен существительных и к основам некоторых серийных послелогов (например: *нюлэскы* ‘в лес’, *сэргы* ‘в угол’, *доры* – послелог в значении ‘к’, *вискы* – послелог в значении ‘между’ и др.), а также к именам существительным в форме множественного числа: *Ложкин ульча сэргы вуиз* (Смирн., 100). ‘Ложкин дошёл до угла улицы’; *Партизанъёс нюлэскы пыризы* (Смирн., 37). ‘Партизаны вошли в лес’; *Лудъёсы, садо сюрес вылэ югытсэ кисьтэ толэзь* (Лям., 21). ‘(букв.) На поля, на садовую дорогу проливает свой свет луна’; *Инженерен ваче син пумиськиз но, [Старков] мар шуыны тодэтэк, ёс кусны султйз* (Смирн., 94). ‘Встретившись с инженером с глаз на глаз, [Старков] остановился в дверях, не зная что сказать’; *Со [Тарасов] жог ышиз писпуос съёры* (Смирн., 21). ‘Он [Тарасов] быстро скрылся за деревьями’.

Однако данная группа существительных в ряде случаев может иметь как *ы*-овые, так и *-е/-э*-овые иллативные маркеры: *Нюлэскы бус лӧсъяске* (Смир., 11). ‘На лес опускается туман’. Ср.: *Бусы сюрес нюлэсэ вуттӱз* (Смир., 37). ‘Полевая дорога привела в лес’. Или: *Эктэ, эктэ но – сэргы пуксе (Їужон)* (Инг., 330). ‘Танцует, танцует, и затем в угол встает (Метла)’; Ср.: *Ложкин сэргысэ сэрге ветлэ* (Смирн., 110). ‘Ложкин слоняется из угла в угол’;

3) Функционирование показателя *-а/-я-*, характерно в следующих случаях:

а) при именах существительных в форме притяжательного склонения: *Їукна пал гинэ умме усьылыса, со фермаяз мынӱсь Нинаеныз йош ик султӱз* (Перевощ., 537). ‘Заснув только под утро, он встал вместе с Ниной, которая в это время собиралась идти на ферму (букв. на свою ферму)’; *Кызлэн йыжсинэз выжсыяз усе* (Инг., 314). ‘Яблоко от яблони недалеко падает. (букв. Шишка ели падает к своему корню)’; *Усьтэ капказэ, пыре азбараз, тубе корказяз* (Инг., 211). ‘Открывает ворота, входит во двор, поднимается на крыльцо’; [*Косьта*] *улон интыяз нокинэ пыраланы оз лэзьы* (Нян., 33). ‘[Косьта] никого не впускал к себе в жилище’;

б) при наличии в структуре слова (имен прилагательных, имен числительных, причастных форм, местоименных основ) указательно-выделительных суффиксов: *Тӱни озьы куамын одйгаз пырем адыми самой секыт вакытэ тракторист луиз* (Ворон., 3). ‘Так человек, которому пошёл тридцать первый год, в самое сложное [для страны] время стал трактористом’; *Нош кызь куиняз мыныку, Ожмег зӱч купеч кийсы синмаськымон корт кульчоё дӑремез адӱиз* (Сер., 81). ‘Когда Ожмегу исполнилось двадцать два (букв. шёл двадцать третий), он увидел у русского купца удивительную железную кольчугу’;

4) *-ла*, функционирующий в структуре отдельных топонимов, о которых уже упоминалось выше при рассмотрении инессивных суффиксов (см. об этом также: [Тараканов 2007: 127]): *Соку та Пельгала ветлӱз, бер вуиз* (Перевощ., 449). ‘Тогда он ездил в Пельгу, приехал поздно’; *Эграла вуыса, школае мынон сяменыз, Роман Петрович редакциысь тодмозэ пумитаз* (Перевощ., 26). ‘Прибыв в Эгру, Роман Петрович по пути в школу встретил знакомого из редакции’; *Отпусксы дырӑя Ижевскысь*

татчы, Тукляла, вуылйзы Кусов кузнальёс (Лям., 412). ‘Во время отпуска Кусовы приезжали из Ижевска сюда, в Туклю; Пельгала нуытоязы, Главатских уйбыртыса эшио кёня ке пол Кудрявцевен Иванлэсь нимъёссэс поттылйз на (Перевощ., 708). ‘Пока его везли в Пельгу, Главатских еще несколько раз в бессознательном состоянии произносил имена Кудрявцева и Ивана’; Харитон Петрович, нош тй Нылгала вуылйськоды-а? (СН, 177). ‘Харитон Петрович, а Вы бываете в Нылге?’;

5) нулевой маркер характерен для отдельных слов с ауслаутной гласной -а (корка ‘дом, здание’, куала ‘общеродовое святилище, летняя кухня’, кунокуа ‘гостиница’, гидкуа ‘двор, дворовые постройки’, куа ‘общеродовое святилище, летняя кухня’): Валентин вуэм бере, кызы но озы коркао пыртйзы (СН, 188). ‘Когда пришел Валентин, [Оберьяна] кое-как затащили в дом’; Кышномуртлы куалао голык пыд пыраны уг яра: воршуд мыжэтоз (Инг., 280). ‘Женщине нельзя заходить в куалу босиком, воршуд наслёт болезни’; Гершыд вёсяськон дыръя Бадзым куалао пырало (Инг., 121). ‘Во время праздника Гершыд посещают Великую Куалу’. Следует однако заметить, что, в системе современного удмуртского языка лексемы этой группы параллельно могут использовать и иллативные формы на -е (в случае простого склонения): Бertyса утча – мон тонэ коркао пырыны ик уг лэзы ни (Нян., 99). ‘Только попробуй вернуться – я тебя уже не впущу в дом’. Ср.: Тйни, бём кадь погылляськыса, коркае кезыт тулкым пыре, пересь мугорез пыр сйсья (Сер., 111). ‘Вот в дом врывается клубясь холодный воздух, пронизывая насквозь тело старика (букв. старое тело)’; или на -я (в случае притяжательного склонения): – Жуммыса коркаом вуи (Нян., 167). ‘В свой дом я зашла уставшей’. Ср.: Коркаям пырыса, милицие жингыртыны валай на (Нян., 145). ‘Вернувшись домой (букв. войдя в свой дом), я догадалась позвонить в милицию’.

С точки зрения морфопорядка, иллативные форманты предшествуют притяжательным суффиксам: Муржолоз васькиз но... йырсиез ке луысал, ваньзэ одйгтэм ишкасал, вылды (Хайд., 148). ‘Он спустился в подполье и ... если бы у него на голове были волосы, он бы, наверняка, повырывал их’; Партизанъёс берытскизы базаязы (Смир., 23). ‘Партизаны вернулись на свою базу’. Суффиксы множественного числа, напротив, занимают препо-

зицию по отношению к морфологическим маркерам входного падежа: *Улонэз аддэм мурт, куамынэтий аръёсы ик солдат сюресъёсыз лёгамын* (Смир., 22). ‘Человек, повидавший жизнь, он уже в тридцатые годы протоптал солдатские вёрсты’; *Мынам вань тазалыке кылемын войналэн бусыюсаз* (Лом., 82). ‘Все мое здоровье осталось на полях сражений (букв. войны)’.

II. Семантическая структура входного падежа

Как и в случае с местным падежом, семантическая структура входного падежа в литературном удмуртском языке представлена пространственными и темпоральными значениями.

1. Пространственные значения

В зависимости от семантической характеристики вербальной единицы и наличия дейктических элементов в тексте, иллативные формы могут актуализировать как значение приближения (движение по направлению к кому-/чему-либо) или удаления (движение откуда-либо) от дейктического центра, так и значение движения как такового (идти, двигаться).

Используя основные характеристики типологического исследования локальной ориентации, можно выделить такие возможности входного падежа в удмуртском языке, как указание на:

а) движение внутрь ориентира (локализация **In**): *Таёе малпанъёсын лавкае пыри* (Нян., 134). ‘С такими мыслями я зашла в магазин’; *Бодызэ басътыса, мунчое вামыштійз пересь* (Загр., 334). ‘Взяв свою трость, старик направился в баню’; *Конторае Анна кенак пыриз* (Петр., 228) ‘В здание конторы (букв. в контору) вошла тетя Анна’; *Эшъёссэ келяса, Тамара Юхнина тылысэ ёз пыры* (Смир., 14). ‘Проводив своих друзей, Тамара Юхнина шалаш не зашла’;

б) движение в однородное пространство (локализация **Inter**): *Нокинэ кылэм-аддэм уг поты – коть огшайлы кёс кыралысь луое чоксаськы* (Нян., 128). ‘Никого не хочется ни видеть, ни слышать; хоть иди и зарывайся в песок в пустыне’; *Роза сяськаоссэ вуэ пуктійз* (СС, 31). ‘Роза поставила цветы в воду’; *Милиционерлэсь но*

лобзытйиз горд фуражказэ – пырак дэрие (Сер., 69). '[Саша] задел красную фуражку милиционера, и [она упала] прямо в грязь';

в) актуализация движения на поверхность ориентира или в пространство, не имеющее четких физических границ (локализация **Super**): *Пыдыз туж висиз ке но, дорын валесэ выдыса оз кыллы* (Пукр., 8). 'Хотя его нога сильно болела, он не остался дома, лежа в постели'; *Дыртыса потйиз со ураме* (Ник., 9). 'Он [Витя] торопливо вышел на улицу'; *Планерьёсмы инме лобзызы ке, со пилемьёс пазыгиськозы ведь, о-о?* (СС, 141). 'Если наши планеры полетят в небо, они же развеют облака?'; *Сураськем мылкыдын потйиз Люба ураме* (СС, 177). 'С противоречивыми чувствами Люба вышла на улицу';

г) движение в сторону/на вертикальную поверхность ориентира (локализация **Ad**): *Петыр корка ёсэ йыгаз* (Лям., 22). 'Петр постучал в дверь'; *Йёзектэм укное шокаса-шокаса, пересь ог интыетй копейка быдза пась кариз* (СН, 8). 'Подышав на обледеневшее окно, старик сделал в одном месте небольшое отверстие величиной с копейку'; *Їапак та кусын ёсэ жингыртйсь луиз* (Нян., 122). 'Как раз в это время в дверь кто-то позвонил'; *Борддо-ре ошем портретысь шорам чияк учкиз Толстый* (СС, 220). 'На меня взглянул Толстый с висевшей на стене картины'; *[Петя] йырсиэ сына, синучконэ учкылэ* (Лом., 104). '[Петя] расчесывает волосы, смотрится в зеркало';

д) в контексте с именами числительными и мезуративами, выражающими протяженность в пространстве, иллативные формы могут указывать на удаленность от месторасположения ориентира (локализация **Ultra**): *Мар бен, тон сямен, мынам внукъёсы дас ыськеме-а ветлозы табере школае?* (Вас., 60). 'Что же, по твоему, мои внуки будут ходить в школу, расположенную за десять километров отсюда (букв. десять километров (III))'; *Няньлы, сылаллы – куать ыськеме* (Байт., 8). 'За хлебом и солью [шагаем] за шесть вёрст';

е) выражение «геометрико-событийного» пространства (см. об этом: С. 156, а также: [Селиверстова 2000: 201]): *Пенсие потэм мурт уже ке но уг ветлы ни, со понна нунал ворттыса кош-ке кадь, вань малпанзэ лэсьтыса ноку но уг вуы* (Гряз., 64). 'Хотя человек, вышедший на пенсию, уже не ходит на работу, его день проходит незаметно, он не успевает осуществить все задуман-

ное'; *Собере выжтйзы «Гудыри» газетэ* (Евс., 91). 'Потом [его] перевели в редакцию газеты (букв. в газету) «Гудыри»'; *Жыт танцые мыныса, мон Маринаез вальсэ отьыны дйсьтй* (Пукр., 162). 'Выйдя вечером на танцы, я осмелился пригласить Марину на вальс'; *Роза эишо одйг статья гожтысал на «Молотэ»* (СС, 147). 'Роза еще одну статью написала бы в «Молот» (название журнала)'. В данном контексте следует также заметить, что формы иллатива употребляются и в структуре устойчивых структурно-семантических единиц: *Герми мур малпаськонэ усиз аслаз улонэз сярись* (Сер., 122). 'Герми погрузился в глубокое раздумье относительно своей жизни'; *Мар карод на, сыче синазькыле усем бере* (Вас., 25). 'Что же поделать, если [он] стал таким презренным'; *Завод заводэз янгыше уськытэ* (СС, 176). 'Заводы обвиняют друг-друга';

е) выражение функционально-событийного пространства (см. об этом: С. 156): *СПТУ-эз йылпумьса, гужемзэ со тракторын ужаз, собере сельхозинститутэ, агрономе дышетскыны пыриз* (Перевощ., 438). 'Закончив обучение в СПТУ, летом он проработал на тракторе, а потом поступил в сельскохозяйственный институт учиться на агронома'; *Валамон, исполкомлы кивалтйсе нош ик Корепановез чектйз* (Перевощ., 709). 'На должность председателя исполкома [он], конечно же, предложил [кандидатуру] Корепанова'; *Выж миськисе коть интыяськоно-а, шуисько ай* (Хайд., 55). 'Может быть, говорю, устроиться полomoйкой'; *Мынам тонэ зэмос вузкарисе дышетэме потэ* (Евс., 19). 'Я хочу выучить тебя на настоящего продавца'; *Монэ плотнике пуктйзы* (Пукр., 181). 'Меня назначили плотником'.

В целях выражения абсолютной локализации, в структуре предложения могут присутствовать две и более лексемы, оформленные иллативными показателями. Выражение локализации в этом случае чаще всего происходит от более общего к частному: *Киеве госпитале ваизы монэ* (Лям., 37). 'Меня привезли в Киев в госпиталь'. Использование более одной лексемы, маркированной иллативными формантами, характерно также в случае выражения посредством исследуемых суффиксов различной семантической нагрузки: *Беков Сибирьысь вуэм бераз, жоген селовысь вукое мельнике медьяськиз* (Лям., 436). 'Когда Беков вернулся из Сибири, он вскоре устроился мельником на мельницу'.

При выражении пространственных значений входный падеж может употребляться совместно с исходным падежом. Подобное функционирование, с нашей точки зрения, позволяет выражать: (а) ощущение тотальности действия: *Корка пушсэ сэрегысь сэреге учкиз Петыр* (Лям., 23). ‘Петр оглядел дом из угла в угол’; *Пичи бурдо, ассэ жэлятэк кесяськыса, сэргысь сэргы лобаны өдъяз ук!* (Загр., 333). ‘Маленькая птичка с криком начала метаться из угла в угол, не жалея себя’; (б) усилить повествовательный тон текста: *Троицкой ульчаысь кожизы соос Госпитальное – сурен вузкарьсь доры* (Лям., 108). ‘С Троицкой улицы он свернули на Госпитальную – к продавцу пивом’; *Горисполкомысь со каньыл мылкыдын потйз но жегатскытэк больницае ширтйз* (Перевощ., 425). ‘Из горисполкома он вышел в хорошем расположении духа и, не задерживаясь, поехал в больницу’; (в) подчеркнуть скоротечность действия: *Кыысь кие потаз Агрыз* (Лям., 204). ‘Из рук в руки переходил Агрыз’; *Жырдам тыл, кабанысь кабанэ тэтчасе, крепость пала мынэ* (Конов., 79). ‘Разгоревшийся огонь, перескакивая от стога к стогу, направляется в сторону крепости’ и др.; (г) в случае приименной позиции элатива реализуется значение точечной локализации: *Мынйськом ми Свердловск районысь удмурт гуртэ, Аркайылэ* (Пукр., 179). ‘Мы направляемся в удмуртскую деревню Аркайыл, [расположенную] в Свердловской области’.

Как показывают примеры из художественной литературы, входный падеж может также употребляться в контексте с отдалительным падежом. В этом случае лексема, оформленная иллативным маркером, по выражаемому значению – выражение значения предельного действия – вступает в синонимические отношения с падежом терминатив: *Нош гуртысен городэ ветлэмез, кунояськемез сярэсь юась-марась луэ ке, Исьникут Мавыр веранзэ одно ук телевизор пыр аджемынэз йылса на* (Хайд., 39). ‘А если кто-то начинает расспрашивать Исьникут Мавыра о поездке в город (букв. из деревни в город), о том, как он там гостил, свой рассказ он непременно завершает сюжетом, увиденном по телевизору’.

Следует заметить, что с точки зрения включенности в актуализируемое пространство, иллативные формы могут участвовать в разных контекстах: они могут выражать как инклюзивное зна-

чение, т. е. обозначение направления к пространственному пункту с заходом в него, так и – эксклюзивное, т. е. обозначение движение к пункту без захода: *Нюлэскы мынэ – гуртэ учке, гуртэ бертэ – тэле учке* (Инг., 335). ‘Идет в лес – смотрит в сторону дома (букв. домой), возвращается домой – смотрит в сторону леса’; *Кишлаке иськем ёросо вуытэкгес, бронетранспортёръёс дугдйзы* (Перевош., 433). ‘Не доезжая до кишлака около километра, бронетранспортеры остановились’. Как показывают примеры из художественной литературы, с точки зрения частотности употребления указанных форм, преобладают примеры в инклюзивном значении. Тем не менее нельзя утверждать, что низкая частотность движения эксклюзивного характера вызвано употреблением падежа аппроксиматив. Скорее всего, в данном контексте преобладает использование косвенно-объектных падежных форм и послелогов.

2. Темпоральные значения

Как и другие пространственные падежи, удмуртский иллатив используется для выражения темпоральных отношений: – *Лели ачиз пумит ёвёл бере, али кыл сётыны луоз, нош сюанзэ сйзбылэ кельтом, – зичы кадь выриз Сава* (Лям., 57). ‘– Раз Лели сама не против, сейчас можно договориться, а свадьбу отложим на осень, – по-лисьи промолвил Сава’; *Со жьытэ гуртам бер вуи* (Хайд., 58). ‘В этот вечер домой я пришёл поздно’; *Вуоно уе ми татын луом* (Смир., 28). ‘Следующей ночью мы будем здесь’; *Со уе куазь умой-умой ёз но зоры, тэк кыдыраса улйз* (Нян., 73). ‘В ту ночь сильного дождя не было, только моросило’.

Следует отметить, что если в морфологической структуре имени числительного или нумеративных слов присутствуют показатели множественного числа, то в этом случае актуализируются приблизительные временные координаты: *Пеймыт луэм бере, жьыт дас одйгъёсы, нош ик сюлэм шуг луыны одъяз* (Пукр., 195). ‘Когда стемнело, часов в одиннадцать вечера, на душе снова заскребли кошки’.

Таким образом, семантическая нагрузка входного падежа в системе современного литературного удмуртского языка ограничивается выражением пространственно-временных отношений.

2.2.3. Предельный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме предельного падежа

Морфологическими показателями предельного падежа (терминатив, *вуон каб*) в современном удмуртском языке являются суффиксы *-озь/-ёзь* (в случае простого склонения), *-озя/-ёзя-* (в случае притяжательного склонения): *Собере Костя сое трамвай дугдылонтйюзь келяз* (Перевощ., 356). ‘Потом Коля проводил ее до трамвайной остановки’; *Соин ик сизымаз потэм Нюра нуназеозь дораз пукиз* (Перевощ., 712). ‘Поэтому Нюра, которой пошел седьмой год, до обеда просидела дома’; – *Сйзылыозь кыдёкын на, – малпаз со ас понназ* (Лям., 57). ‘– До осени еще далеко, – подумал он [Сава] про себя’; *Тани Петырез пристанёзь келяз, пароходэ пуктйиз Галя Добрякова* (Лям., 230). ‘Галя Добрякова проводила Петра до пристани, посадила на пароход’; *Начальниксэ со, котьку сямен ик, гуртозяз келяз* (Перевощ., 349). ‘Начальника он как обычно проводил до дома’; *Нош кускозяз лэзьям чиль-чиль съёд йырсияз шунды тылсиослэн канжаськылыса калзы быре, луоз* (Нян., 111). ‘А в ее распушенных жгучих черных волосах, наверняка, застревают солнечные лучики’; *Шабурова но июнь толэзёзь Берлинын улйиз на* (Лом., 47). ‘Шабурова до июня месяца тоже была в Берлине’.

Как правило, терминативные показатели предшествуют лично-притяжательным суффиксам: *Кудызэ коркась потто но интыозяз нуо вылэм кышномурт дйясськем пиосмурт но пиосмурт дйясськем кышномурт* (Инг., 237). ‘Короб выносили из дома и до места назначения его несли переодетый в женскую одежду мужчина и переодетая в мужскую одежду женщина’; *Нылаш дунъясь синъёсын йырысеныз пыдозяз учкиз со шоры* (Нян., 54). ‘Девушка оценивающим взглядом окинула его с ног до головы’. По отношению к маркерам множественного числа суффиксы предельного падежа находятся в постпозиции: *Кема-а отын улод? – юасько.*

– *Уг тодіськы, дас частьёсозь, дыр* (Матв., 32). ‘– Долго ли ты там пробудешь? – спрашиваю. – Не знаю, возможно, часов до десяти’.

Что касается диалектных особенностей морфологических маркеров предельного падежа, в отдельных говорах имеются алломорфы *-оэ ~ -оэа, -ос' ~ -ос'а*. С точки дистрибутивной нагрузки исследуемого падежа, можно отметить, что во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах «значительно реже, чем в литературном языке, употребляется терминатив, заменяясь эквивалентным сочетанием имени существительного с послелогом *дороз', дыроз'* ‘до’, напр., б.-тан. *бакча дыроз'* (удм. лит. *бакчаозь*) ‘до огорода’, *вал дыроз'* (удм. лит. *валозь, вал дорозь*) ‘до лошади’ (см. подробнее: [Кельмаков 1998б: 117–118]). Данное явление характерно и для среднечепецкой диалектной зоны (см. подробнее: [Карпова 2005: 65]).

II. Семантическая структура предельного падежа

Основным значением данной падежной формы, как уже следует из названия падежа, является выражения значения предела действия, или его пространственно-временной границы.

1. Пространственные значения

Как и в случае со входным падежом, в зависимости от семантической характеристики вербальной единицы и наличия дейктических элементов в тексте, формы предельного падежа могут актуализировать как значение приближения (движение по направлению к кому/чему-либо), так и удаления (движение откуда-либо) от дейктического центра: *Станциозь со [Пётр] одійг вагонын бертійз Иж заводысь Иван Бажутин рабочиен* (Лям., 20). ‘До станции он [Пётр] доехал в одном вагоне с рабочим из Ижевского завода Иваном Бажутиным’; *Глазовозь келяны медэ вал со [Поздеев], нош комиссар өз лэзы* (Лям., 263). ‘Он [Поздеев] хотел проводить его до Глазова, но комиссар не разрешил’; *Визнанэз мукет ярдурозь чёлтыны луоно* (Загр., 360). ‘Удочку можно закинуть до противоположного берега’.

Однако, в отличие от иллативных форм, рассматриваемый падеж чаще всего указывает на конечный пункт траектории движения (в пространстве или во времени): *Угловой станциозь Пе-*

тыр буш платформа вылын бертӱз (Лям., 79). ‘До станции Угловая Петр ехал на пустой платформе’. Ср.: *Кыз улэ кельтоно сое [кионэз] ӱкнаозь* (Лям., 115). ‘Его [волка] следует до утра оставить под елью’; *Уйшорозь валесаз погылъяськиз-берыкъяськиз но собере пеймыт корказе ышиз* (Хайд., 115). ‘До полуночи он валялся и ворочался в постели, потом исчез в тёмных сенях’.

В отличие от других пространственных падежей, формы терминатива чаще всего актуализируют эксклюзивное значение как по отношению к выражению физических пространственных координат, так и при выражении геометрико-событийного пространства: *Ладиез автобусозь келязы анаез но пичи Васи* (Сер., 103). ‘До автобуса Владимира проводили мать и маленький Вася’; *Пенсиозь одӱг ар гинӱ кылиз на* (Сер., 134). ‘До пенсии остался всего лишь один год’. В связи с этим для семантической структуры предельного падежа важным оказывается не столько тип локализации (значимый, в частности, для инессивных, иллативных и элативных форм), а характеристика движения по отношению к предельности/непредельности действия. Так, в зависимости от семантических характеристик глагола при выражении пространственных отношений предельный падеж может указывать:

а) в сочетании с глаголами движения – на достигнутый предел: *Огырчиозь валэн келязы* (Лям., 237). ‘До Агрыза [меня] проводили на лошади’; *Ижозь куалекъяса мыноно луоз-а, мар-а, Прохор Петрович?* (Лям., 106). ‘До Ижевска осторожно придется ехать что-ли, Прохор Петрович’; *Нош маин райцентрозь мынод?* (Нян., 74). ‘А на чем доберешься до райцентра?’; *Кузяназ [Николай] ортчиз ог куинь ыськем, пырак Бадӱым пужымозь* (Евс., 23). ‘Он [Николай] прошагал около трех километров, прямо до Большой сосны’; *Берлинозь вуыны малпа вал – ӱз кылды* (Смир., 36). ‘[Сергеев] хотел добраться до Берлина – не довелось’; *Ярам коть, автомашинаосы пуксем солдатъёс тӱлӱзь вуизы вал ини* (Лом, 16). ‘Хорошо хоть, солдаты, находящиеся в машине, успели доехать до леса’;

б) на объект, который отстоит (простирается) от другого объекта на некотором расстоянии (локализация **Ultra**): *Туктымозь кык ыськемала луоз* (Лям., 264). ‘До Туктыма будет километра два’; *Пужмо гуртозь ог 40 километр сяна ӱз кылды ни* (Гряз., 129). ‘До деревни Пужмо осталось всего около 40 километров’;

Кыдѣкын ой вал ни гуртозь (Лям., 266). ‘До деревни оставалось уже недалеко’; *Центральной усадьбаозь кыдѣкын* (Вас., 60). ‘До центральной усадьбы [отсюда] далеко’; *Ачид верад, Ленинградозь кыдѣкын на шуыса* (Смир., 47). ‘Ты же сам сказал, что до Ленинграда еще далеко’;

в) как и в предыдущих случаях, предельный падеж может употребляться для выражения геометрико-событийного пространства (см. об этом: С. 156, а также: [Селиверстова 2000: 201]), однако, в данном случае релевантными оказываются характеристики действия с точки зрения темпоральных отношений: *Ведь соос огъѣзъѣс, нылетий классозь чюш дышетскизы* (Крас, 367). ‘Ведь они одноклассники, до четвертого класса учились вместе’; *Сизьым классозь Рево чюш ветлийз [школае] Галяен* (Лом., 42). ‘До седьмого класса Рево [в школу] ходил вместе с Галей’;

г) выражение функционально-событийного пространства (см. об этом: С. 156): *Макем потэ вал Иван Евсеевичлэн пизэ вузчиозь будэтэмеэ* (Евс., 20). ‘Как же хотелось Ивану Евсеевичу вырастить (букв. поднять) сына до продавца’.

При выражении пространственных отношений терминативные формы часто используются в паре с эггессивным падежом. В этом случае чаще всего актуализируется траектория движения: *Дас одйгетий Волховской партизанской бригада Лугаысен Ленинградозь пыдын лыктйз* (Смир., 52). ‘Одиннадцатая Волховская партизанская бригада от Луги до Ленинграда прошагала пешком’; *Турынгуртысен чугун сюрес станциозь автоусэн мынийм* (КГ, 128). ‘От деревни Турынгурт до железнодорожной станции мы ехали на автобусе’; «– *Учкы таете*», – *музысен вӧлдэтозь возьматыса вераз инженер* (Смирн., 55). ‘«– Посмотри на это», – показывая [движением руки] от пола до потолка, сказал инженер’; или содержится указание на протяженность расстояния: *Центральной усадьбаозь татысен ог дасо иськем луоз* (Вас., 63). ‘До центральной усадьбы отсюда будет километров десять’; *Мон Москва дорысен Берлинозь вуи* (Лом, 56). ‘Я дошла от Москвы до Берлина’.

Еще одним отличим употребления предельного падежа от употребления иллативных форм является то, что в художественной литературе в структуре одного предложения функционирования двух и более терминативных форм не обнаружено.

2. Темпоральные значения

При выражении темпоральных отношений удмуртский терминатив чаще всего указывает на временные границы протекания действия: *Ма собере жьытьёсы но та площадказы ёз мёзмылы – тыл кыскемзы бере, оло, уйшорозь юргетылйз: хоккеен шудйсьёс сяна, огишоры нискыласьёс но уго тачак люкаськылйзы* (Перевощ., 514). ‘Да и по вечерам эта площадка не скучала – после того, как установили освещение, здесь до полуночи было шумно: кроме хоккеистов, сюда приходили и те, кто хотел покататься на коньках’; *Мики, тон бертод-а, ёуказеозь кылёд-а?* (Лям., 91). ‘Мики, ты идёшь домой или остаешься [здесь] до завтра?’; *Оло, гужемозь чидалом уни?* (Вас., 16). ‘Может до лета потерпим?’; *Мыным кызьы ке тулысозь гинэ чидано, собере ... кошко* (Крас., 373). ‘Мне бы как-нибудь до лета потерпеть, а там... я уж уеду [отсюда]’.

Таким образом, в отличие от иллативных и инессивных форм, которые указывают на период времени, в один из моментов которого совершается действие, субстантивные формы, маркированные терминативными суффиксами, чаще всего указывают на момент завершения действия: *Жытозь сылй базарын* (Хайд., 92). ‘До вечера простоял на рынке’; *Мугорез бичатэмен [куро], уйшорозь синме кыньыны ой йондыры* (Хайд., 36). ‘Из-за того, что солома щекотала тело, я не смог сомкнуть глаз до полуночи’; *Акашкалэн куинетй нуналаз пересь кышноос, бадь ньё-рез вал карыса но коркась корка шуур улланы ветлыса, акашка уллязы, келязы сое вуоно арозь* (Инг., 123). ‘На третий день акашки пожилые женщины ходили из дома в дом вниз по течению реки, используя ивовые прутья в качестве коня; так провожали акашку до следующего года’; *Турнаны нош Герберозь нокин но ёз пота* (Инг., 121). ‘А на сенокос никто не выходил до праздника Гербер’; *Арня нуналозь ёд ке вай, бер луоз* (Пет., 255). ‘Если [долг] не вернешь до воскресенья, будет поздно’; *Нуналы быдэ жьытозь улылй рейхстаг дорын* (Лом., 57). ‘[Я] каждый день до позднего вечера ждал (букв. был) у рейхстага’.

В сочетании с отдалительным падежом предельный падеж участвует в актуализации интервала времени протекания действия:

Таће юанэн со вазь чукнаысен бер жытозь ветлэ (Смирн., 135). ‘Над этим вопросом он [Ложкин] размышляет с раннего утра до позднего вечера’; – *Кытысь мон тонэ шедьто? – Министерствось. Кыкысен – витёзь* (АС, 65). ‘– Где я тебя могу найти? – В министерстве. С двух до пяти’.

3. Выражение качественных и количественных характеристик (значения меры и степени)

К периферийным семантическим значениям удмуртского терминатива можно отнести его функционирование при указании на отношение меры и степени, которое реализуется с точки зрения следующих позиций:

а) передает идею длины, высоты, ширины, величины, возраста: *Тол чожэ азбарысь лапас вёзы липетозь лымы люкам* (СН, 132). ‘За зиму снега навалило до крыши сарая (букв. около сарая до крыши)’; *Кускозяз лэзиськем нап кузь йырсиез ортчыл кельышлы каре сое* (Хайд., 36). ‘Спадающие до пояса длинные густые волосы делают ее очень привлекательной’; *Лымы пöлтй уяса, кускозь гуштылыса тэль уд кора ай, пе* (Хайд., 45). ‘Утопая и проваливаясь по пояс в снег, не будешь-де, рубить лес’; *Тауизлэн юмылозяз пыдыз ишкэлтэмын* (Гряз., 111). ‘У этого [солдата] оторвало ногу до голени’; *Соосты толзёзь будэтйд ке, выль кузёзылы уз дыше ни* (Хайд., 148). ‘Если их [щенят] выкормишь до месяца, к новому хозяину они уже не привыкнут’; *Соос вал Нью-Йоркын, адзызы пилемозь жсутйськись небоскрёбёсьыз* (СЕ, 165). ‘Они были в Нью-Йорке, повидали небоскрёбы, возвышающиеся до облаков’; *Одйгаз вагонэ липетозяз тыремын турын* (Лом, 13). ‘В один из вагонов до крыши загружено сено’;

б) указывает на количественные характеристики объекта/явления, подчеркивая предел количества посредством имен числительных и нумеративов: *Тодэмед потэ ке, сомъёс куинь сю килограммозь луо, вить метр кузяесь* (Заг., 324). ‘Если хочешь знать, сом может весить до трёхсот килограммов и вырастать до пяти метров’; *18 аресозь со дышетске улыны, 60 аресозь рос-прос улонэн улэ, нош собере ини «кошкыны» дасяське* (Гряз., 10). ‘До 18 лет [человек] готовится жить, до 60 лет он живет полноценной жизнью, а потом уже готовится «уходить»’; *Бератаз кык мане-*

тозь вуттйз (ПГ, 215). ‘Затем [цену] сбавил до двух рублей’; *Термометрлэн горд спиртэз куамынозь лэзиськем* (Сер., 104). ‘Красная жидкость (букв. спирт) термометра опустилась до тридцати [градусов]’; *Тани туннэ 1700 рекордмес 2400-озь будэтймы* (СЕВ, 65). ‘Вот сегодня наш рекорд увеличили от 1700 до 2400’;

в) указывает на степень проявления признака действия. В этом случае предельный падеж передает идею интенсивности проявления действия, указывая на предмет, состояние или объект, который служит показателем степени проявления действия, состояния: *Мылкыд туж урод: депрессиозь одйг вамыш* (Нян., 127). ‘Настроение очень плохое: один шаг до депрессии’.

Таким образом, предельность, выражаемая удмуртским терминативом, может актуализироваться с точки зрения следующих позиций: (а) как достижение пространственного предела – обозначается действие, ограниченное локальными характеристиками; (б) как достижение временного предела действия – обозначается действие, ограниченное временным пределом; (в) как достижение количественного предела – действие указывает на меру и степень проявления признака.

2.2.4. Исходный падеж

1. Морфологическая структура имени существительного в форме исходного падежа

В системе современного литературного удмуртского языка исходный падеж (элатив, *потон каб*) может оформляться следующими морфологическими показателями:

1) *-ысь*, который присоединяется к основе большинства имен существительных в парадигме простого склонения (а также к основе серийных послелогов): *Гуысь бус потэм адзиськиз* (Лям., 262). ‘Показался пар, [исходящий] из [медвежьей] берлоги’; *Мон лазаретысь вуэм мурт* (Лям., 233). ‘Я – человек, вернувшийся из лазарета’; *Но... йап со виын корказысь пыд куара кылйськиз* (Перевощ., 686). ‘Но... как раз в это время с крыльца донеслись шаги’; *Музьем улысь [ошмес ву] со дырды кузя бызе на* (Загр., 381). ‘Она [родниковая вода] из-под земли вытекает по жёлобу’; *Михаил ачиз Белоруссийсь, Витебск дорысь пичигес гуртысь* (СЕВ, 38). ‘Михаил родом из Белоруссии, из небольшой деревеньки из-под Витебска’;

2) суффикс *-сь*, который присоединяется к отдельным именам существительным с ауслаутной гласной на *-а* (например: *корка* ‘дом, здание’, *куала* ‘общеродовое святилище, летняя кухня’ и др.): *Базарысь бертыса, егитъёс дасясько ни коркась корка кыр-жаса ветлыны* (Лям., 97). ‘Вернувшись с базара, молодежь уже готовится с песнями ходить из дома в дом’; *Каллен гинэ бамаз чупаз но, пыдчиньы йылаз лёгаськыса, коркась потйз* (Евс., 24). ‘Он [Николай] осторожно поцеловал [жену] в щечку и на цыпочках вышел из дома’; *Коркась Васильлэн карттэк кылем сузэрэз бызьыса потйз* (Пет., 80). ‘букв. Из дома выбежала оставшаяся без мужа сестра Василия’; *Васяз адзыны луэ дуриськон куалась но, колхозникъёс пöлын газет лыдзöн дыръя но* (СЕВ, 61). ‘Васю можно увидеть и в кузнице, и во время чтения газет среди колхозников’;

3) функционирование показателя *-ысьты-/-сьты-* характерно в следующих случаях:

а) при именах существительных в форме притяжательного склонения: *Соослэн классысьтызы данаксэ хорё гождтйзы* (Перевош., 251). ‘Из их класса многих записали в хоровой кружок’; *Бадъым пушкаез интыысьтыз выръытыны шуг* (Конов., 75). ‘Сложно сдвинуть с места огромную пушку’; *Ведь мынам коркаысьтым маке но кулэ, кыће ке рукописе яке дневнике* (Нян., 154). ‘Да [ей] же нужна моя рукопись или мой дневник, находящиеся в моем доме (букв. из моего дома)’. Ср.: *Сое туннэ горд киросо машина больницае нуиз, чӧпак коркасьтыз* (Нян., 147). ‘Его [соседа] сегодня увезла скорая в больницу, прямо из дома’; *Конюхов гуртысьтызы ваньзэ справкаоссэ но аслэсьтыз удостоверенизэ съобраз басьтйз вал* (Лом., 15). ‘Конюхов взял с собой все свои справки, удостоверение’;

б) при наличии в структуре слова (имен прилагательных, имен числительных, причастных форм, местоименных и послеположных основ) указательно-выделительных и лично-притяжательных суффиксов: *Фаина Георгий Ильичез донгиз куалекъясь киосыныз ас бордысьтыз* (Крас., 74). ‘Фаина дрожащими руками оттолкнула от себя Георгия Ильича’; *Корзинка вылысьтыз жустаризэ паналтйз но, Фаинаен Тома «ах» гинэ шуизы* (Крас., 120). ‘Как только он [гость] снял покрывало с корзины, Фаина и Тома только ахнули’;

3) *-лась*, функционирующий в структуре отдельных топонимов, о которых уже упоминалось выше при рассмотрении инессивных и иллативных суффиксов (см. об этом также: [Тараканов 2007: 127]): *Туклялась Лёгор Оля, быдэ вуэм ныл, татчы дышетскыны лыктэм?* (Лям., 232). ‘Лёгор Оля, взрослая девушка из Тукли, приехала сюда учиться?’; *Моньялась етйз жуч пиез Потаповез тодьбыос нэньёным чӧш виизы уга* (Лям., 214). ‘Смелого русского парня Потапова из Моньи белые расстреляли вместе с моей матерью’;

С точки зрения морфопорядка, элативные суффиксы предшествуют лично-притяжательным суффиксам, тогда как по отношению к показателям множественного числа они находятся в постпозиции: *Алигес мон нырысьсэ жаляй, гуртысьтым юртме вузамысьтым* (Нян., 120). ‘Недавно я впервые пожалела, что про-

дала свое хозяйство в деревне (букв. из деревни)'; *Волков сумкаысьтыз поттйз шоръям няньзэ но пыжем сйльзэ* (Лям., 107). 'Волков достал из своей сумки нарезанные куски хлеба и запеченное мясо'; *Собере Петыр пуйыысьтыз жёкк вылэ куасьмем пряникъёс но чужектэм сахар люкъёс жоктйз* (Лям., 24). 'Затем Петр из своего мешка выложил высохшие пряники и отдающие желтизной куски сахара'; *Чем дыръя нефтез туж мур музъем сиосысь поттоно луэ* (Скатк., 75). 'Нефть часто приходится добывать из очень глубоких недр земли'; *Укноорысь тыльёс но кысылыны одъязы* (Пер., 168). '[Вот] и огни в окнах начали гаснуть'; *Сингёсысьтыз [Конюховлэн] васько тазаесь шапыкъёс* (Лом., 185). 'Из его [Конюхова] глаз покатались крупные слезинки'.

Рассматривая морфологические маркеры элатива в системе словоизменения современного удмуртского языка, следует отметить, что, с точки зрения диалектного членения, существуют определенные различия как во внешнем оформлении, так и в отношении функционирования исследуемых форм в падежной парадигме. Так, в северной далекой зоне (сев., бес., сред.) и в литературном языке «окончания элатива и эгресива выступают с ы-овой инициальной (-ыс' / -ъс', -ыс'эн / -ъс'эн), а в южной диалектной зоне эти суффиксы имеют соответственно форму -ис' и -ис'эн, ср.: сдз. (сев., сред.) *бакчаыс'* 'из огорода' и *бакчаыс'эн* '(будучи) в огороде; от огорода', (сев., бес.) *бакчаъс'* 'тж' и *бакчаъс'эн* 'тж', юдз. *бакчаис'* 'тж'» [Кельмаков 1998б: 121].

В случае притяжательного склонения в бесермянском наречии (спорадически), в отдельных южных и периферийно-южных говорах (грах., кукм., шошм., бавл. и др.) элативные формы отличаются от литературного языка не только вокалической инициальной, но и тем, что здесь элемент -т замещается элементом -к, напр.: сев., юж., сред. *гур-ыс'ты-м* 'из моей печи' // бес. *гур-ъс'къ-м*, кукм. *гур-ис'къ-м*, шошм. *гур-ис'кы-м* 'тж' и др. (см. об этом подробнее: [Кельмаков 1998б: 122]).

С точки зрения парадигматических отношений, как отмечают диалектологи, падеж элатив отсутствует в системе склонения красноуфимского говора, где функции исследуемого падежа выполняет пролатив, напр.: *шо карти йктиж* 'он вернулся из города Красноуфимска'» [Насибуллин 1978: 96–97] (см. об этом также: [Кельмаков 1998б: 118]).

II. Семантическая структура исходного падежа

По сравнению с семантической структурой местного и входного падежей спектр семантических значений исходного падежа гораздо шире, что, по-видимому, связано с историей формирования и развития данной падежной формы. Рассмотрим основные и периферийные семантические значения исходного падежа подробнее.

1. Пространственные значения

К числу основных семантических значений исходного падежа в системе современного удмуртского языка следует отнести его функционирование для выражения пространственно-временных и посессивных отношений. Так, при выражении пространственных значений исходный падеж может занимать как приглагольную, так и приименную позицию. В случае, если исследуемая форма употребляется в приглагольной позиции, его основной семантической ролью является выражение исходного пункта действия: *Петыр платформ^{ысь} тэтчиз* (Лям., 79). ‘Петр спрыгнул с платформы’; *Иным^{ысь} усемзэ возьматозь, пыд азьысьсэ утялты* (Инг., 304). ‘Чем ждать манной небесной (букв. того, что упадет с неба), подними то, что находится рядом (букв. под ногами)’. В приименной позиции элативные формы чаще всего выражают посессивные отношения (см. об этом ниже): *Но тани Лозовырысь пересь Ондрей султйз* (Перевощ., 617). ‘Но вот поднялся старый Онди из деревни Лозовыр’; *Борддорысь чоге паськыт солдатской е ошемын* (Вас., 75). ‘На вешалке на стене висит широкий солдатский ремень’.

Как и другие пространственные падежи удмуртского языка, исходный падеж может выполнять функции как внутри-, так и внешнеместной ориентации и может содержать:

а) указание на движение изнутри ориентира наружу (локализация **In**): *Сюлэм мёляысь тэтчымон йыггетэ* (Лям., 33). ‘Сердце громко стучит (букв. так, как будто выпрыгнет из груди)’; *Гурысь пось сяртчы нянез потты ай* (Лям., 139). ‘Доставай-ка из печи горячие пироги с репой’; *Шуддэ сандыкысь эн*

утча (Инг., 307). ‘Не ищи счастья из сундука’; *Лади, гадь кисы-ысытыз сигаретсэ потыса, лачмытак кенжытійз* (Ник., 57). ‘Лади, достав из нагрудного кармана сигареты, закурил’; *Герги анай-зэ больницаысь вайыны кошкиз* (АС, 46). ‘Герги отправился в больницу, чтобы забрать свою мать’; *Бадžым кудыысытыз со поттэ куасьтэм губи, узы-боры, сутэрэмезь* (Вал., 72). ‘Из своего большого лукошка он достаёт сушеные грибы, ягоды, плоды смородины и малины’;

б) указание на движение объекта из однородного по своей внутренней структуре ориентира (локализация **Inter**) наружу: – *Кытысь? – Вуысь, чорыг вуын улэ ук!* (Смирн., 62). ‘– Откуда [эта рыба]? – Из воды, рыба же в воде обитает!’; *Монэ кезьыт омырысь пӧсь мунчое пыртійзы кадь* (Пукр., 71). ‘Меня словно их холодного помещения (букв. из холодного воздуха) завели в горячую баню’; *Отчы съез куяз но шурысь омыртэм вуэн кизер-мытійз* (Гряз., 238). ‘Он накидал туда [в посуду] глины и разбавил водой из реки’

в) указание на движение со стороны вертикального пространства (локализация **Ad**): *Борддорысь часэз адžыса шуэрскиз* (Хайд., 60). ‘Увидев часы на стене (букв. со стены), он всполошился’; *Коридоретій ортчонъяз адžиз со ошетысь тӧдьы халатэз* (Сер., 74). ‘Когда [Саша] проходил по коридору, он заметил халат, висевший на вешалке’; *Пеймытэз вандыса, педло пишто больницалэн укнооосысытыз тыльёс* (СЕВ, 33). ‘Разгоняя темноту, на улицу светят больничные окна’;

г) актуализация движения с поверхности ориентира или с ориентира, не имеющего четких физических границ (локализация **Super**): *Тазыы пукон дыръя улычаысь кужмо čашетэм куараос кылійськизы* (Конов., 114). ‘Пока они так сидели, с улицы донеслись шумные голоса’; *Лумбыт čоже лудысь ӧз берты* (Евс., 25). ‘Он [Николай] целый день провел на поле (букв. не возвращался с поля)’; *Музысь улваез басьтыса, провор кыыныз кыж-куаж тійяз но тыл вылэ понійз* (Конов., 43). ‘Подняв с земли хворост, [Гаян] с треском разломал их в своих проворных руках и кинул в костер (букв. на огонь)’; *Соку ярдурысь вераськем куара кылійськиз* (СЕВ, 45). ‘Тогда с берега донесся разговор’;

д) в контексте с именами числительными и мезуративами, выражающими протяженность в пространстве, удмуртский эла-

тив может указывать на удаленность от месторасположения ориентира (локализация **Ultra**): *Дышетскыны соос куинь иськемысь Мувыре, бадӓым селое, ветлӓзы* (Перевощ., 110). ‘Учиться они ходили в большое село Мувыр, расположенное в трех километрах’;

е) как и в предыдущих случаях, исходный падеж может употребляться для выражения геометрико-событийного пространства (см. об этом: С. 156, а также: [Селиверстова 2000: 201]): *Мар шуод, соку, партиись куштыкузы, Иванлы верантэм ӓсӓж, йӓнтэм секыт вал* (Перевощ., 515). ‘Что говорить, тогда, когда исключили из партии, Ивану было очень обидно и тяжело’; *Ачим но юри ужысь куриськи* (Перевощ., 110). ‘Я специально отпросился с работы’; *Коть воксё та пуконысь мед васькытозы* (Перевощ., 403). ‘Хоть совсем пусть снимут меня с этой должности (букв. с этого стула)’; *Кин шуре усиз – со шудонысь потӓз* (Нян., 150). ‘Кто в речку упал – тот выбыл из игры’; *Спектакльысь соос куспетӓ кошконо луизы* (Нян., 29). ‘Им пришлось покинуть спектакль, не досмотрев его до конца’; *Миша пӓйшуранысь куд-ог учырӓсты тодӓ ини* (Загр., 322). ‘Миша уже знаком с некоторыми историями из области охоты’; *Фронтысь со пал пыд бертӓз* (Вас., 22). ‘На фронте он потерял ногу (букв. вернулся одноногим)’; *Шудонысь соос ӓош бертӓзы* (Вас., 77). ‘С места для игрищ они вернулись вместе’;

ж) выражение функционально-событийного пространства: *Иванӓз секретарысь тузэмзы бере комсомолзы но бабиз* (Перевощ., 518). ‘Когда Ивана выгнали с секретарской должности, комсомольская организация начала бездействовать’; *Секыт вал солы отличникысь ударнике потыны* (Пукр., 97). ‘Тяжело ему было перейти из отличников в ударники’; *Нылетӓ классысь пассажирӓс кудӓз ӓытсӓ сиське, кудӓз шахмазн шудӓ* (СЕВ, 48). ‘Некоторые пассажиры четверого класса ужинают, другие – играют в шахматы’.

Как и в случае с иллативными формами, в целях выражения абсолютной локализации в структуре предложения могут присутствовать две и более лексемы, оформленные элативными формантами. Выражение локализации в этом случае также чаще всего происходит от более общего к частному: *Парижын бус ӓсутскемен, самолётмы Германысь Франкфурт-на-Майне городысь аэропортӓ пуксьылыса, француз музӓем вылӓ бер ӓыт гинӓ вуимы*

(СС, 208). ‘Из-за того, что над Парижем был туман, наш самолёт приземлялся в аэропорту города Франкфурт-на-Майне, что в Германии, и на французскую землю мы приземлились только поздно вечером’; *Районысьтымы ик Юбергуртысь нылаш вылэм* (Хайд., 15). ‘Оказалось, что она девушка с нашего же района из деревни Юбергурт’.

2. Посессивные отношения

Как уже отмечалось выше, в случае дистрибуции элативных форм в приименной позиции исследуемый маркер содержит указание на характеристики субъекта/объекта действия с точки зрения локативности: *Оло, соин но гуртысь нылъёс шораз мыньпотноса учко* (Загр., 400). ‘Возможно, поэтому деревенские девушки с улыбкой смотрят на него’; *Тани азьпал пуконьсь пичи пилэн юэмез потэм* (Гряз., 129). ‘Вот мальчик, который сидит впереди (букв. на стуле спереди), захотелось пить’; *Орысь ву нош часлы быдэ йылэ* (Лям., 9). ‘А вода в русле прибывает с каждым часом’; *Юнме шорысь мукет бригадосысь штукатуръёс со доры ой ветлысалзы* (Смирн., 105). ‘Понапрасну штукатуры из другой бригады к нему бы не обращались (букв. не ходили) [за консультацией]’.

Следует заметить, в этом случае актантные посессивные отношения легко выходят за рамки наиболее частотных отношений типа «объект – его пользователь» и «объект – его создатель». Так, на месте субъекта-создателя здесь могут выступать страна-производитель, ср. *Япониысь машинаос* ‘японские машины’ (т. е. машины, приготовленные в Японии), *Венгрииысь автобусъёс* ‘венгерские автобусы’ и др. Страна или другое пространство может восприниматься как место, которому «принадлежит» данный объект в силу того, что он в ней локализуется (таким образом, посессивным в этой ситуации оказывается чисто локативное отношение), например: *Ижкарысь пруд* ‘Ижевский пруд’, *Россиысь тодосчиос* ‘российские ученые’, *Удмурт кун университетысь студент* ‘студент Удмуртского государственного университета’ и др. Таким образом, в подобных примерах каноническое для посессивного отношения соотношение между одушевленным посессором и неодушевленным коррелятом (вещью, которой об-

ладает посессор) может поменяться с точностью до наоборот: посессором может оказаться неодушевленный объект (страна, пространство, структурная единица), а коррелятом – лицо или лица: *Ма шуод, звенонысь калык мылысь-кыдысь тыришиз* (Перевощ., 520). ‘Что сказать, коллектив звена трудился воодушевленно’; *Вадогуртысь Максим Микол тулыслы быдэ тэлен вузкарысь дорын пур келя* (Лям., 7). ‘Максим Микол из Вадогурта каждую весну батрачит у продавца лесом, сплавливая лес’; *Гурезь бамалысь палэзпуос пёлы ём ни тубе* (Загр., 332). ‘К рябинам, растущим на склоне горы, мы уже не поднимались’; *Вертолётнысь экипаж-лэн малпаськыны дырыз ой вал* (Гряз., 114). ‘У экипажа вертолёта времени на раздумья не было’.

Как отмечает С. В. Едыгарова, в ряде случаев при выражении атрибутивных посессивных отношений элативные конструкции могут вступать в синонимические отношения с конструкциями примыкания, напр.: *гурт ни ~ гуртысь ни* ‘деревенский мальчик’ (см. подробнее: [Едыгарова 2010: 209]).

3. Темпоральные значения

Как уже неоднократно отмечалось, в удмуртском языке для выражения темпоральных отношений употребляются различные падежи. Элативные формы в этом отношении актуализируют инхоативное значение: *Азбарын солань-талань ветлыны маза ёвёл: дыр куать часысь потэмын*, (СН., 229). ‘Времени слоняться по двору нет: уже седьмой час (букв. после шести)’; *Час кыкысь выжем ни былэм* (Чер., 205). ‘Оказывается, времени уже третий час (букв. после двух)’

В случае употребления словосочетаний, состоящих из одной и той же лексемы, выраженной элативными и иллативными формами, актуализируются итеративные значения, где используемая лексема указывает на временную сегментацию, например: *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день’, *арысь аре* ‘из года в год’, *даурысь дауре* ‘из века в век’ и др.: *Озыы – нуналысь нуналэ* (Нян., 110). ‘И так – изо дня в день’; *Арысь аре будэмъяз, уката но тузй луиз* (СЕ, 174). ‘По мере взросления [Маша] из года в год становилась все краше и краше’; *Мон тани арысь аре отличник вал, весь газет*

пoттылй (Пукр., 104). ‘Я, к примеру, всегда (букв. из года в год) был отличником, всегда выпускал стенгазеты (букв.: газету)’;

4. Источник получения информации, сведений, знаний

Помимо основных семантических значений исходный падеж в системе современного удмуртского языка имеет ряд периферийных значений, одним из которых является указание на источник получения информации, знаний, сведений. В этом отношении исследуемая падежная форма может быть сопоставлена с формами разделительного падежа. Однако указанные падежные формы имеют чёткую семантическую градацию: так, формы разделительного падежа актуализируют получение информации от кого-либо, а формы исходного падежа – откуда-либо: : *Телевизорысь адзисько: одйг депутатъёс гинэ уг шӧдо, уг но адзо солэсь [яратонлэсь] матэктэмзэ* (Нян.,150). ‘По телевизору [я] вижу: только депутаты не чувствуют и не видят прикосновения любви (букв. ее приближение)’; *Та вакытэ чузъяськись кырзанысьсыс гинэ шедьтӱськомы адӟонэз улонлэсь выльгес пуктон, вордскем юртлы, анайлы-атайлы тау карон сямъёсты* (Инг., 131). ‘Только из песен, которые исполняются в это время, можно заметить, что судьба ставится превыше жизни, чувствуется благодарность отчужденности, родителям’; *Толон книгаысь лыдзи вал* (Ник., 17). ‘Я только вчера прочитал [об этом] из книги’. Ср.: *Со али гинэ Салаватлэсь ивор басьтӱз вал* (Конов., 224). ‘Он [Гаян] только что получил известия от Салавата’.

5. Источник/материал изготовления предмета, вещи

Как и разделительный падеж (а также в ряде случаев формы винительного падежа), исследуемый член падежной парадигмы может указывать на источник или материал изготовления объекта: *Валатэк ке пӧрад, куды кеньырысь но жук уд пӧзты* (Инг., 316). ‘букв. Если подходить неумеючи, даже из лукошка крупы не сварить каши’. Ср.: *Ачим пӧзтӱй [варенье], узылэсь*. (Смирн., 90). ‘Сама сварила [варенье], земляничное (букв. из земляники)’.

6. Причинное значение

Еще одним периферийным значением исходного падежа в современном литературном удмуртском языке является выражение причинных отношений: *Но чӱпак со мучоло^{ысь}, сисьмем картофка^{ысь}, сурон сапегы^{сь}, пумтэм-йылтэм кылтышъёсы^{сь} ӧз жӱжжа-а солэн сюлэмтэм вამышез* (Перевощ., 411). ‘А не из-за этой ли тряпки, сгнившей картошки, кирзовых сапог, бесконечных упреков он совершил свой бессердечный поступок’. Данное значение в синхронии характеризуется невысокой дистрибутивной нагрузкой, поскольку в этом случае гораздо чаще употребляются другие члены парадигматического ряда (см. например: *Воксё комбайнед пуштоз ни та жеген!* (Перевощ., 260). ‘Скоро комбайн сломается (букв. взорвётся) из-за этой ржи!’, а также конструкции с послелогам *йырин* – послелог в значении ‘из-за’, *сэрен* – послелог в значении ‘из-за’, *муген* – послелог в значении ‘из-за’.

Таким образом, падеж элатив в системе современного удмуртского языка, в отличие от других пространственных падежей, отличается более широким спектром семантических значений, что вызвано генезисом его развития от посессивного словообразовательного суффикса к падежному маркеру.

2.2.5. Отдалительный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме отдалительного падежа

В современном литературном удмуртском языке отдалительный падеж (эгрессив, *кошкон каб*) оформляется следующими морфологическими показателями:

1) *-ысен/-сен*, который присоединяется к основе большинства имен существительных в парадигме простого склонения и к основам серийных послелогов: *Оса пристаньысен пароходэ пуксьыса кошкыкуд, кидэ шонад вал* (Лям., 239). ‘Когда [ты] на пароходе уплывал от пристани Оса, ты помахал [мне] рукой’; *Татчы лыктэ... Володяз станциысен пумитаны косэм* (Вас., 35). ‘[Он] прибывает сюда... Володю попросил встретить на станции’; *Таня Осиповаез Москваысен аджи вал* (СН, 62). ‘Таню Осипову я встретил в Москве’; *Та нуналысен Кам котырысь дунне вылымтэ кужымен сзэъялскиз* (Конов., 104). ‘В этот день (букв. с этого дня) Прикамье встряхнуло невиданной силой’; *Валдэ гурезь йылысен кортна* (Инг., 319). ‘Свою лошадь обуздай на вершине горы/холма’; *Ос куспысен Оля пересез ыштйз* (Смирн., 187). ‘Уже в дверях [вагона] Оля упустила из виду старушку’.

Суффикс *-сен* присоединяется к отдельным именам существительным, оканчивающимся на гласную *-а* (напр., *корка* ‘дом, здание’, *куала* ‘общеродовое святилище, летняя кухня’ и др.): *Пекарня коркасен одйг ымысь ыбыса кадь куштйськом: – Чырткем, Оринапай!* (СН, 86). ‘Войдя в здание пекарни, в один голос кричим: – Здравствуй, тётя Орина!’; *Гуртаз бертэ, куаласен сиён ма но со куртчемъяське но чуланэ изыны интыяське* (СН, 145). ‘Возвращается домой, чем-нибудь перекусит на летней кухне и идет спать в чулан’;

2) функционирование показателя *-ысены/-сены-* характерно в следующих случаях:

а) при именах существительных в форме притяжательного склонения: *Мастер палаз берытскиз, йырысеныз пыдозяз учкиз* (СН, 241). ‘Мастер повернулся к нему, оглядел с ног до головы (букв. с его головы до его ног)’; *Дорысеныз со пыремез бере ик диван вылз уськытскиз* (Черн., 135). ‘Вернувшись домой, он [Иосиф Алексеевич] сразу повалился на диван’;

б) при наличии в структуре слова (имен прилагательных, имен числительных, причастных форм, местоименных основ, послеложных форм) указательно-выделительных суффиксов: *Секыт лулскыса, Оля нои ик небыт тушаказ выдйз, тодаз лыктйз, кызы соос Андреен тодматскизы, кызы капка азысенызы гужем уе, дйсьтыса но дйсьтытэк, нырысьсэ чупаськизы* (Нян., 41). ‘Глубоко вздохнув, Оля снова легла на мягкую перину; она вспомнила, как они познакомились с Андреем, как в один из летних вечеров перед их воротами они в первый раз несмело (букв. смея и не смея) поцеловались’;

3) показатель *-ласен* присоединяется к основе отдельных топонимов на *-а/-я*, о которых уже упоминалось выше при рассмотрении инессивных и иллативных суффиксов (см. об этом также: [Тараканов 2007: 127]): *Пельгаласен люкиськыкузы ини Иван шуиз: «Я бен жеч, сюресты мед удалтоз!»* (Перевощ., 508). ‘Когда они прощались в Пельге, Иван сказал: «Ну что же, счастливого [Вам] пути!»’.

Как показывают примеры из художественной литературы, эгрессивные суффиксы предшествуют лично-притяжательным суффиксам, тогда как по отношению к показателям множественного числа они находятся в постпозиции: *Репетиция бере съораз келяськем кариськыса мынйз но, Роза сое ас урам сэрегысеныз берыктыса лэзиз* (СС, 31). ‘После репетиции [Дима] отправился провожать ее до дома, но [дойдя] до своего перекрестка, Роза отправила его обратно’; *Нырысь толэзьёсысен ик [Конюхов] пось тылжэуэ чукинскиз* (Лом., 183). ‘С первых месяцев [Конюхов] окунулся в горячее пекло [войны]’.

Что касается диалектных особенностей морфологических маркеров исследуемого члена падежной парадигмы, эгрессивные суффиксы, так же как и суффиксы элатива, представлены *ы*-овой и *и*-овой инициально: «в северной диалектной зоне (сев., бес., сред.) и в литературном языке окончания эгресива выступают с

ы-овой инициалью (-ыс'эн /-ъс'эн), а в южной диалектной зоне эти суффиксы имеют, соответственно, форму -ис'эн, ср.: сдз. (сев. сред.) *бакчаыс'эн* 'будучи в огороде; от огорода', (сев., бес.) *бакчаъс'эн* 'тж', юдз. *бакчаис'* 'тж'» (см. об этом подробнее: [Кельмаков 1998б: 121]).

Следует также указать, что имеются небольшие диалектные различия и в плане выражения семантических значений, в частности, как отмечают диалектологи, «в нижнечепецком говоре форма эгрессива употребляется в элативной функции, напр.: *москвыыс'эн-а ти лыктэмын?* 'Из Москвы ли вы приехали?'» (см.: [Кельмаков 1998б: 124]). Аналогичное явление наблюдается и в среднечепецком говоре удмуртского языка, где также «имеют место отдельные случаи употребления форм эгрессива в функции элатива, например: Гул. *гуртъс'эн нуллим с'ийон* 'Из деревни носили еду'; Кож. *кал' гинэ ул'чаъс'эн пъри* 'Только что с улицы зашёл [я]'. Использование формы эгрессива в функции элатива, по-видимому, объясняется близостью этих падежей в выражении места, откуда происходит действие» [Карпова 2005: 63–64].

II. Семантическая структура отдалительного падежа

Основными семантическими значениями отдалительного падежа, как и других пространственных падежей удмуртского языка, является выражение пространственных и временных отношений.

1. Пространственные значения

Как и другие пространственные падежи удмуртского языка, отдалительный падеж выполняет функции как внутренне-, так и внешнеместной ориентации и может содержать:

а) указание на нахождение во внутреннем пространстве ориентира (локализация **In**): *Тамбурысен* висказы зёк кышномурт чуртнаськиз (Смирн., 187). 'Когда они находились в тамбуре, между ними протолкнулась полная женщина'; *Конторасыен* председатель сое кабинетаз öтиз (Вас., 73). 'В здании конторы председатель пригласил его в свой кабинет'; *Толон, кыкетй* урок

бере, коридорысен вал та вераськон (СН, 74). ‘Этот разговор состоялся в коридоре вчера после второго урока’;

б) указание на движение объекта из однородного по своей внутренней структуре ориентира (локализация **Inter**) наружу: *Со-бере пичигес сикысен паллян пала кожиз* (Архип., 16). ‘Затем, доехав до небольшого лесочка, [автобус] свернул направо’;

в) актуализация движения на поверхности ориентира или в пространстве, не имеющих четких физических границ (локализация **Super**): *Огнуналэ Василий Иванович урамысен бригадирен пумиськиз* (Вас., 102). ‘Однажды Василий Иванович встретил на улице бригадира’; *Ульчаысен со* [Поздеев] *өз оскы ас синмызлы* (Смир., 61). ‘[Тогда], на улице, он [Поздеев] не поверил своим глазам’; *Татысен Овчинников пырак горисполкоме шонтыны медэ вал, но ульчаысен чассэ учкыса моззиз* (Перевощ., 405). ‘Отсюда Овчинников планировал направиться напрямиком в горисполком, но, посмотрев на улице на часы, остановился’; *Мак сяська выллем чыжыт кариськыса, мусо серекъяса чук инбамысен тыршунды, льольырес буёлъёсын кисьтаськыса но шулдырзэ жальятэк чеберма котырьсь дуннеез* (Перевощ., 78). ‘Похожее на красный мак солнце, ласково улыбается на утреннем небе (букв. с утреннего неба), светится розоватыми оттенками и, не скупясь на свою красоту, украшает окружающий мир’;

г) движение со стороны вертикальной поверхности ориентира (локализация **Ad**): *Кивалтйсьсы, кык-куинь полэс ангесо кышномурт, йырысеным пыдозям сйсьяз но пыдлось лулзиз* (Хайд., 12). ‘Руководитель [этой организации], женщина с двумя-тремя подбородками, окинула меня взглядом с ног до головы (букв. с головы до ног) и глубоко вздохнула’;

д) в контексте с именами числительными и мезуративами, выражающими протяженность в пространстве, удмуртский эгрессив может указывать на удаленность от месторасположения ориентира (локализация **Ultra**): *Сое* [Оляез] *Ложкин сю иськемысен но висъясал кадь* (Смирн., 136). ‘Ее [Олю] Ложкин опознал бы даже за сто километров’; *Бальза гуртысен Агбайёз ог сизьым иськем луоз* (СН, 406). ‘От деревни Бальза до деревни Агбай примерно семь километров’;

е) как и в предыдущих случаях, исходный падеж может употребляться для выражения геометрико-событийного пространства

(см. об этом: С. 156, а также: [Селиверстова 2000: 201]): *Школаысен* *ик туж яратӳз математикаез* (Гряз., 19). ‘Еще со школы он очень любил математику’; *Но дасэтий классысен* *Олялэн улон-вылон сюресэз витӳнтэм шорысь мукетлань кожиз* (Пер., 391). ‘Начиная с десятого класса, жизненный путь Оли покати́лся по другой колее (букв. повернул в другую сторону)’;

Таким образом, отдалительный падеж, в отличие от других пространственных падежей, может указывать как на динамическое движение (аналогично иллативным, элативным, терминативным, аппроксимативным формам), так и на нахождение в определенном пространстве к моменту совершения действия (аналогично инессивным формам): *Петыр гожтэм Чернушка шуон станциысен* (Лям., 137). ‘Петр написал [письмо] на станции под названием Чернушка’.

В последнем случае формы отдалительного падежа вступают в синонимические отношения с падежом инессив: *Школаысен дышетӳсьёс маке но веразы вал кадь но, вунэтий ни* (Вас., 12). ‘Еще в школе [о метеорите] учителя что-то говорили, но я уже позабыл’. Ср.: *Стадионын пумиськыку, Розалэн куараез нырысь небыт вал кадь* (СС, 151). ‘Когда они встретились на стадионе, вроде поначалу голос Розы показался [ему] мягким’. Однако по своему семантическому наполнению исследуемые падежные формы не тождественны. Так, в случае дистрибуции эгрессивного падежа присутствует оттенок нарративности: морфологические маркеры отдалительного падежа локализуют действие к его начальному моменту, за которым следует основное действие: *Нюра вокзал площадьысен сумкаысьтыз плацсэ дӳсяно кариськиз* (СН, 291). ‘На вокзальной площади Нюра решила надеть свой плащ из сумки’; *Райцентрысен сое милиционер пуктӳз, – сьӧразы пукись Чапай мыйыко пиосмурт мырдэм кылымон пеляз сипыртӳз* (Гряз., 131). ‘В райцентре его [пассажира] посадил [в автобус] милиционер, – тихо прошептал сидящий за ними мужчина, у которого были Чапаевские усы’. Как видно из примеров, действие, которое локализуется к моменту его начала, имеет продолжение. В отличие от этого основной коммуникативной задачей инессивных форм является локализация действия в про-

странстве безотносительно к его протяженности во времени²²: *Кыѝе ке Красильщиковлэсь, пе, вордскем нуналэ цехын пус-йиллям* (СС, 174). ‘День рождения какого-то Красильщикова, дескать, отметили в цехе’.

Другим отличием между эгрессивными и инессивными формами является то, что морфологические маркеры отдалительного падежа вносят в предложение указание на то, что местоположение субъекта действия изменилось по отношению к его локализации к началу действия: *Туннэ бен задачазэ школаысен тетра-дяз гожъяса ваиз вал, но нэнэз уг тоды ук* (Перевощ., 110); ‘Задачу он переписал уже сегодня в школе, но мать же об этом не знает’; *Аэропортысен мон, кылэз тодытэк-маратэк, кучыран ся-мен, отчы-татчы утчаськисько* (СС., 208). ‘Когда я был в аэропорту, я, не зная [иностранного языка], как коршун оглядывался по сторонам’. Для инессивных форм распределение локализации действия по отношению к его начальному местоположению или продолжению не является основной коммуникативной задачей: *Озы ветлі аэропортын калык пöлын* (СС, 208). ‘Так я бродил в аэропорту среди народа’.

При выражении динамического движения отдалительный падеж вступает в синонимические отношения с исходным падежом. Однако в этом случае между ними также имеются семантические различия. Так, в отличие от элатива, основной семантической функцией отдалительного падежа является указание на место или предмет, от которого (с поверхности которого, из внутренних пределов которого) начинается, исходит движение: *Сьörтысен ог куамын ыськем ортчыса, «Югдонэ» нуись сюрес чутрак палля-нэ коже* (Пер., 194). ‘Примерно в тридцати километрах от деревни Сьörты, дорога, ведущая к [колхозу] «Югдон», резко сворачивает налево’; *Эскерыны вукоысен усто луоно вылэм* (Пет., 95). ‘Организовать наблюдение было бы неплохо на мальнице’.

При точной локализации в структуре предложения могут присутствовать как эгрессивные, так и элативные морфологичес-

²² В этом случае характер протекания действия может быть выра-
жен с помощью других морфологических или лексических способов (в
частности, через видо-временные формы, использование наречных
форм и др.).

кие маркеры: *Вадогурт бусыысь Шуба вӱльы нюкысен пушкаос гудыртэм бере, быдэс дунне зурказ кадь* (Лям., 98). ‘Когда ударили пушки, расположенные недалеко от Вадогуртского поля в Шубинской рощи, словно весь мир вздрогнул’.

Как уже отмечалось выше, при выражении траектории движения или актуализации удаленности объектов между собой в удмуртском языке чаще всего употребляется пара эггессив – терминатив: *Василий Иванович вуиз, ог кык час ортчыса, йырысеныз пыдозяз дэри луыса* (Вас., 96). ‘Василий Иванович вернулся спустя около двух часов, с головы до ног измазавшись грязью’; *Нош Нылгаласен Вавожозь кыдӱкын-а* (СН, 177). ‘Далеко ли от Нылги до Вавожа?’; *[Григорий] клубысен келяз нылашез пырак капказӱяз* (Сер., 114). ‘[Григорий] проводил девушку от клуба прямо до ворот’. Однако при отсутствии абсолютной точечной локализации действия к моменту его завершения в художественной литературе представлено также сочетание эггессивных форм с иллативом: *Тани Могилевысен Ленинградэ мынӱсь чугун сюрес вандӱськоз* (Пет., 96). ‘Вот проведем железную дорогу, ведущую от Могилева на Ленинград’; *Нижнийысен Астрахане, отысен Каме жутӱськылӱзы* (СЕ, 255). ‘[Они плыли] от Нижнего [Новгорода] к Астрахани, оттуда поднимались на Каму’.

2. Темпоральные значения

Другим семантическим значением удмуртского эггессива является указание на временные координаты, указывающие на начало действия: *Солэсь ортчыт, улон татын азьлолэсь но юнгес пӱзиз: вазь ӱкнаысен ваньмыз сямен дыртыса газетӱсь лыдӱзы, радиоез кылӱзы* (Перевощ., 691). ‘Более того, жизнь здесь закипела еще насыщеннее: с раннего утра почти все спешно читали газеты, слушали радио’; *Та нуналысен Нюразэ кураськыны ӱз лэзь ни со* (Перевощ., 737). ‘С этого дня она [мать] больше не разрешила Нюре просить милостыню’; *Соин ик Пельгалан Вылӱ арысен мунчозы уг ужа ни* (Перевощ., 691). ‘Поэтому в деревне Пельга баня перестала работать уже с Нового года’; *Приёмной комиссия, пе, укмысысен ужаны кутске* (Пукр., 120). ‘Приемная комиссия, мол, начинает работать с девяти часов’; *Туннэ ӱкнаысен ик лымыа* (Вас., 58). ‘Сегодня с самого утра идёт снег’.

При дистрибуции эгрессива в паре с терминативом в плане выражения темпоральных отношений, как уже отмечалось выше, актуализируется интервал времени протекания действия: *Вазь чукнаысен бер жытозь огназ* (Перевощ., 117). ‘С раннего утра до позднего вечера [Нюра] одна’; *Мукетыз со мында коньдон понна быдэс толэзь ужа, чукнаысен жытозь* (Смирн., 108). ‘Другой [человек], чтобы получить такую зарплату, трудится целый месяц с утра до вечера’; *Ньылез эшгёсы, экзаменэ дасяськем интые, чукнаысен жытозь картаен шудыса пуко* (Пукр., 120). ‘Четверо моих друзей, вместо того, чтобы готовиться к экзаменам, с утра до ночи играют в карты’.

3. Выражение качественных характеристик (значения меры и степени)

Среди периферийных значений исследуемого падежа можно выделить дистрибуцию отдалительного падежа для выражения отношения меры и степени. Данное значение в удмуртском языке чаще всего реализуется в сочетании с терминативом. При указании на отношения меры и степени в предложении чаще всего содержится указание на физические или возрастные координаты: *Укмыс аресысен, пе, милицын учётын* (СС, 97). ‘Он [Марков], дескать, с девяти лет [состоит] на учёте в милиции’; *Дас куинь арескысен кияз пычал кутыса пййшураз, скал кыскыны дышиз витетй классын дыръяз ик* (Перевощ., 84). ‘С тринадцати лет, взяв в руки ружьё, [Надя] ходила на охоту, в пятом классе [она] научилась доить коров’; *Дас тямыс аресысен ньыльдон витъ аресозь калык мобилизовать каремын котыр куатьтон иськем улсын* (Лям., 110). ‘Население от восемнадцати до сорока пяти лет мобилизовано из населенных пунктов, расположенных радиусом до шестидесяти километров отсюда’.

Таким образом, отдалительный падеж как член парадигматического ряда словоизменительной системы современного удмуртского языка имеет свое морфологическое выражение и семантическую нагрузку. Однако, как и удмуртский терминатив, данная форма характеризуется относительно невысокой дистрибутивной нагрузкой, что связано с интралингвистическими факторами (см. об этом подробнее: [Плунгян 1999: 219]).

2.2.6. Переходный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме переходного падежа

В системе современного удмуртского языка переходный падеж (пролатив, *ортчон каб*) имеет следующие формальные показатели:

1) *-етй/-этй, -ытй*: присоединяющийся к основе большинства имен существительных в форме единственного числа в парадигме как простого, так и притяжательного склонений (а также к основам серийных послелогов и других частей речи при наличии указательно-выделительных и лично-притяжательных суффиксов): *Вахтерен возматэм өсэтй пыриз – нокин өвёл* (СН, 14). ‘[Старик] зашёл через двери, которые показал вахтер, но [в комнате] никого не было’; *Пурсыялэс инбаметй пилемъёс возжомыса бугыръясько* (Нян., 73). ‘На сером небе бурно клубятся тучи’; *Йыбырттэм кари́з но коридоретй азьлань кошкыз* (СЕ, 137). ‘[Доктор], слегка поклонившись, пошёл дальше по коридору’.

Суффикс *-ытй* употребляется с ограниченным количеством лексем, подвергшимся в синхронии процессу лексикализации (например: *нюлэскытй* ‘по лесу’, *сэргытй* ‘в углу’, *кускытй* ‘по талии’ и др.): *Васса эшэ кускытйз жыгыртйз* (Пукр., 81). ‘букв. Васса обняла своего друга за талию’;

2) суффикс *-тй* прежде всего является формальным показателем имен существительных в форме пролатива множественного числа: *Сибирьысь тайгаостй ветлыкүм, мон ваньзэ валай* (Смирн., 153). ‘Когда я бродил по тайге (мн. ч.) в Сибири, я все осознал’; *Вож аллеяостй кема ик өм мынэ, улыно-вылыно из коркаос пöлысь одйгаз пырим* (Пукр., 153). ‘Мы недолго шли по зеленым аллеям, вскоре вошли в один из каменных жилых домов’.

Кроме того, данный падежный маркер может альтернативно присоединяться:

- к именам существительным с ауслаутной гласной, напр.: *Собере (...)* *Романэз китйз кутыса, дыбыр! лобатйз* (Перевощ., 113). ‘Затем, взяв Романа за руки, она понеслась со всех ног’;

Одйг чукна, кӧлйсько на вал, Насьта апай, мӧлятӱм жсутыса, сзэъяны кутскиз ук (Загр., 315). ‘Однажды утром, когда я еще спал, тётя Настя, подняв меня за грудь, как начала трясти’. Однако, следует заметить, что имена существительные, оканчивающиеся на гласную основу, могут присоединять также показатель *-етӱ*: *Капкаетӱ пырись луиз* (Гряз., 186). ‘В (букв. через) ворота кто-то заходил’; *Мынӱз пытьыетӱӱз, нош кечез тӧпак ышиз* (Загр., 344). ‘Он шёл по следу, а заяц куда-то совсем пропал’;

- к именам существительным с аусласутом на согласный: – *Ческыт-а? – синучконтӱӱз шорам учконъяз вазиз со* (Нян., 132). ‘– Вкусно ли? – вглядываясь в мое отражение в зеркале, спросила она’; *Таӹе куазен сильвиртӱӱ пӧсь тулкым ортче кожалод* (СН, 7). ‘В такую погоду будто бы по телу пробегает горячая волна’; *Гурезь улысь ошмес дуре васькан сюрестӱ тубиз со бадӱым урам* (ПМ, 6). ‘Он [Кима] поднялся на большую улицу по тропинке, ведущей к роднику у подножья холма’.

Как и в предыдущем случае, именные основы и здесь могут присоединять пролативный суффикс *-етӱ/-этӱ*: – *Мыноды нюретӱӱ, – капитан карта вылэ возматӱӱз* (Гавр., 152). ‘– Пройдете через болота, – капитан показал [маршрут] на карте’. Ср.: *Та ласянь милям Катеринаен ваньмыз ас ӧртӱӱз мынӱз* (Нян., 107). ‘В этом отношении у нас с Катериной все шло по своей колее’. Или: *Кима (...) ураметӱӱ лыктӱсь адямиез адӱиз* (ПМ, 6). ‘Кима заметил идущего по улице человека’. Ср.: *Мишаен Санко урамтӱӱ чӧш вамышгяло* (СН, 83). ‘Миша и Санко вместе шагают по улице’;

- к серийным послеложным формам; следует однако заметить, что рассмороенное выше морфофологическое варьирование для последних почти не характерно: *Ленинградской музеем вылтӱӱ кузь сюресэз ортчоно на* (Смир., 46). ‘По Ленинградской земле еще надо пройти долгую дорогу’; *Тани соос гурезь дуртӱӱ ортчись сюрес вылын ни* (Смир., 84). ‘Вот они [партизаны] уже на дороге, идущей вдоль горы’.

С точки зрения морфопорядка, пролативные суффиксы следуют за показателями множественного числа, по отношению же к лично-притяжательным суффиксам они находятся в препозиции: *Старков укноетӱӱз сюрес вылэ учке* (Смирн., 93). ‘Старков через окно смотрит на дорогу’; *Одйг пол гужем, бакчаетӱӱмы мыны-*

кум, чабей пӧлысьтымы пичиесь гинэ комокъёс, кечпиос, пегӟизы (Загр., 345). ‘Однажды летом, когда я шёл по нашему огороду, из пшеницы выскочили маленькие комочки – зайчата’; *Милям нюкъ-ёстӱмы-гопъёстӱмы ветлыны шуг* (Лям., 90). ‘Нелегко пробираться по нашим оврагам и лощинам’; *Советской Союзысь вуэм делегатъёс самолётэн но машинаосын ортчизы США-лэн но Канадалэн городъёстӱз* (СЕ, 165). ‘Делегаты из Советского Союза на самолёте и на машинах объездили города США и Канады’.

Морфологические маркеры пролатива в удмуртских диалектах характеризуются большим разнообразием морфонологических вариантов. В частности, как отмечает Л. Л. Карпова, в среднечепецком диалекте представлены «следующие варианты показателя пролатива: $-(\text{э})t'u$, $-(\text{ь/ы})t'u$, $-(\text{ь/ы})t'$, $-ки$, употребление которых не совсем одинаково в говорах. Так, в ярском и глазовском говорах обнаруживаются все варианты показателя данного падежа, для юкаменского говора характерно в основном наличие вариантов $-(\text{э})t'u$, $-(\text{ь})t'u$. Примеры из говоров диалекта: яр. *бакчаыт'* (*бакчаэ́т'*) ~ *бакчаы́т'и* (~ *бакча́т'и*) ~ *бакчаки* ‘по огороду’; юк. *коркат'и* (*корка́т'и*) ‘по дому’, *бакчат'и* (~ *бакчаэ́т'и*) ‘по огороду’; гл. *бакча́т'* (~ *бакчаэ́т'*) ~ *бакча́т'и* (~ *бакчат'и*) ~ *бакчаки* ‘по огороду’» [Карпова 2005: 65]. Как отмечают исследователи, вариант $-ки$ произошел от суффикса $-t'u$, который в свою очередь образовался путем слияния $*-t(-)$ с пространственным значением и лативным $-i$ ($<*-j$). Показатель $-(\text{ь/ы})t'$ образовался из формы $-(\text{ь/ы})t'u$ путём выпадения конечного гласного $-и$ (см. об этом подробнее: [Карпова 2005: 65]).

Следует заметить, что имеются диалектные различия и в семантической структуре пролативных маркеров. В частности, как подчеркивает Л. Л. Карпова, в ярском говоре среднечепецкого диалекта «встречается немало примеров, когда пролатив выступает в функции инессива, например: Дзяк. *д'эрэвн'аы́т' умо́й вэ́рало*. ‘В деревне (‘по деревне’) хорошо говорят’» [Карпова 2005: 64]. В словоизменительной парадигме красноуфимского говора удмуртского языка формы пролатива отсутствуют, его функциональная нагрузка передается посредством элативных форм: «*Yh-dessä udmurtin eteläisessä periferiamurteessa – krasnoufimsk – prolatiivi -ti korvaa elatiivi*» [Kel'makov, Saarinen 1994: 98].

II. Семантическая структура переходного падежа

Семантическая нагрузка переходного падежа, в отличие от других пространственных падежей, представлена лишь выражением локальных отношений. В художественной литературе его использование для указания на темпоральные характеристики действия не обнаружено.

Типологически переходный падеж «может выражать четыре пространственных значения, образующих центр семантической зоны пролатива: маршрут, проход, сцена и обочина» [Ганенков 2002: 42]. В системе удмуртского языка из представленных значений посредством переходного падежа реализуются первые три значения. Выражение пространственного значения ‘обочина’, как правило, осуществляется с помощью послеложных конструкций: *Нюк кузя лупу будэ, съёд сутэр, эмезь* (Байт., 53). ‘Вдоль оврага растет ольха, смородина, малина’; *Сюрес дуртй дыртыса немецкой пехота вамышъя* (Байт., 55). ‘По обочине дороги спешит немецкая пехота’; *Каллен вамышъяло Конюховъёс бусы дуртй* (Лом., 132). ‘Неспеша шагают Конюховы вдоль поля’.

Следует заметить, что в случае выражения других семантических значений удмуртского пролатива послеложные конструкции могут также выступать в качестве синонимичных форм, например: *Мотоциклэ школа капка азе дугдытйз, бызьыса кадь тубиз школа тубатэтй* (СН, 63). ‘Мотоцикл [он] оставил перед школьной калиткой, а сам словно взлетел по школьным лестницам’. Ср.: *Корепанов тубат кузя васькыку, кин ке но пыдзэ пуктйсь луиз: ёжыт гинэ ёз салиськы* (СН, 83). ‘Когда Корепанов спускался по лестницам, кто-то поставил подножку – он еле удержался на ногах’. Или: *Нош гурт вадьсысь омыретй луд пала лэйкаса вёлдйське чебер крезьгур* (Байт., 154). ‘А от деревни в сторону поля (букв. по воздуху) доносится красивая мелодия’. Ср.: *Пось тузон но курыт чын пыртй, нюлэсьёстй, кот нюрёс вылтй мынйзы* (Байт., 83). ‘[Солдаты] шли сквозь удушающую пыль и едкий дым, через леса, по топким болотам’.

В зависимости от семантической характеристики вербальной единицы и наличия/отсутствия дейктических элементов в тексте, пролативные формы, как и большинство других пространственных падежей удмуртского языка, могут актуализировать как зна-

чение приближения (движение по направлению к кому/чему-либо) или удаления от дейктического центра (движение откуда-либо), так и значение движения как такового (идти, двигаться): *Усьтэм ѓсэмй шоро-куспо арлыдо пиосмурт пыриз* (Хайд., 153). ‘Через распахнутые двери вошел мужчина средних лет’ (приближение); *Тйини со пияла ѓсэмй пьрод, отын вахтёр пуке* (СН, 14). ‘Зайдешь через те стеклянные двери, там [в комнате] сидит вахтёр’ (удаление); *Нюлэскымй вামышъянъяз, со кырзан гур мытоз, отчы-татчы учкылоз* (СН, 41). ‘Когда идет по лесу, она запоеет песню, будет поглядывать по сторонам’ (движение).

Рассмотрим основные семантические значения пролативных форм, представленных в литературном удмуртском языке.

1. Значение маршрута

Из представленных выше пролативных значений наиболее высокой дистрибутивной нагрузкой переходного падежа в удмуртском языке является выражение значения ‘маршрута’: *Горький урамысь Советскоемй мыныса, Пушкинское потйм* (СС, 326). ‘Пройдя по улице Советская, с улицы Горького мы перешли на Пушкинскую’; *[Нылаш] бусыемй сюрестэм азьтй бызьыса-бызьыса бертйз* (СС, 178). ‘[Девушка] прибежала домой по полю, по бездорожью’; *Йён-йён вამышъяса, [Рево] ульчаेतй мынэ конторае* (Лом. 78). ‘Уверенно шагая, [Рево] идет по улице в контору’.

Таким образом, исследуемое значение осмысливается как указание на конкретное место/способ передвижения, которое может происходить на разных типах поверхности/пространства:

а) движение по горизонтальной поверхности ориентира (локализация **Super**): *Мынйсько мон Ижевск урамтй* (СС, 207). ‘Я иду по улице Ижевска’; *Нуналлы быдэ пёртэм аллеяостй тубаваська со «Горд шунды» гурезь йылэ* (СС, 66). ‘Каждый день она поднимается на вершину горы «Красное солнце» по разным аллеям’; *Нош та сюрестй уг яра мыныны* (Байт., 129). ‘А по этой дороге идти нельзя’; *Бусыемй ёуж бугор птыра. Кин со? (Ѕичы)* (Инг., 337). ‘По полю катится желтый клубок. Кто это? (Лиса)’; *Ревоослэн бакчаемйзы но шур бызе* (Лом., 52). ‘И через огороды семьи Рево протекает река’;

б) движение по вертикальной поверхности ориентира (локализация **Ad**): *Жыныё-урдсо лэсьтэм корказь тубатэмтй тубиз солдат* (Лям., 22). ‘По недостроенным сходням крыльца поднялся солдат’; – *Трубкаын кышномурт куара вал! – нылашлэн ымныртмйз синкылиосыз куалекъяса-куалекъяса васькыны одъязы* (Нян., 68). ‘– Из трубки доносился женский голос! – слёзы покатались по лицу девушки’;

в) движение по внутреннему пространству (локализация **In**): *Таёе куазен сйльвиртмй пось тулкым ортче кожалод* (СН, 7). ‘В такую погоду кажется, что по телу пробегает дрожь’; *Гуртэ гу-мыетмй ву пыртмйзы но, колхоз кузёос татчы башня интыязы* (Гряз., 177). ‘После того, как в деревню провели водопровод (букв. воду по трубам), на этом месте колхозное руководство разместило водонапорную башню’; *Мёлямтмйз тау карон тулкым ортчуса, со кышнозэ чуп кариз* (Перевощ., 412). ‘Почувствовал, как его грудь наполняется чувством благодарности (букв. через его грудь прошла волна благодарности), он поцеловал свою жену’; *Люда, пырем берамы ик, нырысь квартиразэ возматмйз, вань комнатаостмйз нуллмйз но кухняяз чортмйз* (СС, 219). ‘Как только вошли, Люда показала свою квартиру и провела по всем комнатам, [затем] пригласила на кухню’;

г) движение по однородному пространству (при актуализации качественных характеристик среды) (локализация **Inter**): *Куазь зоре ке, со горд сюетмй пыдын но ветлыны уг луы ни* (Загр., 314). ‘После дождя по этой глине невозможно пройти даже пешком’; *Луоз-а та вуэзмй уяны* (МС, 109). ‘Можно ли проплыть через эту реку (букв. воду)’; *Няньлы, сылаллы – куать иськеме. Лымы ултмй но, дэрумтмй но* (Байт., 8). ‘За хлебом и солью [шагаем в деревню] за шесть километров. И в снегопад, и в слякоть (букв. по грязи)’.

В отличие от других пространственных падежей удмуртского языка, в данном значении формы переходного падежа не могут указывать на геометрико-событийное и функционально-событийное типы локализации (см. об этом ниже).

2. Семантическое значение ‘проход’

Семантическое значение ‘проход’ типологически актуализирует движение через/сквозь внутреннее пространство ориентира. В отличие от предыдущего значения, в данном случае «акцент делается не на том, что ориентир задает траекторию движения (хотя в ряде употреблений этот компонент также присутствует), а на том, что ориентир является промежуточным этапом, в результате движения объект выходит из границ ориентира» [Ганенков 2002: 40]: *Укноетий пырись яркыт шунды сиос но Насьтйльсь кӧдэктэм ымнырзэ чыжыт ӧз каре* (Лям., 26). ‘Даже пробирающиеся через окно солнечные лучи не добавили румянца на бледное лицо Насти’; *Мрамор памятник бордысь фотоез тодмаса, Аркаш пась кылем корт капкаетий луд кеч сямен тэтчиз* (СС, 115). ‘Опознав фотографию на мраморном памятнике, Аркаш перепрыгнул (букв. как заяц) через незакрытую железную калитку’; *Сьӧд куака муръёетий лоба (Гур чужон)* (Инг., 332). ‘Черный ворон летает через дымоходную трубу (Помело для чистки печи)’; *Дырдыетий жуль-жуль васькись чылкыт ошмес ву аслаз огпӧртэм жильыртэменыз оломае но тодӧ вайытӧ* (Гряз., 145). ‘Текущая по жёлобу чистая родниковая вода своим однообразным журчанием напоминает о многом’; *Плита вылысь чайникез шедьтыса, ныртйиз гинэ гульккетйиз но берен интыяз пуктыны кизэ сузьтйиз* (Хайд., 41). ‘Нашупав находящийся на плите чайник, [он] выпил [воду] через нос чайника и протянул руку, чтобы поставить [чайник] на место’; *Нина Александровна чуж куарез укноетий куштйиз* (Лом., 30). ‘Нина Александровна вбросила желтый листок через окно’.

Следует заметить, что в указанном контексте с формами переходного падежа могут функционировать и другие пространственные падежи. В этом случае семантическое значение ‘проход’, актуализируемое переходным падежом, выражается еще ярче: – *О-о, Лазыр, кудкема ни ой адзылы, – бусы капкаетий улычае пырыкум ик синйылтйиз Ладьмер бускеле* (Хайд., 60). ‘– О-о, Лазыр, давно не виделись, – уже при входе на улицу через полевые ворота приметил меня мой сосед Ладьмер’; *Со корказетий дыбыр-йыг васькиз но ури-бери вуиз ураме* (СС, 161). ‘Он с грохотом прошёл через крыльцо и быстро очутился на улице’.

Относительно низкая дистрибутивная нагрузка удмуртского пролатива в указанном значении обусловлена более частотным функционированием конструкций с послелогом *пыр*, *пыртій* – послелог в значении ‘сквозь, через’, *вискытій* – послелог в значении ‘между, сквозь, через’, *кузя* – послелог в значении ‘по, через’ и др.: *Город урамъёстїй поръяло, «Россия» кинотеатр азьысь площадьын, монумент улланьысь кузь тубат кузя васькыса, тымет дуре вуо* (СС, 43). ‘[Они] гуляют по городским улицам, на [Центральной] площади перед кинотеатром «Россия» спускаются по многочисленным лестницам от монумента к пруду’; *Їушкась тыл но кынтїсь ву **пыр** выжизы полкъёс* (Лям., 202). ‘Сквозь обжигающий огонь и ледяную воду прошли полки’.

3. Семантическое значение ‘сцена’

Пространственное значение ‘сцена’ связано с обозначением «ориентира-участка пространства, который не задает строго траекторию движения, а только включает ее в себя, т. е. дает указание на то, где происходит движение» [Ганенков 2002: 40]. В отличие от предыдущих семантических ролей, данное значение носит менее конкретный характер и чаще всего реализуется при актуализации «геометрико-событийного пространства», указывающего, с одной стороны, на участие субъекта действия в каком-либо событийном фрейме (типа *репетиция*, *состязание*, *испытание*, *собрание*, *проводы* и др.), а с другой стороны, на его нахождение в определенном месте пространства или конкретном социальном учреждении (см. об этом: [Селиверстова 2000: 201]): *Мар карыны тодытэк, Осьып магазинъёстїй ветлоно кариськиз* (Нян., 15). ‘Не зная чем себя занять, Осьып решил пройтись по магазинам’; *Турнась уг луы, дыр. Больницаетїй котырсконо луоз* (Хайд., 28). ‘Косить я уже не смогу. Придется сходить в больницу (букв. пройтись по больнице)’.

При выражении указанного значения имена существительные, маркированные пролативными суффиксами, в своей морфологической структуре чаще всего имеют показатели множественного числа. Последние привносят в содержание высказывания указание на рассредоточенность действия в пространстве: *Собере Нюралы аслыз но дыртытэк ёвёл, заводьысь потыса, мага-*

зиньёс^{тй} котырсконо, созэ-тазэ басътоно (СН, 300). ‘Кроме того, Нюре необходимо поторапливаться: по дороге домой ей надо еще пройтись по магазинам, купить то да сё’; *Дас вить ар общежитиос^{тй} костаськыса ветлоно луисъкиз* (Нян., 134). ‘Пятнадцать лет пришлось скитаться по общежитиям’; *Нош солэн, нянь шумес утчаса, мукет районьёс^{тй} ветлэмез сярысь мадёнъёс вал* (СС, 297). ‘О том, как он ездил по другим районам в поисках квашни, в народе ходили сплетни’; *Тыныд, Мила, аслэсьтыд улондэ радъяно, семья кылдытоно, нош малы общежитиос^{тй} костаськонэз – улэ татын* (Нян., 90). ‘Тебе, Мила, надо обустраивать свою личную жизнь, создать семью; зачем же слоняться по общежитиям – живите здесь’.

4. Семантическое значение ‘точки приложения’

Периферийные значения семантической зоны пролатива, как правило, образуются путем грамматикализации. Динамика их семантического развития в системе удмуртского языка, как и в большинстве других языков, определяется результатом метафоризации пространственного компонента – функциональной идеей соответствия, способствующей актуализации посредством пролативных показателей значения ‘точки приложения’ (см. подробнее: [Ганенков 2002: 47]), в частности, в сочетании с глаголами, обозначающими касание, соприкосновение, контакт, формы переходного падежа в удмуртском языке, как правило, указывают на локальные характеристики как объект приложения действия: *Со монэ суй^{тй}м кырмиз* (Нян., 162). ‘Она схватила меня за руку’; *Соку кин саес^{тй}м кыскиз?* (Загр., 310). ‘Кто тогда потянул меня за рукав?’; *Кайгуэ усъыкуд, ким^{тй}д кутыны вöзэд эшед мед луоз* (Инг., 313). ‘Когда тебя настигнет горе, пусть рядом с тобой окажется друг, способный поддержать тебя (букв. брать тебя за руку)’.

Данное значение близко к значению, выражаемому удмуртским аккумулятивом: *саес^{тй}м кыскыны* ‘потянуть за рукав’ ~ *саесме кыскыны* ‘потянуть [за] рукав’. По-видимому, употребление аккумулятивных форм в аналогичных ситуациях актуализирует действие по отношению к объекту в целом, тогда как использование пролативных форм указывает на парциальность проте-

кания действия: *Санкоез саестмүз зурак кыски* (СН, 88). ‘Я резко дернул Санко за рукав’; *Юрт котырын уж ноку уг быры: одйг интыемүз шуக்கиськод, выльдйськод – мукет палтүз сисьме, палдэ* (СН, 67). ‘Дела в хозяйстве никогда не убавляются: в одном месте исправляешь, обновляешь, в другом – все рушится, гниёт’; – *Антон! Кытын мынам портретэ?! – пельпумёстйм сзэьяны кутскиз со* (Нян., 118). ‘– Антон! Где мой портрет?! – он начал трясти меня за плечи’; *Семён Петрович пырак Вася доры мынйз но сое гадьмүз кырмиз* (Вас., 47). ‘Семён Петрович прямоком направился к Васе и схватил его за грудь’.

В ряде случаев ‘точка приложения’ может иметь пространственную протяженность: *Со сюрлыемүз жыныё каремын* (Инг., 59). ‘Вдоль позвоночника он [палэсмурт – фольк. ‘леший-великан’] разделен’; *Лызалэс плащез кускымтүз керттэмын* (СН, 294). ‘Ее синеватый плащ перетянут по талии поясом’; *Сояз бакчаын чорк-чорк сылйсь кубиста йырйёсыз кочон выжыемүзы ик чого* (СН, 68). ‘Растущую в другом огороде капусту рубят под корень’.

5. Семантическое значение ‘координатива’

В другом случае формирование периферийного значения удмуртского пролатива связано с актуализацией значения ‘координатива’, или значения следования чему-либо. В частности, в контексте с глаголами движения формы пролатива могут актуализировать значение движения по следу: *Собере нош отын кечат-ва-мат лёгаське, одйг пытьымтүз мыдлань-азьлань ветлэ но выльысь палэнэ тэтче* (Загр., 343). ‘Потом [заяц] топчется на одном месте, бегаёт туда-сюда по своим следам и прыгает в сторону’. *Азь питранэн бер питран котьку одйг пытьымтү уг погляло* (Инг., 314). ‘Не всегда передние и задние колёса движутся по одной колее’.

Итак, семантическая зона переходного падежа в системе современного удмуртского языка представлена спектром пространственных значений, образующих ее центр, а также рядом производных значений, являющихся результатом развития пространственных значений.

2.2.7. Направительный падеж

I. Морфологическая структура имени существительного в форме направительного падежа

Направительный падеж (аппроксиматив, *матэктон* (*лыктон*) *каб*), маркированный суффиксом *-лань*, является одним из самых редкоупотребительных падежей в современном удмуртском языке: *Озьыен, шунды ёсытлань кариське ни, ёсоген Ленька но бертоз* (СН, 258). 'Итак, уже вечереет (букв. солнце уже клонится к вечеру), скоро и Ленька придет домой'; *Ужасько тани... Гуртлань кыске ик бен...* (Пер., 305). 'Да вот работаю [в городе]... Хотя, в деревню, конечно, тянет...'

Как отмечает В. К. Кельмаков, во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах данный падеж имеет тенденцию к замещению послеложными, напр., кркм. *гурт пала* // удм. лит. *гуртлань*, *гурт пала* 'в сторону деревни, по направлению деревни' (см. об этом: [Кельмаков 1998б: 117]). В других диалектах данный падеж также может характеризоваться невысокой дистрибутивной нагрузкой²³.

Отличие от удмуртского языка, в коми языке данный падеж представлен гораздо шире: здесь функционирует целая серия падежей с первым компонентом на *-лань*–: аппроксиматив-инессив, аппроксиматив-элатив, аппроксиматив-эгрессив, аппроксиматив-пролатив, аппроксиматив-терминатив, аппроксиматив II (см. подробнее: [Некрасова 2002б: 103–111]). Как подчеркивает коми исследователь, появление «рассматриваемой серии в системе склонения коми языка, видимо, связано с общей тенденцией увеличе-

²³ По мнению Л. Л. Карповой, в среднечепецком диалекте удмуртского языка гораздо реже, нежели в других диалектах, употребляется падеж аппроксиматив: «Формам аппроксиматива литературного языка со значением направления по месту или времени в диалекте чаще всего соответствует сочетанию существительного в номинативе с послелогом *пала* 'по направлению к, в сторону'. Процесс ослабления морфологического оформления аппроксиматива в диалекте имеет тенденцию к дальнейшему развитию» [Карпова 2005: 64].

ния числа местных падежей, наблюдаемой во многих финно-угорских языках, и основывается на одном из основных принципов образования вторичных падежей – способа сложения суффиксов, который был распространен в финно-пермской ветви финно-угорских языков» [Некрасова 1985: 152].

Низкая дистрибутивная нагрузка направительного падежа в современном удмуртском языке обосновывается широкой дистрибутивной нагрузкой послеложных конструкций в данном значении: *Соин ик шур **пала** вამыштійсько* (МС, 81). ‘Поэтому я направляюсь к реке’; *Эшишо маке вераз но гурт **пала** бызиз* (Хайд., 127). ‘[Он] еще что-то сказал и побежал в сторону деревни’; *Жомо-югдо вакытэ ми Мукиши нюлэс **пала** вამыштійм* (Загр., 296). ‘В сумерках мы направились в сторону мукшинского леса’; *Городысен такси басьтыса, дор **палаз** шонтійз Онсим* (СН, 21). ‘Остановив в городе такси, Онсим поехал в сторону дома’; *Пы-десозяз лымыез коласа, Шевелёв жўам писпуос **доры** кошкиз* (Гавр., 184). ‘Утопая по колено в снегу, Шевелёв направился в сторону обгоревших деревьев’; *Дыр дас одйг **пала** вуэ ини* (Байт., 122). ‘Времени одиннадцатый час’. Использование лично-притяжательных суффиксов и показателей множественного числа в структуре имен, маркированных формами аппроксиматива, в художественной литературе не обнаружено.

II. Семантическая структура направительного падежа

Как и другие пространственные падежи (помимо пролатива) в системе современного удмуртского языка формы аппроксиматива участвуют в реализации локальных и темпоральных отношений.

1. Пространственные значения

При выражении пространственных отношений направительный падеж чаще всего указывает на направление движения: *Озьы ке но, гуртлань сётійськыны ёз дырты – центре вуыса, тымет дуре васькиз но нуназе палозь ярдуртій калгиз* (Перевощ., 373). ‘Несмотря на это, он не спешил домой (букв. в сторону дома): добравшись до центра, он спустился к пруду и до обеда бродил по берегу’.

Особенностью функционирования данного падежа является то, что, в отличие от предельного падежа, движение здесь ориентировано не по конечному пункту, а только по направлению движения. Таким образом, именно направление движения в этом случае является характеристикой маршрута, поскольку «указание на конкретный ориентир встроено в значение ориентационного показателя и выражается совместно со значением локализации» [Плунгян 1999: 213]: *Жоген соос городлань вырзизы* (ПГ, 133). ‘Вскоре они направились в сторону города’.

В лингвистической литературе принято выделять четыре больших класса абсолютных ориентиров: предметные, гравитационные, антропоцентричные и дейктические (см. об этом: [Плунгян 1999: 212–223]). В этом отношении падежный маркер *-лань* может употребляться только с именами существительными первого класса, или с предметными ориентирами, под которыми понимаются «любые фрагменты окружающей действительности, важные для человеческой деятельности. Это могут быть элементы ландшафта, выделенные артефакты и др.» [Плунгян 1999: 213], например: *Визьэ сынаса кадь, мон юри кошкем амал кариськи – берен ыбеслань, азбар пала вамыштий* (Пукр., 47). ‘Я, словно стараясь его запутать, сделал вид, что ухожу обратно: направились в сторону ворот, ко двору’; *Лушкам кубистаен уробо жукур-жукур тубе вырийллань* (Сер., 121). ‘Телега с ворованной капустой скрипя поднимается к вершине холма’.

При обозначении гравитационных, антропоцентричных и дейктических ориентиров в современном удмуртском языке, чаще всего употребляются наречные формы (*выллань* ‘наверх’, *уллань* ‘вниз’, *палланэ* ‘налево’, *буре* ‘направо’ и др.).

Еще одним отличительным признаком удмуртского аппроксиматива является то, что он используется исключительно для обозначения эксклюзивных значений, т. е. для обозначения движения к пункту без захода в него. Как подчеркивает Г. Некрасова, «значение аппроксиматива не предусматривает достижения границ предмета, тем более вхождения во внутренние пределы. В значении ориентира, необязательной цели движения проявляется сема неконтактности, несоприкосновенности» [Некрасова 2002б: 103]. Это касается как для пространственных, так и темпоральных значений: *Сйзбыллань куазь воксё сйялскиз* (Хайд., 135).

‘Ближе к осени совсем похолодало’; *Жытлань арасьёс доры вуиз партилэн райкомезлэн секретарез Иван Гаврилович Копысов* (Лом., 215). ‘Ближе к вечеру к жнецам прибыл секретарь партии райкома Иван Гаврилович Копысов’.

1. Темпоральные значения

Как и в случае с пространственными значениями, темпоральные значения удмуртского аппроксиматива позволяют реализовать значения направления движения, однако в данном случае речь идет уже о временных координатах: *Южтолэзьлэн кутсконаз ик гужемлань кариськыны шотам шунды котыр вырийыльёсысь лымыез син кустын нюлышитӥз но, колхоз контораен школа вискысь мувыр кытӥ-мартӥ шупектӥз* (Перевощ., 547). ‘Уже в начале марта весеннее (букв. клонившееся к лету) солнце моментально растопило снега на пригорках, и земля между конторой и школой езаметно просохла’; *Городэ вуыкузы, куазь жытлань кариське ни вал* (Перевощ., 349). ‘Когда они подъезжали к городу, уже вечерело (букв. время близилось к вечеру)’; *Кызы ке огпол, жытлань телефонэз жингыртӥз* (Нян., 116). ‘Как то раз, ближе к вечеру, зазвонил его телефон’; *Со нуналэ Дунай, жытлань, аслаз дас вить аресаз тӥдь-тӥдь нурысьтаз* (Сер., 92). ‘В тот день, ближе к вечеру, Дунай в свои пятнадцать лет покрылся сединой’.

Таким образом, исследуемый падежный формант при обозначении временных координат чаще всего присоединяется к именам существительным, содержащим в своей семантической структуре темпоральные характеристики, в частности, они могут выражать названия суток, времена года и др.: *Жытлань кариськись шундылэн нюроем тылсиосызлэсь синзэ кыныз сайяса, далай гинэ учке станция палась мынӥсь сюрес шоры* (СН, 11). ‘Отгородившись рукой от послеполуденного солнца (букв. от влажных лучей клонящегося к вечеру солнца), он уже долго смотрит на дорогу, ведущую от станции’. Следует отметить, что омонимичный аппроксимативным показателям с точки зрения синхронии суффикс (но уже в словообразовательном значении) широко представлен в адverbальных формах: *Адямислы, чӧш дышетскемъёсды, палян урдэслань сылӥськод* (МС, 30). ‘Ты

не уважаешь людей, своих одноклассников (букв. стоишь левым боком к людям, своим одноклассникам)'; *Оглом вераса, ваньмыз умойлань кариськиз* (Перевощ., 253). 'В целом, все повернулось к лучшему'.

Таким образом, семантическая структура аппроксиматива в системе литературного удмуртского языка представлена выражением пространственных и темпоральных значений. Его невысокая дистрибутивная нагрузка объясняется интралингвистическими факторами – а именно: широким употреблением послеложных конструкций в указанном значении.

Подводя итоги к данному разделу, можно отметить, что члены падежной парадигмы удмуртского языка в большинстве своем полифункциональны. Максимальной широтой семантической структуры, по-видимому, обладают дательный, творительный и разделительный падежи.

Общим моментом пространственных падежей является то, что их абсолютное большинство (в этом ряду исключением является только пролатив) участвует в реализации как пространственных, так и временных значений. Следует также отметить, что пространственно-временные отношения могут реализовываться с помощью других косвенных падежей.

Как показали примеры из художественной литературы, каждый падеж имеет свою собственную систему значений. Как подчеркивают авторы «Русской грамматики» (1982), «падеж как многозначная единица представляет собою комплекс отвлеченных значений, находящихся в определенных отношениях друг к другу. В этом комплексе, т. е. в системе значений данного падежа, в его семантическом строении, одни значения наиболее весомые, главенствующие для данного падежа, являются центральными, основными, другие составляют семантическую периферию данного падежа. Значения главенствующие, центральные, как правило, слабее испытывают на себе лексико-семантические ограничения; значениям, составляющим семантическую периферию падежа, обычно сопутствует достаточно определенная лексико-семантическая или синтаксическая несвободность» [РГ 1982: 479].

Распределение семантических значений между членами парадигматического ряда в современном удмуртском языке формировалось под влиянием как интралингвистических, так и экстра-

лингвистических факторов. Доказательством этого может выступать наличие падежной синонимии, которое формируется: а) между падежными формами; б) между падежными и словообразовательными суффиксами; в) между падежными формами и послеложными конструкциями.

В частности, первый тип синонимических отношений может быть представлен в бинарной оппозиции: *иллатив ~ инессив*, формирующейся при выражении темпоральных значений: *Яблокнуос нош, доразы ѳтьыса сямен, котькуд аре трос яблок сёто* (РГ, 21). ‘А яблони, словно притягивая к себе, каждый год плодоносят’ ~ *Со вал 1910 арын* (СЕ, 234). ‘Это случилось в 1910-м году’.

Второй тип синонимических отношений может быть представлен, к примеру, оппозицией: морфологический маркер инструментalia ~ словообразовательный суффикс *-о/-ё*: *Кемалась ѳвѳл соослы сѳтйллям кык комнатаен усто квартира* (Евс., 90). ‘Еще недавно им выделили хорошую двухкомнатную квартиру’ ~ *Пукиськом ми Владимир но Людмила Котляровѳслэн вить комнатаѳ квартиразы* (СС., 219). ‘Мы находимся в пятикомнатной квартире Владимира и Людмилы Котляровых’.

Третий тип падежной синонимии, в частности, формируется на основе параллельного использования падежных и послеложных форм: *Оло ѳапак соослэн пытьы кузязы нуллэ монэ Людмила Ивановна?* (СС, 230). ‘Может быть как раз по их [Эсмеральды и Квазимода] следам водит меня Людмила Ивановна? Ср.: *Мынйз пытьыетйз, нош кечез тѳпак ышиз* (Загр., 344). ‘Он шѳл по следу, а заяц совсем пропал’.

Проблема падежной синонимии типологически определяется межкатегориальными связями в грамматической структуре языка. В удмуртском языке в качестве основных причин возникновения данного лингвистического явления можно назвать: а) перераспределение семантических значений падежной формы в результате развития падежных маркеров, б) изменения (сужение, расширение и др.), касающиеся семантической структуры вербальной единицы; в) интерференция соседствующих языков. Указанные факторы являются основополагающими при возникновении падежной синонимии и для ряда других языков, в частности, для русского языка (см. об этом, в частности: [Кыдыкова 1987: 63]).

3. Явление двупадежности в современном удмуртском языке

В качестве одной из типологических характеристик падежной системы агглютинативных языков можно назвать явление двупадежности, которое в научной литературе имеет разные определения. В частности, применительно к чувашскому языку В. И. Сергеев, ссылаясь на работы Н. Н. Поппе, исследуемое явление определяет как двойное склонение, сущность которого «заключается в образовании падежных форм не от основы, но от какой-нибудь падежной формы. Падежная форма как бы становится склоняемой дальше основой» [Сергеев 2002: 109]. Авторы «Грамматики бурятского языка: Фонетика и морфология» (1962) указанное явление рассматривают как двойные падежи²⁴: «В бурятском языке некоторые падежные формы принимают окончания других падежей, образуя, таким образом, двойные падежи. Двойные падежи образуются в основном от родительного, дательного-местного и совместного падежей» [ГБЯ 1962: 91].

Разграничение вышеуказанных понятий справедливо проведено в работе Н. Н. Убушаева: «Кроме простого склонения калмыцкие говоры знают также двойные падежи, которые образуют двойное склонение, при котором склоняемой основой является не именительный падеж, а косвенный падеж, который, принимая аффиксы другого падежа (падежей), образует двойное (тройное) склонение» [Убушаев 2006: 130]. Таким образом, в данной работе под термином двупадежность будем понимать лингвистическое явление, при котором формальное значение слова (лексемы) определяется, с одной стороны, посредством формообразующих суффиксов, с другой – находит свое выражение в словоизменительной

²⁴ Аналогичная дефиниция представлена и в монгольском языке: «Некоторые падежные формы в монгольском языке могут принимать окончания других падежей, образуя так называемые двойные падежи» [Орловская 1961: 27].

парадигме. В этом контексте образец или схему словоизменения имен, содержащих в своей морфологической структуре омонимичные формообразующие и словоизменительные суффиксы можно рассматривать как парадигму с двойным склонением имен.

Следует заметить, что система склонения современного удмуртского языка с точки зрения диахронии в основном сложилась в общепермский период, с одной стороны, унаследовав черты финно-угорской системы склонения, с другой – характеризуясь рядом новообразований, в частности: слиянием двух падежных суффиксов, слиянием падежного и словообразовательного суффиксов, изменением морфемного шва словоформы и др. (см. подробнее: [Серебренников 1963: 7–83, Майтинская 1979: 93–137, Bartens 2000: 77–108, Некрасова 2004: 77–94, Csűcs 2005: 173–194] и др.). Таким образом, функционирование нескольких падежных форм в структуре одной словоформы представляет собой явление, встречающееся не только в современном удмуртском языке, но и имеющее исторические корни. Аналогичное явление двупадежности имеется и в родственных коми языках: «Ӧнія коми кывйын кык вежлӧга формаясысь позьӧ торйӧдны кык сикас: 1) вежлӧг формаяс артмӧдӧны выль ӧтувъя тэчаса суффикс; 2) вежлӧг формаяс паныдасьлӧны ашӧр туйын (...) Тшӧкыда кык вежлӧг суффикс ашӧр туйын ӧтвылысь паныдасьлӧ эллипис да плеоназм дырйи» [Некрасова 2000: 30–31]).

На возможность функционирования двух косвенных падежных форм в структуре одной словоформы исследуемого языка в свое время указывал А. И. Емельянов, рассматривая данные суффиксы как смешанные суффиксы: «К смешанным суффиксам мы относим сложные суффиксы, состоящие из нескольких суффиксов разных падежей, иногда противоположных по смыслу: лативного и локативного, элативного и иллативного, элативного и инэссивного и т. д.» [Емельянов 1927: 145]. Однако в качестве примеров исследователь приводит в основном местоименные и послеложные формы: *mušlän so dQrja kot'kiñlänleš čečiez ӧžet vQläm*. 'У пчелы тогда меду было меньше, чем у кого-либо'; *ta dirožse puden vetlem vāw* 'До сего времени пешком ходил' и др. (примеры по: [Емельянов 1927: 146]). К подобным «смешанным суффиксам» автор грамматики ошибочно относит и морфологический маркер отдалительного падежа: «Когда такого рода сложный *inessiv* или

in-instrumental стоит при глаголе, означающем сравнительный покой, то по своему значению он близок к lokativ-y: *gid'isen, in-marišen, him2z odig*. 'В хлеву и на небе, имя его одно'» [Емельянов 1927: 147]. Наличие явления двупадежности в удмуртском языке А. И. Емельянов объясняет двумя причинами²⁵: а) явлением агглютинации; б) возможностью функционирования в качестве производящей основы «отыменных образований на посессивные суффиксы» (см. подробнее: [Емельянов 1927: 146]). Несмотря на наличие отдельных замечаний подобного рода, явление двупадежности в удмуртском языке до сих пор не было предметом специального исследования. В связи с этим в рамках нашей монографии попытаемся определить характер данного явления в грамматической системе удмуртского языка.

Так, с точки зрения синтагматики, в современном литературном удмуртском языке в качестве производящей основы при явлении двупадежности могут быть представлены следующие падежные формы:

- генитив: *Тон янгышад, Рая, мурт-лэн-эн кема уд улы* (Крас., 321). 'Ты ошибаешься, Рая, на чужом (букв. с тем, что принадлежит другому) долго не проживёшь';

- аблатив: *Кузедбай Герд-лэсь-ёс-с-э гинэ ёз лэзелэ* (Черн., 80). 'Только [произведения] Кузедбая Герда не разрешали [читать]';

- инструменталь: *Марым, чечы сюс-ен-з-э вай* (Лям., 43). 'Того, мед принеси тот, который в сотах (букв. с сотами)';

²⁵ «Такое странное явление нагромождения суффиксов объясняется во первых тем, что в вот. языке роль основного, начального падежа не принадлежит исключительно именительному падежу, но очень часто выпадает и на долю других падежей, из которых каждый может мыслиться настолько самостоятельным, что принимает после себя не только притяжательные суффиксы личных местоимений, как мы это видели, но и падежные суффиксы (...) Во вторых, осложнение одних падежных форм суффиксами других вполне понятно бывает в тех случаях, когда падежами являются отыменные образования на посессивные суффиксы – *-a* (архаический) и *-ś(k)*. Здесь уже язык поступает совершенно логично, когда, например, именам собственности на *-iś*, хотя и равнозначущим с elativ-ным падежом, придает суффиксу *lativ-a* или *illativ-a*» [Емельянов 1927: 145–146])

- адвербиаль: *Эшъяськон котькыће луэ. Одно ик вань пичи дыр эшед (...)* Ужын нош ас мылдыд-ыдь-я-з-э-гес пумитаськод (СС, 336). ‘Дружба бывает разной. Обязательно есть друг детства (...). А на работе выбираешь (букв. встречаешь) того, кто ближе тебе по характеру’;

- инессив: *Нош мукет ласянь, туж тыришмы ке но, уждун завод-ын-лэсь чарак ичигес тыризы* (ПГ, 14). ‘А с другой стороны, хотя [мы] и сильно старались, зарплату платили намного меньше, чем на заводе’;

- элатив: *Гурт-ысь-т-э, кыдёкысьтэ, кыће выжы-ысь-т-э тодыса оз жсутэ меда тонэ?* (Чер., 122). ‘букв. Зная, из какой ты деревни, откуда, из каких кровей будешь, [не из-за всего этого ли] возвысили тебя?’;

- терминатив: *Ярам, чукна-озь-лы татчы каръяськоно луоз шуыса, кин но со кунокуа утчано кариськиз* (Хайд., 36). ‘Что же, [согласившись, что] до утра придется оставаться здесь, некоторые [путешественники] отправились искать гостиницу’.

В разговорной речи в качестве производящей основы могут функционировать также формы дательного (напр., *Ко́чыш-лы-з-э ваем чорыгез кытчы поном?* ‘Рыбу, которую принес (принесла) для кошки, куда положить?’) и отдалительного (– *Тодйськод на-а соин пумиськылэмдэ? – Кыт-ысен-з-э? Школа-ысен-з-э-а?* ‘– Помнишь ли еще встречи с ним/с ней? – Которые? Которые были в школе?’) падежей.

Падежные формы иллатива, пролатива и аппроксиматива структуре именных основ, по-видимому, лишь в исключительных случаях могут образовывать формы с двумя падежными маркерами, в отличие от этого, в морфологической структуре местоименных основ и наречий с локальным значением, указанные маркеры представлены гораздо чаще: *Кошкисько... Кытч-ы-з-э ачим но уг тодйськы* (Анд., 51). ‘Уезжаю... А куда, и сам не знаю’; *Та-лань-з-э сюресэз пыдын берти́мы* ‘Дорогу в эту сторону мы прошли пешком’; *Корт бордын ужаку, кема шат кы-тй-д-э ке чабтыны*. (КГ, 114). ‘Разве сложно, работая с железом, поранить себя (букв. где-нибудь царапнуть)’.

Падежи номинатив, аккузатив и абессив, по-видимому, характеризуются полным отсутствием форм двойного склонения. Отсутствие форм двойного склонения для падежей номинатив и

аккузатив, скорее всего, можно обосновать тем, что они выполняют важнейшие функции в структуре предложения – разграничение субъектно-объектных отношений. Лишительный падеж, в свою очередь, не имеет тенденции к функционированию в именной позиции (важной для эллиптических конструкций), замещаясь адъективными формами с суффиксом *-тэм*: *Семьятэ-мэнызы оло озьы матэгес луизы, оло Яшалы институтын заочно дышетскыны юрттэменызы. Созытэк туннэ ма карыны ёрмэмын кадь* (САС, 99). ‘Либо [они] сблизились из-за того, что у всех у них нет семьи (букв. будучи несемейными), либо из-за того, что помогали Яше учиться на заочном отделении института. Без него сегодня [они] не знают, чем заняться’.

Как и в структуре простого и притяжательного склонений имен существительных, для случаев двойного склонения имен характерен фиксированный морфопорядок. Так, при наличии в структуре слова указательно-выделительных и лично-притяжательных суффиксов, исследуемые формы чаще всего имеют следующую структуру: основа слова + падежный аффикс 1 (с формообразующим значением) (+) лично-притяжательный суффикс / (+) указательно-выделительный суффикс + падежный аффикс 2 (со словоизменительным значением): *Дор-а-зы-лы мында ик кутйзы вал ке но толло жытаз Лилия Георгиевнаен Наташа, пельнянхызы өз тырмы* (Чер., 182). ‘Хотя Лилия Георгиевна с Наташей вчера вечером [пельменей] налепили столько же, сколько лепят дома, пельменей не хватило’; *Нош Татьяна Ильинична-лэн-эз-лы [нылызлы] эмъямзы иназ өз мыны* (Чер., 160). ‘А для [дочери] Татьяны Ильиничны лечение не пошло на пользу’; *Ачид тодскод, Сережа, мае. Ну... азьвылзэ... ужантй-я-мы-з-э* (ПГ, 101). ‘Сам понимаешь, Сережа, о чем я. О прошлом.... о том, что было [у нас с ним] на работе’; *Лыз пырьем синъёсыз но, бам чорккоез но, пичи гинэ кельышлы нырыз но быдэс Даша-лэн-лы тупало* (Анд., 43). ‘Ее голубые глаза, щеки, изящный носик очень походили на Дашины’.

Постпозиция лично-притяжательных суффиксов по отношению к словоизменительным суффиксам 2-го порядка характерна для тех же падежных форм, что и в структуре притяжательного склонения с одним падежным маркером: творительного, местного, входного, исходного, достигательного, отдалительного и пере-

ходного падежей, например: *Таоссэ нокизьы уд чошаты Андрей-лэн-эн-ыз* (Нян., 41). ‘Эти [письма] не сравнить с [письмами] Андрея’.

Расположение суффиксов множественного числа в исследуемых формах имеет прямую зависимость от количественных характеристик посессора (обладателя) и коррелята (обладаемого): препозиция суффиксов множественного числа по отношению к падежным суффиксам первого порядка указывает на множественность посессоров, тогда как их постпозиция актуализирует квантитативные характеристики коррелята: *Аслэсьтыз шекъёссэ тросгес шедьтылӱз, нош Косьта-лэсь-ёс-с-э, карандаш кутыса, шыпак тупатьялӱз* (Черн., 19). ‘[Учитель] чаще показывал свои ошибки [на картине], а Костины он молча исправлял, взяв [в руки] карандаш’; *Гуртысь пинальёслэн озгылэн но солэсь олокыӵе ик пӧртэм ой вал, райцентр-ысь-ёс-ыз-лэн гинэ пӧртэмгес вал* (Черн., 13). ‘[Одежда] деревенских детей ничем не отличалась [от его одежды], а у райцентровских (букв. у тех, кто из райцентра) [она] была несколько иной’. Как и в структуре любого имени существительного морфологические суффиксы *-ос/-ёс* в исследуемых словоформах могут выражать различные значения множественности (см. об этом: [Кондратьева 2010: 162–171]), напр.: *Тӧдӱы кеч уго милям бакчамы пыр гидкуамы доры лыктэ, бускель Петыр-ёс-лэн-тӱ малы ке но уг ветлы* (Загр., 345). ‘Заяц-беляк к нашему хозяйству подбирается через наш огород, почему-то он не ходит через соседний [огород] Петра и его семьи’. В данном примере суффикс *-ёс* выполняет функцию репрезентативной множественности.

При исследовании проблемы двупадежности в удмуртском языке актуальной становится вопрос о грамматическом статусе участвующих в образовании двойного склонения падежных форм. С нашей точки зрения, здесь следует разграничивать понятия словоизменения и формообразования²⁶: падежные суффиксы

²⁶ С точки зрения современной чувашской лингвистики, в этом случае следует разграничивать понятия формоизменения и словоизменения (см. подробнее: [Сергеев 2002: 47–50; 128–133]), где под формоизменением понимается «способность морфологически маркированной основы присоединять к себе другие аффиксы категориальных и нека-

первого порядка следует рассматривать как формообразующие, а падежные суффиксы второго порядка – как словоизменительные, где под формообразованием понимается «не только образование форм одного и того же слова, но и образование форм разных слов. Иначе говоря, данный термин трактуется в соответствии с его внутренней формой без дополнительных ограничений, связанных с тождеством слова: формообразование есть образование форм (любых форм в рамках данной части речи). Формообразование и словообразование оказываются не взаимоисключающими, а частично накладывающимися друг на друга понятиями» [Бондарко 1974: 4–5].

В качестве основных доводов отнесения аффиксов первого порядка к формообразующим суффиксам можно привести следующие:

- исследуемые суффиксы выражают систему значений, сопровождающих в предложениях и сложных синтаксических целях лексическое значение слова, при этом они не изменяют лексических и словообразовательных значений слов: *чорыг-ен-з-э пирожкиез* ‘те пирожки (Акк.), которые с рыбой’ ~ *чорыг-лэсь-с-э консерваез* ‘рыбные консервы (Акк.) (букв. консервы из рыбы)’;

- исследуемые аффиксы по отношению к лексическим и словообразовательным значениям имеют сопутствующий и обязательный (с точки зрения построения текста) характер: *Мон сй-зыыл-озь-лы фермае интыяськи, собере, оло, дышетскыны пыро татчы совхоз-техникуме* (САС, 163). ‘Я устроилась до осени на ферму, затем, может быть, буду поступать сюда, в совхоз-техникум’; *Шукыяськыса уртчыны турттйсь бокалзэ жэутыса, Роза-лэн-эн ваче жин-н! шуккиз но со шоры шунды тылсий курень синьёсыныз учкиз* (СС, 112). ‘[Дима] поднял свой бокал с поднимающейся за края пеной [шампанского], звонко чокнулся с [бокалом] Розы (букв. Розиным) и посмотрел на неё своими лучистыми карими глазами’;

- словоформы, содержащие в производящей основе падежные маркеры, могут быть противопоставлены словоформам, в ко-

тегориальных форм. Для формоизменения важна схема: основа слова – аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, далее – аффиксы категории более узкого объема» [Сергеев 2002: 47].

торых производящая основа и корень слова совпадают; при этом их грамматические значения противопоставляются;

- грамматические значения формообразующих суффиксов могут обобщать как постоянные, так и переменные признаки классов предметов, явлений, отношений, например, суффиксы *-лэн* и *-лэсь* выражают посессивные отношения; суффикс *-лы* указывает на адресата действия; суффиксы пространственных падежей чаще актуализируют пространственные отношения и др. Но, в отличие от словоизменятельных аффиксов, исследуемые формообразующие суффиксы участвуют не столько в построении синтаксической структуры словосочетания/предложения, сколько выполняют текстообразующую функцию;

- формальные средства выражения грамматических значений посредством формообразующих суффиксов носят в словах характер аналогии и характеризуются системными взаимоотношениями.

Таким образом, суффиксы второго порядка в случае двойного склонения целесообразно рассматривать как словоизменятельные суффиксы, поскольку они представляют собой систему форм одного слова в пределах одной падежной парадигмы (см. об этом: [Бондарко 1974: 4–5]): *бускель* ‘сосед’ > *бускель-лэн* ‘соседа, соседский’ > *бускель-лэн-лы* *кельшыны* ‘походить на соседский’ ~ *бускель-лэн-тй* *ветлыны* ‘ходить через [напр., огород] соседа’ и др.

Исследовав примеры из художественной литературы на предмет сочетаемости падежных форм в структуре одной словоформы, можно сделать следующие выводы:

а) практически все формы двойного склонения имеют дефектную парадигму, что обусловлено категориями логико-семантического порядка. Полную парадигму склонения (в данном случае мы опускаем формы именительного падежа, поскольку указанная падежная форма характеризуется наличием нулевого показателя, и в таком случае только при построении парадигмы склонения можно восстановить формы именительного падежа), по-видимому, можно выстроить только для родительного падежа (что является типологической универсалией, см. например: [Убушаев²⁷ 2006: 130]) при наличии в морфологической структуре

²⁷ «Наиболее активным в образовании двойного склонения в калмыцких говорах является родительный падеж, который может прини-

слова детерминативного суффикса *-ез/-эз, -ыз* или посессивных суффиксов. Данные формы ярко прослеживаются и в структуре местоименных основ, например: *Тазы учконо ке, Вероникалы кадь со дасоосын операциос лэсьтйз ни, со-лэн-лэсь но шугъёсыз вал* (Черн., 223). 'Если так посмотреть, таких операций как Веронике он [Юберов] уже делал десятки, были даже сложнее, чем у нее' ~ *Кайсин куддыр дышетскисьёслы солэсь суредъёссэ соос-лэнь-ёс-ын-ыз ёшатыса вералляз-возьматъялляз* (Черн., 21). 'Иногда Кайсин его рисунки показывал другим ученикам, сравнивая с их [рисунками]'; *Сое пазыгыны ась-ме-лэнь-ёс-лы тужгес но люкето куашкам черк съёры гудзиськем гитлеровецъёс* (СС, 198). 'Разгромить нашим [атаку врагов] мешают расположенные за разрушенной церковью окопавшиеся гитлеровцы' ~ *Тодйско, малы озы: ась-сэ-лэнь-ёс-лы тросгес сётэм шуэмлэсь кышкаськод, дыр* (Лям., 364). 'Я знаю, почему это так: ты, наверное, боишься разговоров о том, дескать, для своих больше [зерна] выделил'.

Учитывая, что основным значением родительного падежа является выражение посессивных отношений, можно заметить, что здесь также сохраняется указание на количественные характеристики посессора(ов) и коррелята(ов), выражаемые, как уже отмечалось выше, морфологическими маркерами множественного числа: *бускельлэназ* [бусые] '[в поле] соседа' ~ *бускельлэньёсаз* [бусуюсы] '[на поля] соседа' ~ *бускельёслэназ* [бусые] '[в поле] соседей' ~ *бускельёслэньёсаз* [бусуюсы] '[на поля] соседей'.

Важно заметить, что полная парадигма на базе генитивной производящей основы имеет избирательный характер и не может быть восстановлена для всех имен существительных удмуртского языка. В случае двойного склонения с генитивной производящей

мать аффиксы всех остальных косвенных падежей и даже может образовывать двойной родительный падеж, например, *ахы* 'брат' ~ *ахи:н* 'братов, братнин' ~ *ахи:на* 'брата, братьев, братнин'. В силу своей активности родительный падеж как бы является основой двойного склонения и часто передает значение принадлежности чего-либо кому-, чему-либо, выраженное основой склоняемого слова. При этом наслаивается дополнительное значение, присущее другим падежам, форманты которых присоединяются к форманту родительного падежа» [Убушаев 2006: 130].

основой²⁸ в морфологической структуре слова наличие лично-притяжательных и указательно-выделительных суффиксов имеет факультативный характер: *Но солэн синъёсыз пичи мурт-лэн-лы уг кельшо* (Чер., 108). ‘А его глаза не похожи [на глаза] ребенка’; *Уй пал пужыоссы маин ке жуч-лэн-лы матынэсь, лымышорын – бигерьёс-лэн-лы* (СС, 212). ‘Узоры северных [удмуртов] напоминают [узоры] русских, а на юге – [узоры] татар’; *Суйёсыз* [Лагуненколэн] *кышномурт-лэн-лы кельшо* (Архип., 57). ‘Руки [Лагуненко] похожи на женские (букв. женщины)’;

б) другой относительно активной производящей основой в образовании двойного склонения в удмуртском языке являются формы разделительного и творительного падежей: *Нокинлы вазиськыны, юрттэт курыны, одйг малпан-оскон гинэ йыраз чуртнаськиз: пычал-энь-ёс-ын* ёош кариськоно, *агайзэ шедьтоно* (СС, 195). ‘Не к кому обратиться, не у кого попросить помощи, одна мысль закралась в его голову: надо пойти вместе с теми, у кого есть ружья, надо найти старшего брата’; *Суредъ-ёс-ын-а-з арня ёоже ветлйз* (Черн., 33). ‘В художественные [музеи] (букв. в те, которые с картинами) он ходил в течение недели’.

В парадигме двойного склонения с производящей формой на творительный падеж вполне объяснимо отсутствие лишительного падежа: чаще всего творительный и лишительный падежи в системе современного удмуртского языка выражают значения одного порядка с положительной и отрицательной семантическими признаками: *чечыен* [чай] ‘чай с медом’ ~ *чечытэк* [чай] ‘чай без меда’, напр.: *Эсэпсэ уг шедьтйськы, куддыръя ыме пононтэм кузьыт луэ, мукет учыре сылалтэк пöзьтйсько. Пöзем бераз понэм сылалэн шыд туж ческыт уг луы* (Смир., 145). ‘Не могу найти меру: иногда [суп] бывает до того пересоленным, что невозможно есть, а иногда варю совсем без соли. Если добавить соли в готовый суп, он (букв. суп с солью) уже бывает не таким вкусным’;

²⁸ Указательно-выделительные суффиксы могут отсутствовать и в морфологической структуре других производящих основ: *Пырысько Двореце: шундые-куазе, тыпы ёсьёс черк-ын-лэсь устоесь!* (Лям., 455). Захожу во Дворец: о боже! дубовые двери [здесь] даже лучше, чем в церкви’.

в) среди пространственных падежей в случае двойного склонения в качестве производящей основы чаще всего выступают те падежи, которые характеризуются более высокой дистрибутивной нагрузкой и, следовательно, более высоким уровнем абстракции (в этом ряду исключение составляет падеж иллатив): *Но, уть ай, гуртёсын ваньмыз со город-ын-лэсь чарак чылкытгес ук, нош висисьёс пöлын, оло ке, жёнынезлэсь трос, пе, гурт калык* (ПГ, 293). ‘Но, посмотри-ка, в деревнях все это [воздух, вода, леса] гораздо чище, чем в городах, однако среди больных более половины – это деревенские жители’; *Сэргысь ёог-ысь-с-э басьты* (ЧП, 88). ‘Возьми [одежду], которая находится в углу на вешалке’; *Городын гужем уйёс но гурт-ын-лэсь воксё мукетэсь* (СС, 42). ‘В городе даже летние ночи другие по сравнению с деревенскими (букв. чем в деревне)’; *Кипоскесысьтыз часэз шоры учкыса, борддор-ысь-с-э чаклаз, соиз уг ветлы ни* (СЕ, 77). ‘Посмотрев на наручные часы, [Лина] перевела взгляд на настенные: те уже не ходят’.

Формы, имеющие в качестве производящей основы предельный падеж, чаще всего сочетаются с дательным падежом, при этом происходит усиление значения предельности с точки зрения темпоральных характеристик: *Кузё кышнолэн, азбарзэ но кап-казьзэ нуналлы быдэ ёужыса, калыз быре, ойдо ужтэмлэсь уж, ас понназ вуёйртонэз нуназе-озь-лы тырме* (СН, 324). ‘Хозяйка выбивается из сил, каждый день подметая двор и территорию перед воротами, [находит] дело от безделья, зато ее ворчанья хватает до обеда’; – *Мар-о сыёе воксё долкад мон шоры, маке тышкаськон кылыд-а вань, жёйт-озь-лы тусме-а син азяд пуктыны турттійськод? – пальпотыса синёссэ усьтійз Яшка* (СС, 278). ‘– Что так смотришь на меня: или есть повод поругаться со мной, или пытаешься запомнить мой образ до вечера? – с улыбкой открыл свои глаза Яшка’.

Особенностью употребления пространственных падежей в функции производящей основы является то, что они чаще всего склоняются только по субъектно-объектным падежным формам, более широкую парадигму (но тоже без участия всех пространственных падежей) допускает падеж элатив.

Как можно заметить из вышерассмотренных примеров, основным условием функционирования явления двупадежности в

современном удмуртском языке чаще всего является: а) эллипсис; б) инверсия; в) парцелляция. Рассмотрим каждый из указанных явлений подробнее.

А. Эллипсис

Основным условием возникновения явления двупадежности в системе современного удмуртского языка, как показывают примеры из художественной литературы, является эллипсис (греч. *élleipsis* ‘опущение, недостаток’), или «такая структура, в которой отсутствуют некоторые элементы связи. Обычно эллипсис представляет собой такую форму, где легко восстановить эти отсутствующие члены» [Томашевский 1983: 262], напр.: *Игорь Михайловичлэсь нырысь кышноезлэсь фотозэ но пичи пи-зы-лэн-эн артэ борддорын возё* (СС, 298). ‘Фотографию первой жены Игоря Михайловича они держат на стене рядом с [фотографией] своего младшего сына’; *Кот дйсьтэ кыль но тани Павол-лэсь-с-э дйсь* (САС, 175). ‘Снимай мокрую одежду и надевай [одежду] Павла’; *Гаврилов-лэн-лы вамен сылйсь жёк сыёрын кыкетйез секретарь Осотов но райисполкомлэн председателез ваче син пуко* (САС, 66). ‘За столом, который стоит напротив [стола] Гаврилова, сидят друг против друга второй секретарь Осотов и председатель райисполкома’.

Решение проблемы функционирования эллипсиса в научной литературе очень часто ставится в зависимость только в контексте предложения²⁹ как основной единицы синтаксиса. В этой связи целесообразно согласится с мнением А. П. Сковородникова, который считает, что понятие эллипсиса «целесообразно связывать не с понятием предложения как предикативной единицы, а с более широким понятием синтаксической конструкции, имея в

²⁹ См., в частности: «В сфере предложения как эллипсис определяется: а) пропуск того или иного члена предложения, компонента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста, причем смысловая ясность обычно обеспечивается смысловым и/или смысловым параллелизмом; б) отсутствие какого-либо компонента высказывания, легко восстанавливаемого из конкретной речевой ситуации (*получить тройку в школе*); в) нулевая связка (*Моя мать – врач*). (см. подробнее: [БЭС 1998: 592])

виду как простые и сложные предложения, а также сложные синтаксические единства, так и их части, в том числе – полупредикативные и непредикативные словосочетания» [Сковородников 1973: 116].

Как подчеркивает ученый, эллиптическая (неполная) синтаксическая конструкция: а) характеризуется хотя бы одной нереализованной обязательной (в том числе контекстуально обусловленной) языковой валентностью, компенсируемой средствами внутреннего или внешнего контекста, а также ситуацией высказывания; б) имеет фактически (в речи, в тексте) или потенциально (в языке, в системе) соотносительную нормативную конструкцию с аналогичной реализованной валентностью» [Сковородников 1973: 123].

Такое более широкое понимание эллипсиса позволяет объяснить функционирование двупадежности в удмуртском языке, в частности, средствами внешнего контекста определяется форма *люк-ысь-с-э* в следующем синтаксическом единстве: *Огеныз таин кыед донгасько, бервылме ёужыса сузасько-бичасько, собере гинэ дёдьы тырыны вилка кутйсько. Соиз уже юнме луэ ук. Мон но гид дорысь дась люк-ысь-с-э бусые ворттысал, уждунэз огкадь бере* (САС, 49). ‘Одним из них [лопатой] я собираю навоз, за собой чисто подметаю, лишь потом берусь за вилы, чтобы этот навоз загрузить в сани. А вся проделанная до этого работа останется напрасной. Я [Демидова] тоже бы вывозила [навоз] из готовой кучи перед зданием фермы, раз идет одинаковая зарплата’.

Контекстом обусловлено также функционирование лексемы *пукись-ёс-лэн-эн*: *Гужем коть толалтэ тазы луылйз: солэн сиосыз но, курикёсыз но, нумырез-маиз но вёзэз пукись-ёс-лэн-эн огкадесъгес, но солы чорыг сюре, мукетёсызлэн ке пукыоссы но уг вырзыло* (ПГ, 248). ‘И зимой, и летом было одно и то же: его леска, крючки, червяки и всякое другое были почти такими же, как и у сидящих рядом, но ему рыба попадалась, а у других даже поплавки не двигались’.

Наличие широкого контекста важно также для деконструкции словоформы *нэнэ-ез-лэсь-с-э*: *Частяз сое кык гожтэтъёс возьмало вылэм ини. Далай гинэ вуллям – кык арня пала талэсь азьло. Одйгез – дорысьтыз (Колизылэн ки бервылыз), мукетыз – Санькалэн. Нырысь Аркаш нэнэ-ез-лэсь-с-э усьтйз* (Пер., 438). ‘В [воинской] части его ожидали уже два письма. Они пришли уже

давненько – примерно две недели тому назад. Одно – из дома (на конверте почерк Коли), другое – от Саньки. Аркадий вначале открыл [письмо] от матери’.

Соотносительную нормативную конструкцию с аналогичной реализованной валентностью можно выявить в случае употребления следующего существительного: – *Тй татчы, оло, быдэс ар-ня-лы лыктйськоды, сумкаостэс мырдэм нуиськоды кадь. – Жы-т-озь-лы* (Смир., 59). ‘– Кажется, вы сюда идете на всю неделю, еле тащите свои сумки. – До вечера’.

Таким образом, сигналом эллиптичности может быть как нереализованная обязательная грамматическая сочетаемость, так и нереализованная обязательная лексическая сочетаемость: – *Ро-манов, шуиськоды? Озьыен, атайдыя. Анайды-лэнь-я ке, Поно-маревъёс луысалды* (Архип., 40). ‘– Романов, говорите? Значит, по отцу. Если были бы по [фамилии] матери, были бы Пономаре-вым’; *Корзинаысьтыз италмассэ Роза мукет банкаен со кышно-мурт-лэн-эн артэ пуктйз* (СС, 116). ‘Свои италмасы из корзины Роза поставила в другой банке рядом [с италмасами] той женщи-ны’; *О-о, колодец но замокен чогамын, нош ключ йöгу-лэн-эн-ыз огазын вал* (САС, 150). ‘Да-а, колодец тоже закрыт, а ключи на-ходились в одной связке [с ключами] от погреба’; *Колхоз-лэсь-с-э уд дунъяськы, аслыд гинэ капыръяны дась!* (Лом., 101). ‘[Ты] не ценишь колхозное [имущество], готова все взять себе’.

Б. Инверсия

Другим условием функционирования двупадежности можно считать инверсию (лат. *inversio* ‘переворачивание, перестановка’), или «намеренное нарушение объективного словопорядка (прямого или обратного), обеспечивающего развитие сообщения от темы к реме. В результате рема (или отдельные ее элементы) попадает в препозицию по отношению к теме или оказывается обрамленной частями темы» (см.: [ЭСЛТП 2008а: 159]).

Чаще всего явление двупадежности возникает в случае нарушения нормативных тенденций словорасположения, предписываемых структурой языка, например, определение может быть оторвано от определяемого слова или поставлено в постпозиции: *Гена, мон толон таблетка кòт-лэсь-с-э сётйськем, йырлы номыри вылымтэ ни* (СС, 257). ‘Гена, вчера я, оказывается, дала тебе таб-

летку от болей в животе, а [лекарства] от головных болей уже не оказалось’.

Именно инверсия дает возможность выделить основное слово в предложении или тексте, иными словами она производит некоторую стилистическую перегруппировку.

В. Парцелляция

Явление двупадежности может также возникать в результате парцелляции (лат. *parcella* ‘частичка’, франц. *parcelle* ‘частица’), под которым понимается «способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения – несколькими коммуникативно самостоятельными единицами (...) Парцеллированные сегменты – парцелляты – могут подвергаться инверсии, находиться как в контактной, так и в дистантной позиции относительно базовой части предложения или других, формально и семантически связанных с ними парцеллятов» [БЭС 1998: 369], напр.: *Кылзы ай, тыныд вылй кивалтйсьёслы вазиськоно вылэм. Район-ысь-ёс-ыз-лы-а, город-ысь-ёс-ыз-лы-а* (ПГ, 29). ‘Послушай, тебе следовало бы обратиться к руководителям. Районным (букв. тем, кто из района) или городским (букв. тем, кто из города)’; *А мон Тйледыз гинэ уг вераськы – вань кивалтйсьёсты. Муско-ысь-ёс-с-э но* (ПГ, 159). ‘А я не только о Вас веду разговор – обо всех руководителях. В том числе и московских (букв. о тех, кто из Москвы)’.

При парцелляции отчлененный постпозитивный сегмент текста может быть присоединен к предыдущему тексту без всяких структурных и лексических изменений. Как отмечают авторы грамматики русского языка, «в несегментированном, непарцеллированном тексте коммуникативная значимость таких частей меньше, чем при их отчленении» (см. подробнее: [СРЯ 2003: 821]).

Таким образом, склонение существительных в условиях двойного склонения в большей степени представлено дефектными парадигмами и носит спорадический характер, т. к. вызван особыми условиями дистрибуции: эллипсисом, парцелляцией и инверсией.

4. К вопросу дистрибуции суффикса *-гес* в морфологической структуре имен существительных

1. В грамматической структуре пермских языков одним из лексико-грамматических категорий имени прилагательного является категория степеней качества³⁰, представленная тремя формами: позитивом (положительная степень), модеративом (степень неполного качества) и интенсивом (высокая степень качества). Выделение данной парадигмы³¹ в отдельную лексико-грамматическую категорию в удмуртском языкознании относится к 90-м гг. XX века, до этого исследуемые формы отдельно не рассматривались. Конструкции, образованные посредством редупликации основы прилагательного (*лыз-лыз* 'синий-синий') или присоединением к этой основе усилительных слов (*туж* 'очень, слишком', *ортчит* 'чрезмерно', *укуп* 'слишком' и др.), большинство составителей грамматик удмуртского языка [Глезденев 1921: 25–26; Поздеева 1982: 71; Ушаков 1982: 66] относило к формам суперлатива. Аффиксы *-алэс* (*-ялэс*), *-мыт*, *-пыр* (*-пыръем*) ученые рассматривали либо как деривационные [Перевожиков 1948: 417–418; ГСУЯ 1962: 143 и др.], либо как формообразовательные [Алатырев 1983: 573] аффиксы. Суффикс *-гес/-гем* в этом контексте рассматривался лишь как суффикс сравнительной степени имен прилагательных, а его употребление в качестве суффикса,

³⁰ Степень качества – лексико-грамматическая категория, обозначающая «субъективную оценку степени интенсивности проявления признака. При выражении степени качества говорящий дает также и свою субъективно-эмоциональную оценку, причем оценка говорящим является во многих случаях определяющей» [Лудыкова, Федюнева 2003: 38–39].

³¹ В алтаистике интенсив и модератив чаще всего рассматриваются как формы категории степеней сравнения имени прилагательного: положительная, сравнительная, превосходная и уменьшительная (см. в частности: [ТГ 1993: 67–68]). Однако имеется и другая точка зрения: «Формы выражения степени признака являются в нанайском языке продуктами словообразовательного процесс (деривативного формообразования), никак не словоизменения. Поэтому связывать их с категорией степеней сравнения прилагательных нельзя» [Аворин 1959: 210–211]

указывающего на неполноту проявления признака, оставался вне поля зрения исследователей. И лишь в последние десятилетия появился ряд работ пермских лингвистов, в частности, И. В. Тараканова [1996: 220–223], В. К. Кельмакова [1998б: 130], Д. А. Ефремова [1999: 166–168; 2000: 92–96; 2002: 11; 2009а: 173–175], Л. Л. Карповой [2005: 67], В. М. Лудыковой [2001: 159–170; 2006: 37–57; Лудыкова, Федюнева 2003: 38–47;], в которых степени качества имен прилагательных рассматриваются в качестве самостоятельной лексико-грамматической категории.

Помимо выражения компаративных и модеративных значений имен прилагательных, исследуемый суффикс употребляется в морфологической структуре наречий, местоименных и послеложных основ, финитных и инфинитных глагольных форм, а также в структуре имен числительных и существительных (см. об этом, в частности: [Тепляшина 1964: 139–140; Кельмаков, Ефремов 1997: 120–121; Каракулова, Каракулов 2001: 94–95]).

О возможности суффиксов *-гес* и *-гем* присоединяться к падежным формам имени существительного в удмуртском языке впервые поднимает вопрос, по-видимому, финский исследователь Т. Г. Аминофф, хотя в качестве примера он приводит наречную форму *kid'okynges* ‘дальше’: «*Votjakin kielessä liittyy, niinkuin muissakin suomalais-ugrilaisissa kielissä, komparatiivin pääte myöskin substantiveihin* (курсив наш – *Н. К.*), *ei kuitenkaan suorastaan vartaloon, vaan sijäpäätteiden perään, es. kid'okyn kaukana, komp. kid'okynges kauempana. Tämäkin seikka osoittaa, että komparatiivi votjakin kielessä on verrattain nuori muodostus*» [Aminoff 1896: 29].

Аналогичное утверждение можно найти и в «Грамматике вотяцкого языка» А. И. Емельянова, где автор в качестве примеров также приводит послеложные и наречные формы: «Сравнительные суффиксы могут употребляться даже с косвенными падежами имени (курсив наш – *Н. К.*): *guraz dorikiges vetle*. Поближе к печке ходит; *mateges* ‘поближе’ [Емельянов 1927: 116]. Позже форма *гуртынгем* ‘по большей части в деревне’ была зафиксирована в грамматике И. В. Яковлева [1930: 29]. Однако проблема дистрибуции суффикса *-гес* (в современной художественной прозе мы не нашли ни одного примера употребления суффикса *-гем* в сочетании с субстантивной основой) и ее функциональная нагрузка в морфологической структуре имени существительного

удмуртского языка до сих пор остается неисследованной. В связи с этим в нашей работе попытаемся рассмотреть данное лингвистическое явление подробнее.

В рамках литературного удмуртского языка показатель *-гес* в морфологической структуре имен существительных имеет невысокую частотность употребления. Исследуемое явление более широко представлено в разговорной речи, где суффикс *-гес* постпозитивно присоединяется вслед за падежными маркерами и, по видимому, может быть представлен в морфологической структуре всех членов парадигматического ряда: *гармошка-ен-гес шу-дылыны* '(чаще/обычно) играть на гармошке'; *нюлэск-ын-гес поръяны* '(чаще/обычно) гулять в лесу'; *анаезь-я-гес карискылыны* '(чаще/обычно) соглашаться со своей матерью' и др.

С точки зрения функциональной нагрузки, субстантивные формы, маркированные показателем *-гес*, могут использоваться:

а) для выражения неполной степени проявления субъектно-объектных, пространственно-временных и других характеристик действия: *Коньдон но Володя ки-ын-гес возиськылйз* (РГ, 56). 'Деньги тоже чаще хранились у Володи (букв. на руках у Володи)'; *Водопроводэз но Кирла кышно-ез-лы-гес луыса ас корка-езлы матэ кыскытйз* (Крас., 9). 'И водопровод Кирла попросил протянуть поближе к своему дому большей частью из-за свой жены'; *Будйз со, вань эшъёсыз сямен ик – урам-ын-гес* (Сер., 140). 'Рос он, как и все его товарищи – большей частью на улице';

б) для выражения субъективной модальности, при котором обозначается эмоционально-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения: *Кышномурт кышномуртгес ик, солэн бёрдон ымдуразгес, куректон-кайгу кыл йылаз* (САС, 364). 'Женщина – это женщина, ее легко довести до слез (букв. плач у нее на губах), она делится своими печалью (букв. печаль-кручина у нее на языке)', или вносится дополнительный оттенок предположения, допущения: *Сюанмы ресторан-ын-гес луоз, дыр* (Нян., 76). 'Нашу свадьбу, скорее всего, сыграем в ресторане (букв. 'Наша свадьба, скорее всего, в ресторане будет, наверное)'. Выражение модальных значений посредством суффиксов, выражающих степень признака или действия, характерно и в коми языке: «В целом у глаголов в уменьшительной степени можно выделить две разновидности основного значения: а) уменьшительное простое и

б) уменьшительное модальное. Уменьшительное простое показывает малое проявление действия или недостаточный результат его (...) Уменьшительное модальное значение в качестве дополнительного оттенка включает в себя предположение, допущение со стороны автора-повествователя» [Цыпанов 1996: 111].

В рамках нашей работы интерес представляет первая функция, или выражение тотальности/парциальности действия посредством исследуемого аффикса. Ю. Л. Воротников, исследуя категорию меры признака в смысловом строе языка, считает, что исходный смысл «мера признака» традиционно членится на смыслы «безотносительная» и «относительная мера признака», на базе которых формируются частные смысловые категории «безотносительных и относительных степеней качества» (напр., *более высокий* и *очень высокий*, *самый длинный* и *чрезвычайно длинный*). В свою очередь, в системе безотносительных степеней качества (имплицитно они выражают относительный характер меры качества и содержат отсылку к абсолютному компоненту их значения), по мнению ученого, следует разграничивать степени интенсивности (избыточная – достаточная – недостаточная) и степени полноты (полная – неполная), а в системе относительных степеней качества выделяются равная, сравнительная и превосходная; позитив же рассматривается как исходная форма относительных и безотносительных степеней качества (см. подробнее: [Воротников 1999]).

Учитывая данную классификацию, можно отметить, что субстантивные формы, маркированные показателем *-гес*, относятся к группе безотносительных степеней качества и чаще всего указывают на неполную степень проявления субъектно-объектных, пространственных и др. характеристик действия. В пользу данного утверждения можно привести следующие доводы:

а) как при выявлении степеней сравнения, так и при исследовании степеней интенсивности и полноты действия, в основе оценки лежит диалектическое единство языка и мышления. Однако, при оценке степеней сравнения необходимо наличие двух и более объектов сравнения, в частности, «имя прилагательное в сравнительной степени называет качество, свойственное данному предмету или предметам (в большей мере, чем другому какому-нибудь предмету (предметам), или же в большей мере, чем сам предмет обладает, обладал или будет обладать этим качеством в

других условиях или в другое время» [ГРЯ 1960: 287], например: *Эшгёсыз сярись арлыдэн бадзымгес, соин-а, мар-а възьдаське* (КГ, 88). ‘По сравнению со своими подругами [Паня Алатырева] немного старше по возрасту, может быть из-за этого она смущается’. Имя прилагательное в превосходной степени означает «высшую степень качества или превосходство данного предмета над рядом других в отношении степени называемого качества» [ГРЯ 1960: 288]. С этой точки зрения субстантивные формы, маркированные показателем *-гес*³², могут употребляться в предложении вне подобного сравнения, а лишь характеризовать неполную степень проявления субъектно-объектных, пространственно-временных характеристик действия: *карандашён суредаськыны* ‘рисовать карандашом’ – *карандаш-ен-гес*

³² Аналогичное значение – степень неполноты качества/признака – выражается при помощи суффикса *-гес/-гем* и в структуре имен прилагательных: *Со улэ юромом пичигес скамейка пуктй* (САС, 163). ‘Под нее [под яблоню] я специально соорудил небольшую скамейку’ или: *Яша туж яратэ йёлын лэсьтэм кизергес омлетэз* (САС, 278). ‘Яше очень нравится приготовленный на молоке слегка жидкий омлет’.

Однако, если при выражении степеней качества имен прилагательных используется трехчленная парадигма: позитив – модертив – интенсив, то при выявлении полноты охвата действия, по-видимому, следует разграничивать лишь двухчленную структуру: позитив (выражение полноты охвата действия) – модератив (выражение неполноты охвата действия). Следует заметить, что наличие тернарной структуры степеней проявления действия характерно в исследуемом языке и для вербальных единиц: *курадзим* ‘(мы) мучались, страдали’ ~ *курадзимгес* ‘(мы) немного измучались’ ~ *туж курадзим* ‘(мы) сильно страдали, мучались’, напр.: *Буран жутскемен курадзимгес, сюрес согиськиз* (Вас., 17). ‘Из-за того, что начался буран, [мы] немного помучались, [т. к.] дорогу замело’; или: *Ураме потыса, Аннокез ульяса лэзьысал вылэм но, уггес дйсьты* (Крас., 65). ‘Выйдя на улицу, [Вася] прогнал бы Анну, но (букв. немного) не смеет’, а также для наречных форм: напр., *Государственной комиссийсь одйгез гинэ пумитгес вераськиз* (Смир., 36). ‘Только один [из членов] Государственной комиссии был немного против (букв. говорил немного против)’. О случаях употребления суффикса *-гес/-гем* в морфологической структуре различных частей речи удмуртского языка см.: [Кельмаков, Ефремов 1997: 119–127], о степенях действия в пермских языках см.: 105–115; Цыпанов 2005: 248–254].

суредаськыны ‘рисовать чаще/обычно карандашом (но не всегда)’; *вынызлы жингыртыны* ‘звонить младшему брату’ – *вынызлыгес жингыртылыны* ‘чаще/обычно звонить младшему брату (но не всегда)’ и др. В этом контексте следует заметить, что вербальная единица, управляющая субстантивной формой, маркированной показателем *-гес*, чаще всего допускает семантическое значение многократности действия или имеет значение постоянного признака субъекта (или объекта) действия: *Кызыы ке озыы луиз: ваньмон дырзэс Яша-ен-гес куинь кузя ортчытъяло* (САС, 99). ‘Как-то само собой получилось: свое свободное время [они] проводят чаще с Яшей втроем’. Таким образом, суффикс *-гес* с структуре субстантивных основ (аналогично адъективным формам с модеративным значением³³) не может быть рассмотрен в качестве компаративного показателя, т. к. (а) данные формы употребляются вне контекста сравнения; (б) они выражают не усиление признака, содержащегося в их основе, а – напротив – ослабление качества, неполноту его, сниженную его степень (см. подробнее: [Кельмаков, Ефремов 1997: 120–121]);

б) по характеру выражения оценки в лингвистике принято различать абсолютную и сравнительную оценку: «абсолютная и сравнительная оценка находятся на пересечении категорий «качество» и «количество». Абсолютная оценка выражает степень проявления качества по отношению к типичной норме проявления этого признака. Сравнительная оценка выражает степень проявления признака качества по отношению к степени проявления этого признака у объекта сравнения. Абсолютная и сравнительная оценка устанавливают отношения равенства и неравенства. Отношение равенства реализуется в нормативном значении (термин Ю. Л. Воротникова – сочетание кванторов нормативности *нормально, средне* и т. д. с позитивом) и в эквативном значении (сочетание прономинальных слов типа *как, сколько* и т. д.). В языке абсолютная оценка представлена категорией интенсивности/градуальности, а релятивная оценка – категорией степеней сравнения.

³³ Например: *Брюкиез вьльгес на, нош кирзовой сапегъёсыз нокытчы ярантэмесь* (Крас., 84). ‘Его брюки почти что еще новые, а вот кирзовые сапоги уже никуда не годны’.

Как подчеркивает В. В. Виноградов, «формы субъективной оценки, выражающие «смягчение, усиление или уменьшение качества», сами по себе никакого сопоставления предметов по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении отношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта к качеству предмета» [Виноградов 1986: 242]. В этом отношении субстантивные формы, маркированные суффиксом *-гес*, также сами по себе никакого сопоставления предметов/действий по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении отношений между качествами предметов, а в выражении неполной степени проявления субъектно-объектных, пространственно-временных и других характеристик действия: *Ачим но махоркалыгес дыши ини, котьку сигарет бась-тыны коньдон уг тырмы, но куд-ог дыръя ческытсэ верьям потэ* (Гряз., 156). ‘Я и сам больше к махорке привык, денег не всегда хватает, чтобы купить сигареты, хотя иногда хочется покурить хорошие [сигареты] (букв. хочется попробовать хорошие)’; *Валамон, уйёсыгес тыршизы, но ёрмонэз таман нош ик өз шёдылэ ини* (ПГ, 252). ‘Понятно, что они трудились в основном по ночам, но на нехватку [денег] некоторое время уже не жаловались’; *Кыдёке мон ой уя. Тйни со мур интыынгес бергай, – кыыныз возматйз Марзан* (Загр., 363). ‘Я не заплывала далеко. Купалась в основном на том глубоком месте, – показала рукой Марзан’; *Нош марлы ай тон, Васи, чемысь вальёстыгес суредаськод?* (Сер., 101). ‘А почему же ты, Вася, рисуешь чаще лошадей?’

Исходная форма существительного (или формы без показателя *-гес*) в этом контексте указывает на степень проявления качества по отношению к типичной норме проявления этого признака, в связи с чем соотносится с абсолютной нормой. При этом, следует заметить, что норма в этом отношении для любого признака субъективна и ситуативно обусловлена.

Таким образом, наличие суффикса *-гес* в морфологической структуре имени существительного указывает на неполную степень проявления субъектно-объектных, пространственно-временных и других характеристик действия и формирует по аналогии с лексико-грамматическим разрядом степени качества (позитив – модератив – интенсив) имен прилагательных усеченную оппозицию: позитив – модератив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система склонения литературного удмуртского языка представлена 15 членами парадигматического ряда, которые условно подразделяются по основному значению на субъектно-объектные (именительный, винительный, родительный (притяжательный), разделительный, дательный, лишительный, соответственный, творительный) и пространственные (местный, входный, исходный, отдалительный, переходный, предельный, направительный) падежи.

Количественный состав падежей в удмуртских диалектах различен и варьируется от 12 до 21. Минимальное количество падежей представлено в системе склонения большинства периферийно-южных и некоторых южных говоров, где уменьшение количества парадигматического ряда происходит за счет замещения адвербиальных и аппроксимативных форм послеложными конструкциями. В отдельных северных говорах и бесермянском наречии, напротив, количество падежей увеличилось до 21 за счет возникновения новой серии приблизительно-местных падежей с приметой *-н'л-*, препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (*-лань*).

Типологически система склонения имен существительных в современном удмуртском языке характеризуется следующими основными чертами:

- имя в именительном падеже единственного числа совпадает с его основой и является исходной формой при образовании косвенных падежей;

- падежные формы всех имен существительных, характеризующихся категорией склонения, образуются при помощи одних и тех же суффиксов. Некоторые из этих суффиксов могут выступать в различных фонетических вариантах в зависимости: а) от морфологических особенностей словоформы (*урамемӱ* 'по улице' ~ *кимӱз* *кутӱз* 'взял(а) за руку'; б) от генезиса развития корневой

морфемы (напр. *тракторен* ‘на тракторе’ ~ *валэн* ‘на лошади’ ~ *киын* ‘рукой’ и др.) и др.;

- границы падежных суффиксов в составе слова не нарушаются, вследствие чего они обладают относительно большей самостоятельностью, чем при фузионном способе соединения морфем;

- падежный суффикс в составе словоформы выражает определенное категориальное значение, причем во множественном и в единственном числе используются одни и те же падежные морфемы (иногда в различных морфонологических огласовках). Значение множественности выражается особым суффиксом *-ос/-ёс*: *гурт-ын* ‘в деревне’ ~ *гурть-ёс-ын* ‘в деревнях’;

- в парадигме склонения современного удмуртского языка следует разграничивать простое и притяжательное склонение. При притяжательном склонении в морфологической структуре слова наряду с падежными аффиксами присутствуют аффиксы принадлежности, которые содержат указание на число обладателя(ей) и предмет(ов) обладания;

- с точки зрения синтагматики, в структуре одной словоформы могут присутствовать до двух падежных маркеров: *гурт-ын-лэсь тросгес уждун* ‘зарплата выше, чем в деревне’, *гур-ысь-с-э шаньгиез верьяны* ‘попробовать шаньги, [испеченные] в печке’. Однако словоизменение имен существительных в условиях двойного склонения чаще всего представлено дефектными парадигмами и имеет невысокую частотность употребления, что вызвано особыми условиями их дистрибуции (эллипсисом, парцелляцией и инверсией);

- в морфологической структуре словоформы, маркированной падежными суффиксами, может употребляться также формообразующий суффикс *-гес*, указывающий на неполную степень проявления субъектно-объектных, пространственно-временных и других характеристик действия (напр., *жингыртылыны анай-лы-гес* ‘звонить (преимущественно, но не всегда) матери’, *уже автобус-эн-гес ветлыны* ‘на работу ездить (преимущественно, но не всегда) на автобусе’ и формирующий по аналогии с лексикограмматическим разрядом степени качества (позитив – модератив – интенсив) имен прилагательных усеченную оппозицию: позитив – модератив.

Категория падежа имени существительного традиционно определяется как полифункциональная. В частности, Н. Ю. Шведова определяет падежную парадигму существительного как «замкнутую систему многозначных грамматических единиц с распределенными между ними комплексами значений» [РГ 1980: 483]. Каждый падеж со своей системой значений занимает определенное место в парадигме. Конкретные значения у отдельных падежей могут совпадать, но в целом их семантические комплексы оказываются различными. Таким образом, падежная система характеризуется «полифункциональностью каждого падежа и изофункциональностью отдельных значений разных падежей» [Кацнельсон 1972: 43]. В этом отношении в словоизменительной парадигме литературного удмуртского языка максимальным спектром семантических значений обладают дательный, творительный и разделительный падежи.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- бес.* – бесермянское наречие удмуртского языка
б.-тан. – буйско-таныпский говор удмуртского языка
бурят. – бурятский язык
вепс. – вепсский язык
вин. п. – винительный падеж
глаз. – глазовский диалект (северное наречие)
Гул. – говор д. Гулёково Глазовского района УР
Дзяк. – говор д. Дзякино Ярского района УР
др. – другие
ед. ч. – единственное число
канл. – канлинский говор периферийно-южного диалекта
к-з. – коми-зырянский язык
Кож. – говор д. Кожиль Глазовского района УР
кркм. – кырыкмасские говоры (южный диалект)
кукм. – кукморский говор удмуртского языка (периферийно-южный диалект)
лит. – литературный язык
напр. – например
пад. – падеж
прикильм. – прикильмезские говоры (срединное наречие)
сев. – северное наречие; северные диалекты (или говоры) удмуртского языка
см. – смотри
ср. – сравни
сущ. – существительное
сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка
т. д. – так далее
тж – то же
т. к. – так как
т. п. – тому подобное
удм. – удмуртский язык

шошм. – шошминский говор периферийно-южного диалекта
эст. – эстонский язык
юдз. – южная диалектная зона
якут. – якутский язык

Acc – Accusativ (нем.) ‘аккузатив’
Ad – локализация ‘поверхность ориентира’
Ante – локализация ‘пространство перед ориентиром’
Appr – падеж аппроксиматив
Apud – локализация ‘область пространства рядом с ориентиром / вблизи ориентира’
Circum – локализация ‘пространство вокруг ориентира’
Cx – Kasussuffix (нем.) ‘падежный суффикс’
Egr – падеж эгрессив
Extra – локализация ‘пространство вне ориентира’
El – падеж элатив
In – локализация ‘пространство внутри ориентира’
Ines – падеж инесив
Inter – локализация ‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром’
PlS – Pluralsuffix (нем.) ‘суффикс множественного числа’
Post – локализация ‘пространство позади ориентира’
PP – permische Grundsprache (нем.) ‘пермский праязык’
Prol – падеж пролатив
PxS – Possessivsuffix (нем.) ‘посессивный суффикс’
Sub – локализация ‘пространство ниже ориентира’
Super – локализация ‘верхняя поверхность ориентира’
Supra – локализация ‘пространство над ориентиром’
syj. – sytjänische (нем.) ‘коми-зырянский’
Ter – падеж терминаив
vgl. – vergleichen (нем.) ‘сравните’
VT – wotjakische (нем.) ‘удмуртский’

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Анд. – Андрианов М. А. Пумиськонъёс: Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1964. 52 б.

Арх. – Архипов Т. А. Лудзи шур дурын: Роман. Ч. 2. Ижевск: Удм. кн. изд-во. 1957. 369 б.

Архип. – Архипов Т. А. Адымилэн чеберез: Роман. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 288 б.

АС – Ар-Серги В. Ноктюрн: Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 2003. 304 б.

Бад. – Бадретдинова Л. Г. Сюлэм пужыос: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 2006. 80 с

Байм. – Байметов И. М. Сюлэма тон гинэ: Веросьёс. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1998. 120 б.

Байт. – Байтеряков Н. С. Съод вальёс. Повесть, веросьёс, гожтэтьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 160 б.

Вал. – Валишин Р. Г. Инвожо уйшоре но пиштэ: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1974. 156 б.

Вас. – Васильев Н. В. Кин тон, атай? Веросьёс но повесть. Ижевск: Удмуртия, 1969. 124 б.

ВИ – Волег Иники. Юсьёс но кучъёс: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1995. 135 б.

Ворон. – Воронцов М. С. Меё гурезе: Очеркъёс. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 60 б.

Гавр. – Гаврилов И. Г. Вордйськем пальёсын: Роман-трилогия. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 264 б.

Гряз. – Грязев Г. Г. Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 280 б.

Евс. – Евсеев Н. Н. Пеймыт уй гинэ вералоз: Документъёсыя гожтэм повесть но очеркъёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 144 б.

Емел. – Емельянов Л. П. Кудпала берга дунне питран: Повесть / Послесловиез А. Н. Уваровлэн. Ижевск: Удмуртия, 1999. 248 б.

Загр. – Загребин Е. Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / Послесловиез А. Г. Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 416 б.

Инг. – Ингур: Удмурт фольклоръя лыдзет: Шор ёзо школа-ослы / Люказ, радъяз но валэктонъёссэ гожтйз Т. Г. Владыкина. Ижевск: Удмуртия, 2004. 352 б.

Исл. – [Ислентьевъ В.]. Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Составиль Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. Елабуга, 1889. 254 с.

КА – Клабуков А. Н. Адыми огназ öвöл: Кылбуръёс, верось-ёс, пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 1974. 112 б.

КГ – Красильников Г. Д. Кошкисез мед кошкоз: Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 176 с.

Кед. – Кедров Ф. А. Быръем произведениос. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 207 б.

Клаб. – Клабуков А. М. Палбам: Верос. Ижевск: Удмуртия, 1983. 84 б.

КМ – Кедр Митрей. Секыт зйбет: Роман, повесть, веросьёс, кылбуръёс, поэма, тодэ ваён / Азыкылэз П. Поздеевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1988. 392 б.

Конов. – Коновалов М. А. Гаян: Роман. Ижевск: Удм. кн изд-во, 1958. 230 б.

Кр. – Красильников Г. Д. Вуж юрт. Дилогия. Ижевск: Удмуртия, 1976. 412 б.

Крас. – Красильников Г. Д. Тонэн кылисько: Роман. Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1991. 390 б.

Кузн. – Кузнецова А. А. Чимошуре, Чимошуре: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 98 б.

Леон. – Леонтьев А. К. Сюрес усьтйське мынйсьлы: Исторической повесть-легенда. Ижевск: Удмуртия, 1995. 192 б.

Лом. – Ломагин К. Е. Котьку возь сюлэмад: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1983. 228 с.

Лям. – Лямин М. А. Шудбур понна: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. 464 б.

Мад. – Мадьяров Г. М. Аналтэм сяська: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1994. 184 б.

Мат. – Матвеев С. В. Мылкыд: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 119 б.

Матв. – Матвеев С. В. Шузи: Роман, повесть, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 288 б.

МДЭ – Материалы диалектологической экспедиции. ДЭ 2002. д. Уйвай Дебесского района.

МС – Матвеев С. В. Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс: Роман-уйбыртон. Ижевск: Удмуртия, 2005. 224 б.

Ник. – Никифоров Н. М. Толэзен вераськон: Веросьёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 200 б.

Нян. – Нянькина Л. В. Ваёбыж кар: Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1996. 176 с.

Панф. – Панфилова Е. В. Мумы: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 2008. 64 б.

ПВ – Петров В., Гаврилов И. Бугрес арьёс. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 247 б.

ПГ – Перевошиков Г. К. Шелеп: Повестьёс, верос; Жестоко-сердие: Повести. Трилогия / Пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. 464 с.

Пер. – Перевошиков Г. К. Ёыбыртты музьемлы: Роман-тетралогия. Ижевск: Удмуртия, 1992. Т. 1. 496 б.

Перев. – Перевошиков Г. К. Тёды куака: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1994. 328 б.

Перевощ. – Перевошиков Г. К. Сюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 776 б.

Пет. – Петров М. П. Люкам сочинениос. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Т. 3. 280 б.

Петр. – Петров М. П. Вуж Мултан. Роман / Азыкылэз Ф. Ермаковлэн. Устинов: Удмуртия, 1987. 360 с.

ПМ – Петров М. П. Люкам сочинениос. Ёрдон азын. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Т. 4. 239 б.

ПМП – Петров М. П. Италмас: Легенда. Ижевск: Удмуртия, 1984. 48 с.

ПС – Перевошиков С. А. Выльысь лыктй мон дорады: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1990. 78 б.

Пукр. – Пукроков Ф. П. Кизили ныл: Роман, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 312 б.

РГ – Романова Г. В. Ёужыт-ёужыт гурезе...: Верос сузъет, серемес веросьёс, выжыкыльёс, сценкаос. Ижевск: Удмуртия, 2000. 160 б.

Роман. – Романова Г. В. Виль кен: Веросьёс, выжыкылъёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 214 б.

Сад. – Садовников В. Е. Кошкизы но – өз берытске: Повесть, очерк, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 142 б.

Сам. – Самсонов С. А. Тау тыныд, аяями. Ижевск: Удмуртия, 1963. 84 б.

Самс. – Самсонов С. А. Яратйсько тонэ. Ижевск: Удмуртия, 1965. 224 б.

Самсон. – Самсонов С. А. Вужер: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 б.

САС – Самсонов С. А. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1979. 384 б.

СЕ – Самсонов Е. В. Тулыс ёукна: Повесть, очеркъёс но веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 288 б.

СЕВ – Самсонов Е. В. Арама кузя: Веросьёс. Ижевск: Удм. кн изд-во, 1959. 76 б.

Сер. – Ар-Серги В. Тулкымъёс вылын – пыжед: Повестьёс, веросьёс, кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1993. 224 б.

Серг. – Серегеев В. В. Лыдъя, лыдъя кыке: Повестьёс, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1988. 208 б.

СН – Самсонов Н. Агбай: Веросьёс, повестьёс, роман. Ижевск: Удмуртия, 1996. 416 б.

СС – Самсонов С. А. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее: Повесть, веросьёс, очерк, тодэ ваёнъёс. Ижевск: Удмуртия, 1993. 384 б.

Скатк. – Скаткин М. Н. Естествознание: Нылетй классын лыдзöн книга. Ижевск, 1956. 120 б.

Смир. – Смирнов В. Е. Погонтэм солдатъёс: партизанъёслэн улонысьтызы суредъёс. Ижевск: Удмуртия, 1968. 89 б.

Смирн. – Смирнов В. Е. Будо бадяръёс: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. 200 б.

Тих. – Тихонова Л. И. Лул-сюлэм: Кылбуръёс, кырзанъёс. Ижевск: Удмуртия, 2002. 160 с.

Хайд. – Хайдар Р. О. Ачим: Веросьёс, юморескаос, скетчъёс. Ижевск: Удмуртия, 1999. 200 б.

Хр. – Христолюбова Л. С. Калык сямъёсты чакласа. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 б.

Чер. – Чернов П. К. Дор: Повестьёс. Устинов: Удмуртия, 1985. 256 б.

Черн. – Чернов П. К. Пилемо дауръёс: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1993. 160 б.

Четк. – *Четкарев О. Г.* Выж герза ядуръёсты: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1985. 120 б.

ЧП – Чернов П. К. Казак воргорон: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 480 б.

ЧТ – Чернова Т. Н. Тыныд тодмотэм кырзанэ: Кылбуръёс: Удмуртия. 1980. 48 с.

Шир. – *Широбоков В. Г.* Ошмес жильыртэ ваньмызлы. Ижевск: Удмуртия, 1980. 240 б.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка: Фонетическое введение и морфология именных частей речи / Ин-т языкозн. АН СССР. М.–Л., 1959. Т. 1. 284 с.

Алатырев В. И. Падежи в удмуртском языке. Тезисы к 1-й республиканской языковой конференции. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. 8 с (на правах рукописи).

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Около 35000 слов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: Русский язык, 1983. С. 561–591.

Аллатов В. М. История лингвистических учений: Учебное пособие. М.: «Языки русской культуры», 1998. 368 с.

Атаманов М. Г. Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu 7.–13. 8. 2000. Summarica acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Linguistica. P. II. Tartu, 2000. S. 19–20.

Беккер 1995 – Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. 293 с.

Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 3–14.

Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–70.

Бондарко А. В. Теория инвариантности Р. О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 5–18

БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1986. 112 с.

Вахрушев В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 228–241.

Вахрушев В. М. Изафетные конструкции в удмуртском языке // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып. 21: Филология. С. 78–106.

Великоречкий А. Д. Пространство в современных западно-германских и русском языках: Опыт построения метаязыка // Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгян. М.: ООО «Русские словари», 2002. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. С. 8–34.

Воейкова В. Д. Бытийные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 53–79.

Володин А. П. Безаккузативность как типологическая доминанта уральских языков (на материале финского) // Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии. С.-Пб.: Изд-во СПб ун-та, 2000. С. 28–38.

Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М.: Азбуковник, 1999. 278 с.

Ганенков Г. Д. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. / Ред. В. А. Плунгян. М.: ООО «Русские словари», 2002. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. С. 35–56.

ГБЯ 1962 – Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология / Ин-т языкозн. АН СССР / Под ред. Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 340 с.

Гладкий А. В. набросок формальной теории падежа // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 45–55.

Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. 55 с.

ГРЯ – Грамматика русского языка: Фонетика. Морфология / Ин-т русского языка АН СССР. М., 1960. Т. 1. 720 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

ГСЯЛЯ 1982 – Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология / Якутский филиал ИЯЛИИ Сибирского отделения АН СССР. М.: Наука, 496 с.

Десницкая А. В. Теория ранней ступени номинативного строя (О труде С. Д. Кацнельсона «Историко-грамматические исследования») // Вопросы языкознания. 1988. № 6. С. 34–44.

Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков / АН СССР. Отделение лит-ры и языка. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 608 с.

Дульзон А. П. Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими // Вопросы финно-угроведения. Выпуск V. Йошкар-Ола / Мар. НИИ при Совете Министров Мар. АССР, Ин-т языкозн. АН СССР. Йошкар-Ола, 1970. С. 31–36.

Едыгарова С. В. Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. 290 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. 160 с.

Ермушкин Г. И. Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских языков // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М.: Наука, 1978. С. 155–265.

Ефремов Д. А. Категория степеней качества прилагательного в удмуртском языке // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 166–167.

Ефремов Д. А. О способах выражения неполноты качества в удмуртском языке // Материалы II Всероссийской научной кон-

ференции финно-угроведов “Финно-угристика на пороге III тысячелетия”. Саранск, 2000. С. 92–96.

Ефремов Д. А. Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. Ижевск, 2002. 20 с.

Ефремов Д. А. Категория степеней качества в удмуртском языке и ее тюркские параллели // Чуваший язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Международной научной конференции «Чуваший язык и современные проблемы алтаистики» (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. Ч. I. Чебоксары: ЧГИГН, 2009а. С. 173–175.

Ефремов Д. А. Удмурт кылысь каронкыллэн управлениез сярысь // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2009б. Вып. 1. С. 43–54.

Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenn-Ugristica. Труды по финно-угроведению / Тартуский ун-т. Тарту, 1980. Вып. 6: Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. С. 103–109.

Зайцева М. И. Грамматика вепского языка: Фонетика и морфология. Л.: Наука, 1981. 360 с.

Золотова Г. А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. 1988. № 4. С. 52–58.

Золотова Г. А. О возможностях грамматической науки // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 14–21.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 472 с.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. 228 с.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2005. 581 с.

Карпова Л. Л. Отличительные явления в морфологии северноудмуртских диалектов // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: IV часть / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2007. С. 365–371

Категория 1989 – Категория посессивности в славянских и балканских языках / Под ред. В. В. Иванова. М.: Наука, 1989. 262 с.

Категория 1990 – Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко, С. А. Швачко, Е. И. Букреева и др. Киев: Наукова думка, 1990. 284 с.

Кацнельсон С. Д. Заметки о падежной теории Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 110–131.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 300 с.

Кельмаков В. К. Морфологические различия в удмуртских диалектах и их типы // LU. 1998а. № 2 (XXXIV). С. 106–120.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998б. 386 с.

Кельмаков В. К. К вопросу о типах склонения имен существительных в пермских языках // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск, 2000а. С. 73–87.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1. Ижевск: Изд. дом. «Удм. ун-т», 2003. 276 с.

Кельмаков В. К., Ефремов Д. А. О функциях суффиксов сравнительной степени *-гес* ~ *-гем* в удмуртском языке // LU. 1997. № 2 (XXXIII). С. 119–127.

Кондратьева Н. В. Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта) / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2010. 247 с.

Конева С. Г. Значения инессива в удмуртском языке // Пермистика 5: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Ижевск: Изд. дом. «Удм. ун-т», 2002. С. 128–132.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.

Кыдыкова Р. А. Проблема падежной синонимии в киргизском языке // Исследования по киргизскому языкознанию. Фрунзе, 1987. С. 60–66.

КЯ – Коми язык: Энциклопедия / Отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: Изд-во ДиК, 1998. 608 с.

Лаврентьев Г. И. Прямой и косвенные падежи с нулевой флексией: миф или реальность // Проблемы марийской и финно-угорской филологии: Сб. ст. / ГОУ ВПО «МГПИ им. Н. К. Крупской». Кафедра марийского языка и литературы. Йошкар-Ола, 2005. С. 44–53.

Лудыкова В. М. Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательного в диалектах коми языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т. Каф. коми и финно-угорского языкознания. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2001. С. 159–170.

Лудыкова В. М. Предиктивное прилгательное в коми языке. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 144 с.

Лудыкова В. М. Синтаксис имени прилагательного в коми языке. Дис. на соиск. ... д. филол. н., Сыктывкар, 2006. 445 с.

Лудыкова В. М., Федюнёва Г. В. Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков: Научное издание. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. 171 с.

Лутин С. А. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке. Авторф. дис...д. филол. н. М., 2008. 44 с.

Лыскова Н. С. Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. 248 с.

Лыткин В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 174 с.

Лыткин В. И., Тепляшина Т. И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 218–227.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1979. 264 с.

Максимов С. А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. Кафедра обще-

го и финно-угорского языкозн. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 1999а. С. 193–208.

Максимов С. А. Ареальные морфологические параллели в пермских языках // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / РАН УрО. Коми НЦ. Ин-т языка, лит. и ист. Сыктывкар, 1999б. С. 127–132.

Михалев А. Б. Общее языкознание. История языкознания: Путеводитель по лингвистике. М.: Флинта: Наука, 2005. 240 с.

Мосина Н. М. Семантическое содержание глубинных падежей // Современные мордовские литературные языки: нормы, проблемы, перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею проф. А. П. Феокистова (г. Саранск, 21 нояб. 2008 г.) / Правительство Респ. Мордовия, Морд. ГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2009. С. 127–131.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.

Насибуллин Р. Ш. Суффикс *-ti* в закамских говорах удмуртского языка // СФУ. 1972. № 3 (VIII). С. 193–196.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1978. С. 86–151.

Некрасова Г. А. О падежах на *-лань(-)* в коми языке // *Fenno-Ugristica*. Труды по финно-угроведению / Тартуский ун-т. Тарту, 1985. Вып. 12. С. 147–154.

Некрасова Г. А. Опыт описания семантико-синтаксических функций аблатива в пермских языках // *Fenno-Ugristica*. Труды по финно-угроведению / Тартуский ун-т. Тарту. 1989. Вып. 15. С. 107–117.

Некрасова Г. А. Развитие генитива в пермских языках // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1995а. С. 375–379.

Некрасова Г. А. Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках. Сыктывкар, 1997. 40 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 388).

Некрасова Г. А. Винительный падеж // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: Изд-во ДиК, 1998. С. 56.

Некрасова Г. А. Коми кывйын кык вежлӧг формалӧн ӧттшӧш паныдасълӧм // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 30–41 (Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН; Вып. 62).

Некрасова Г. А. Семантико-синтаксические функции датива в пермских языках // Пермистика 5: Сб. ст. / Удм. гос. ун-т. Ижевск: Изд. дом. «Удм. ун-т», 2002а. С. 170–191.

Некрасова Г. А. Система *L*-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика / Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2002б. 168 с.

Некрасова Г. А. Некоторые особенности функционирования падежей в коми-пермяцком языке // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир: Сб. ст. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2002в. С. 142–149.

Некрасова Г. А. Вежлӧг перым кывъясын: Пертас, вежӧртас: Велӧдчан небӧг. Сыктывкар, 2004. 118 с.

Некрасова Г. А. К вопросу о дефектных парадигмах существительных в пермских языках // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Отв. ред. Л. Г. Пономарева. Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. С. 225–233.

Некрасова Г. А. Типология выражения объектно-целевых отношений (на материале финно-угорских и русского языков) // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: V часть / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2008. С. 130–137.

Ольховников Б. А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания: Становление и эволюция канона грамматического описания в Европе. М.: Наука, 1985. 280 с.

Орловская М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Изд-во Института восточной литературы, 1961. 116 с.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1974. 484 с.

ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. 466 с.

Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101–116.

Падучева Е. В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 84–99.

Перевоицков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка (синтаксис, лексикология, морфология) // Удмуртско-русский словарь: Около 15 000 слов / НИИ ист., яз., лит. и фолькл. при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: ОГИЗ ГИИНС, 1948. С. 369–446.

Петухова Л. А. Глагольно-именные словосочетания в □А□р□ском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. 112 с.

Плунгян В. А. К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 205–223.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 283 с.

Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики / Ред. В. А. Плунгян. М.: ООО «Русские словари», 2002. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. С. 57–98.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. Фонетика и морфология. Ижевск, 1982. 156 б.

Прокушева Т. И. Маркированный аккузатив и его функционирование в коми языке // Лексика и грамматика финно-угорских языков: Сб. ст. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1996. С. 62–67.

Пупынин Ю. А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 48–63.

РГ – Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.

Селиверстова О. Н. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов: Сб. ст. М.: Русские слова-ри, 2000. С. 189–242.

Сергеев В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 300 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Сковородников А. П. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе (По материалам современной советской лингвистической литературы) // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 114–123.

СКЯ – Современный коми язык: Учебник для высших учебных заведений: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар, 1955. 312 с.

СРЯ – Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Л. А. Новикова, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов и др. СПб.: Изд-во «Лань», 2003. 864 с.

Стрелкова О. Б. Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте). Дис... к. филол. н. Ижевск, 2009. 217 с.

Тараканов И. В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) // Труды / Ин-т языка и лит. АН ЭССР. Таллинн: Эст. гос. изд-во, 1960. С. 117–153.

Тараканов И. В. К вопросу об употреблении суффиксов *-la*, *-lan*, *-laś* в удмуртском языке // СФУ. 1975. № 3 (XI). С. 173–178.

Тараканов И. В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15. 8. 1995. Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. Jyväskylä, 1996. С. 220–223.

Тараканов И. В. Удмуртский язык: становление и развитие: Сб. ст. Ижевск: Удмуртия, 2007. 288 с.

ТГ – Татарская грамматика: Морфология / АН Татарстана ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Казань, 1993. Т. 2. 397 с.

Тепляшина Т. И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.–Л., 1964. С. 136–145.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970. 288 с.

Тепляшина Т. И. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. 1975 (XI). С. 179–185, 295–296.

Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27. VIII. 1980. Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. С. 285–292.

Титова О. В. Влияние семантики объекта на оформление прямого дополнения в удмуртском языке // Марийская филология: Ученые записки историко-филологического факультета. Вып. 7 / Мар. гос ун-т. Йошкар-Ола, 2006. С. 180–183.

Томашевский Б. В. Стилистика: Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 288 с.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; Под ред. С. Д. Кацнельсона. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с. (Серия «Классический учебник»).

Тужаров Г. М. К вопросу о существовании немаркированных падежей в марийском языке // СФУ. 1987 а (XXIII). С. 19–27.

Тужаров Г. М. Правомерно ли признание статуса абсолютной формы имени в марийском языке // СФУ. 1987б (XXIII). С. 171–178.

Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987в. 144 с.

Тужаров Г. М. Немаркированные косвенные падежи в марийском языке // Лексика и грамматика финно-угорских языков: Сб. ст. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1996. С. 54–57.

Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / Калмыцкий ин-т гуманитар. исследований РАН. Элиста: АОР НПП «Джангар», 2006. 256 с.

Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 144 с.

Ушаков Г. А. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного // Вопросы грамматики удмуртского языка: Сб. ст. / НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1984. С. 5–17.

Федотов М. Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 460 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981а. С. 369–394.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981б. С. 394–435.

Ходова К. И. Падежи с предлогами в старославянском языке (опыт семантической системы). М.: Наука, 1971. 192 с.

Хонти Л. 'Habere' «по-уральски» // LU. 2008. № 3 (XLIV). С. 161–177.

Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке / Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. 284 с.

Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

Черемисина М. И. Принципы составления научной грамматики бурятского языка // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 681–695.

Чешко Е. В. История болгарского склонения / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1970. 320 с.

Чинчлей К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 100–117.

Эршлер Д. А. К типологии непациентивных значений аккумулятива // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 32–49.

ЭСЛТП 2008 – Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: Русский язык: в 2 т. / Под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М.: Флинта : Наука, 2008. Т. 1. 840 с.

ЭСЛТП 2008 а – Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: Русский язык: в 2 т. / Под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М.: Флинта : Наука, 2008. Т. 2. 814 с.

Якобсон Р. Избранные работы / Пер. с англ., нем., франц. языков / Под ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. 456 с.

Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск: Удкнига, 1927. 87 б.

Ямшанова В. А. Инструментальность как семантическая категория // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 63–72.

Яшина Р. И. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Авторф. дис...к. филол. н., Тарту, 1964. 21 с.

ALHONIEMI, A., 1993. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): Mit Texten und Glossar*. Aus dem Finnischen übersetzt von Hans-Hermann Bartens. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

AMINOFF, T. G., 1896. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. *JSFOu*, 2 (XIV). 1–48.

ANDERSON, J., 1971. *The Grammar of Case. Towards a localistic Theory*. Cambridge: Cambridge University.

BARTENS, R., 2000. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.

COOK, W. A., 1989. *Case Grammar Theory*. Washington, D. C.: Georgetown University Press.

CSÜCS, S., 2005. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

FILLMORE, C., 1968. “The Case for Case”. In: E. BACH, R. HARMS, ed. *Universals in Linguistic Theory*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968, pp. 1–88.

FINKE, P., 1974. *Theoretische Probleme der Kasusgrammatik (Skripten Linguistik und Kommunikationswissenschaft 9)*. GmbH: Scriptor Verlag GmbH & Kronberg Ts.

GABELENTZ, H., 1846. Zur votjakische Deklination. *Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache* (Berlin), I, 112–116.

HAKULINEN, A., OJANEN, J., 1976. *Kielitieteen ja fonetiikan termistöä*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

HEINE, B., 1997. *Possession. Cognitive sources, forces, and grammaticalisation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

ISK 2004 – *Iso suomen kielioppi*. A. Hakulinen, ed. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.

JACKENDOFF, R., 2002. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford: University Press.

KANGASMAA-MINN, E., 1993. Suomalais-ugrilaiset omistus-suhteet. In: *Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi. 14.5.1993*. Turku, 1993, pp. 46–54.

KEL'MAKOV, V., SAARINEN, S., 1994. *Udmurtin murteet (Tu-run yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47)*. Turku & Iževsk.

LIEBER, R., 2010. *Introducing Morphology*. Cambridge: University Press.

RANNUT, L., 1959. Seesütlev ja alaütlev ajamääruse käänetena. *Emakeele seltsi aastaraamat*. 1959, V, pp. 55–77.

RIEUX, J., ROLLIN E., 1975. *Janua Linguarum. Studia memoriae. Series Minor, 208*. Ghent: NICI.

SEIDEL, H.-E., 1988. *Kasus. Zur Explikation eines sprachwissenschaftlichen Terminus (am Beispiel des Russischen)*. Tübingen: Narr.

WICHMANN, Y., 1954. *Wotjakische Crestomathie mit Glossar*. Helsingfors, 1901. V + 134 S.; 2., Erganzte aufl. Anhang: grammatischer Abriss von D. R. Fuchs. Helsinki–Turku, 1954.

WIEDEMANN, F. J., 1847. *Versuch einer Grammatik der syrischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte*. Reval.

WIEDEMANN, F. J., 1851. *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Reval.

WINKLER, E., 2001. *Udmurt. Languages of the World. Materials 212*. Muenchen: Lincom Europa.

Научное издание

Кондратьева Наталья Владимировна

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ:**

Монография

Оформление обложки: О. А. Срелкова

*Отпечатано в авторской редакции
с оригинал-макета заказчика*

Подписано в печать 08.02.2011. Формат 60 x 84^{1/4}

Усл. печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 500 экз. Заказ № xxx

Издательство «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Удмуртского государственного университета
426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корп. 4

Н. В. Кондратьева

**Категория падежа
имени существительного
в удмуртском языке**

Ижевск 2011